

Леонард Золотарёв

Слово о полку

И
Г
О
Р
Е
В
Е

Это песнь о защите Русской земли
на все времена

Орёл – 2012

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

**СЛОВО О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

Орел – 2012

ББК 84 (4) 3

3 81

3 81 **Слово о полку Игореве. Свод переводов с древнерусского.** Составитель и автор Леонард Золотарёв.
– Орёл, издатель А. Воробьёв, 2012. – 336 с.

«Слово о полку Игореве» – главная книга древней Руси, древнерусский героический эпос, поэтическое освещение похода Князя Игоря с малой дружиной на половцев. Это призыв к единению русских как раз перед нашествием монголов – ордынцев (К. Маркс). В свод переводов различных авторов этого великого произведения вошел перевод и самого составителя сборника, известного писателя Леонарда Михайловича Золотарёва. Хочется обратить внимание на упругие, эмоциональные игры ритмов в его переводе, как бы уловившие нечто подобное в переводе Николая Заболоцкого, как и у самих песнопевцев Бояна и Ходыны («Половецкие ночи»).

Сюда же составитель включил первую часть из своей поэтической трилогии «Крещение Руси» - драму, созданную по мотивам его собственного перевода «Слова о полку Игореве».

ISBN 973-5-91468-111-8

© Золотарев Л.М., 2012

© Издатель: Воробьёв А.В., 2012

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А. С. ПУШКИН
«Песнь о полку Игореве»

Песнь о полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. М(усина)-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, рассказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим: прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха (Rowley). Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ерм(олаев), ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности «Песни о полку Игореве». Великий скептик Шлецер, не видав «Песни о полку Игореве», сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произ-

ведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Держ(авин)? но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о плку Игореве». Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Яр(ославны), в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя! Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других сл(авянских) наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII ст(олетии). Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирий(ских), ни болгар(арских), ни богем(ских), ни молд(авских) и других наречий слав(янских).

*Слово о плку Игоревъ (Игоря) сына Святъславля,
внука Ольгова*

«Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣхти о плку Игоревъ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣхъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлешю Бояню».

§ 1. Все занимавшиеся толкованием «Слова о полку Игореве» перевели: «Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?» Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому *ne*; иногда *ли* значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же*; донныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный или вопросительный если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и*, что, а, как уж, уж как (замечание Тредьяковского)¹

В другом месте «Слова о плку» *ли* поставлено так же, но все переводчики перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие!² — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы

¹Замечание 1-ое. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной — *неже-ли*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в «Слове о полку Игореве»: *луче же потяту быти, неже полонену быти*.

²Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Ему, сочинителю «Рассужд(ения) о дре(внем) и нов(ом) (слоге), было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя «Слова о полку Игореве» предпочитали былины своего времени старым словесам.

никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бъшеть* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает условную частицу — Не прилично было бы. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

«Боянь бо въщій, аще кому хотяше пьсьнь творити, то растькашеться мыслію по древу, сърымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакъ».

§ 2. Не рещу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашеться мыслию по древу — тут пропущено слово *славіем*, которое довершает уподобление; ниже сие выражение употреблено.³

«Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобщъ».

§ 3. Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие, как перевели некоторые. Междуусобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобщъ. Тогда пушашеть і соколовъ на стадо лебедъ etc.», т. е. 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъ-

³Примечание. Г-н Вельтман перевел это место: бывое воспеть, а не вымысел Бояна, коего мысли текли в вышину, как соки по дереву. Удивительно!

ясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы «Смерть Авеля». ⁴ Толкование Ал(ександра) С(еменовича) любопытнo (том 7, стран. 43). «Итак, надлежит паче думать, что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что, чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над ними».

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию приобретенное*, полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов, а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь видит в мнении Я. Пожарского *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие* (том 11-й, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

«Почнемъ же, братіе, повесть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано Слово о полку Игореве); иже истягну умь крѣпостію». (Истянул — вытянул, натянул, изведаль, испробовал. *Пожарский*: опоясал, первые толк(ователи):

⁴Но что есть общего между манерной прозою Господина Геснера и поэзіей «Песни об Игорѣ».

напрягши ум крепостию своею). Истянул, как лук, изострил, как меч,— метафоры, заимствованные из одного источника.

«Напльнився ратнаго духа, наведе своя храбрья плъкы на землю Половъцькую на землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на светлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти» — лучше быть убиту, нежели полонену.

«А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону». Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственнымъ знаменованіем, было некогда общим.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знамени заступи искусити Дону великаго». — Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастья на) Дону великом. *Печаль ему заступить* имеет несколько значений: омрачить, помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и горестъ знамение ему удержало. Спали князю в ум желаніе и печаль. Ему знамение мешало (Верещало) искусити Дону великаго. «Хочу бо (так хочу же, сказал) рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго<...> а любо испити шеломомъ Дону». «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталь, скача славію, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу), рища въ тропу Трояню чресь поля на горы». («Четыре раза упоминается в сей песни о *Трояне*, т. е. *тропа Трояня, вечи Трояни, земля Трояня и седьмый век Троянов*, но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему не возможно», говорят первые издатели). 5 стр., изд. Шишк(ова). Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понижали.

Через всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем четыре раза упоминает «Слово о полку Игореве», есть не кто иной, как римский император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Ши(шкова)): «Вступилъ Дъвою на землю Трояню(...) на синьмъ море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян» (Вельтман). Почему же?

«Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку» — etc. Поэт повторяет опять соображения Бояновы и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещей Бояне, Велесов внуче?» —

«Комони ржуть (за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивль; Игорь ждетъ мила) брата Всеволода».

Теперь поэт говорит сам от себя, не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Турь Всеволодѣ: одинь братъ, одинь свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есть Святъславличя: съдлай, брате, свои бръзья комони, а мои ти готови (готовы — значит здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском сл(овинском) наречии: ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* — неизвестными—дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощными*, то что ж бы значило *готовые кони*?), осъдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми (сие повторе, того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри

Свящ(енное писание)) *къмети* подь трубами повити» (г. Вельтман (пишет: «*Кмет* значит *частный начальник, староста*»). *Кметь* значит вообще крестьянин, мужик. *Каг gospòda stori krivo, kmeti mòrjo plàzhat' shivo*⁵).

1836

⁵Коль господа чинят несправедливость, крестьяне должны платиться жизнью (словенск.)

РУССКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

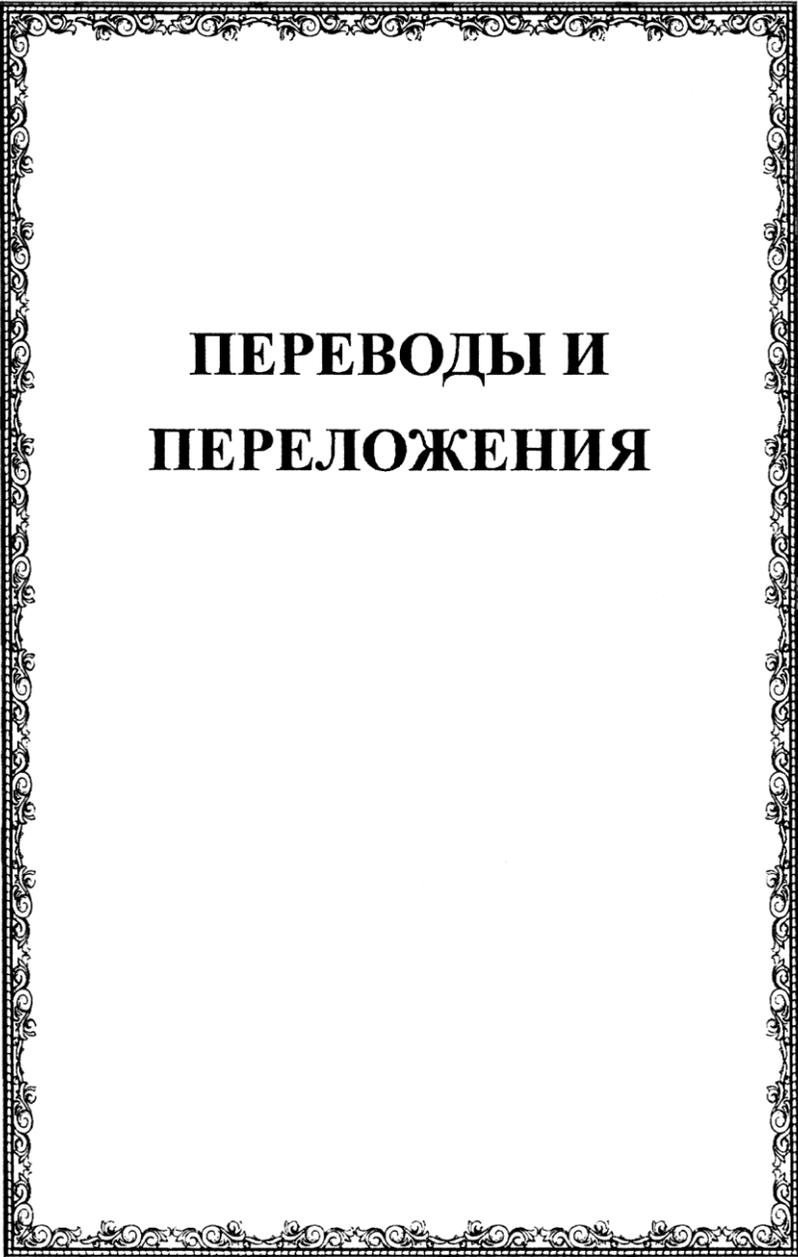
Читатель имеет уникальную возможность впервые познакомиться со столь представительным собранием переводов «Слова о полку Игореве», которому предшествует статья А.С. Пушкина.

В ожерелье эпических творений других народов («Кольцо Нибелунгов» - в нём «Сумрачный германский гений», «Песнь о Роланде» - голос прекрасной Франции, «Песнь о Сиде» - исполнение фламенко и болеро, карельская «Калевала», грузинская «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский» и др.) ярким перлом предстаёт краткое, но весьма ёмкое, живое, образное, задушевное «Слово» - это песнь русской души с древнейших времён. Эта трагическая история о судьбе воина, князя, скорби русской земли по погибшим её сынам. И это всё о нём – Солнце, накрывшем на миг нас своей чёрной тенью и вновь воссиявшем над нами с новой неистовой силой любви.

Это всё о наших предках, о нас с вами, какими мы были бы с вами тогда. И это наши кости долбили в те времена чёрные вороны, омывали слёзы любимых. И вот их надежды и упования докатились сегодня до нас. Это всё о Доне Иваныче и в «Слове о Полку», и в «Задонщине», и в «Тихом Доне». И какая же птица не долетит сюда до нас, до Тихого Дона, как и до середины Днепра. Слепой старец Боян чем не Гомер своего времени?

Это песнь о защите Русской земли на все времена.

От составителя и автора

**ПЕРЕВОДЫ И
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ**

Василий Жуковский
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен.
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей
пускал!
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,

И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон,
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»

Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу,— он рек,— преломить копье
На конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломам из Дона».

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропею Трояновой чрез поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов:

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,

Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!

И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском!
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутороканский.
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону
великому.

Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому!

И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шелома половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червлеными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,

Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей, Глебовны крас-
ная.

Были веки Трояновы,
Линовались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в золотое стремя в граде Тмуторокане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын
Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало меж-
дособием.
Погибала жизнь Дажьдбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу!

То было в тех сечах и в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломя,
Трещат харалужные копя
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костью была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой!

Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает!
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончили бесстрашные русские,
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!

И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновались брани князей на неверных.
Брат сказал брату: «То мое, а это мое же!»
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на
Русскую землю!..

О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле
поскакали

Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.

Так-то сии два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усыпил его мощный отец их,

Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Выврал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гряднице Святославовой.
Немцы и венецы,
Греки и моравы
Славу поют Святославу,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло
отрока;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.

И Святославу смутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня,— рек он,— черным покровом на кровати
тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.

И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмуторокана
Или выпить шеломом из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской
земле

И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают мечь Шураканову.
А наши дружины гладны веселием!»

Тогда изронил Святослав великий слово златое,
со слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!

А отрок по резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле
незнаемом?

Вступите, вступите в стремя золотое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем золотокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облака мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота открываешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского
через дальние земли.

Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за
Русскую землю,

За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко возлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремела, ятвяги,

И половцы, копьа свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые шеломы,
Ваши польские копьа, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславию;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червленными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела

Через золотое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли
Половецкия!

На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвинул врата
Новугороду

Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмуторокани,

Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
Начто ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:

«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
Ты пробил горы каменные
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской,
припеваючи:

«Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады
моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»

Прыснуло море ко полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит - не спит:
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи,
Овлур свистнул за рекою,

Чтоб князь догадался
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвинулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ:
«Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедыми на ветрах.
Не такова,— примолвил он,— Стугна-река:

Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил берега зеленые.

Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки защекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.

Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»
И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»

Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дочери
когановой.

«Тяжко,— сказал он,— быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой Богородице Пирогошей.
Радостны земли,
Веселы грады! —
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым,
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

Между 1817 и 1819

Михаил Деларю

**ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА**

Или начать нам, друзья, старым складом сказаний
воинских

Песнь о походе Олегова внука, Игоря-князя?

Песнь же ту нам начать по событиям дней настоящих,
Но не по замыслам вещим Бояна,— Боян, замышляя
Витязя славу воспеть, соловьем растекался по древу,
Серым волком в полях, сизокрылым орлом в поднебесьи.
Вспомнив сказанья лет прежних о брани, пускал он,
бывало,

Десять соколов быстрых на стаю лебязью: лишь только
Сокол на лебедь падет, лебедь песнь запоет —
Ярославу ль,

Храброму ль князю Мстиславу, который пред ратью
касожской

Смял их вождя, Святослава ли красному сыну Роману.
Только Боян, о друзья, не десять соколов быстрых
На лебединую стаю пускал, но на струны живые
Вещие персты взлагал, а те сами хвалу рокотали.
Други! Начнем же сказанье свое Владимиром древним
До современного Игоря-князя, который, облекши
Крепостью ум и мужеством сердца его поощривши,
Ратного духа исполнился весь и за русские грани
Храбрые рати свои навел на половцев землю.

Тут князь Игорь на светлое солнце воззрел и, увидел
Все дружины свои от затмения прикрытые мглою:
«Братья,— сказал,— и дружина! Под саблю смерть
краше плена;

Сядем же, братья, на борзых коней да на Дон синий
взглянем!»

Вспало князю на ум отведать великого Дону,
И желание ему заступило весть неба. «Хочу я, -
Молвил, - копье притупить о конец Половецкого поля,
С вами, русины, хочу свою голову здесь положить я
Или шеломом моим испить великого Дону!»

О Боян, соловей старины! Если б эти дружины
Ты нам воспел, скача соловьем по мысленну древу,
В небе летая умом, свивая славу времен двух,
Мчась по Трояна тропе через доли на горы! Воспеть бы
Было песнь Игорю, внуку Олега: «Не буря загнала
Соколов стаю чрез степи широкие; галки стадами
К Дону несутся великому...» или начать было б песнь ту
Так, о Боян, соловей старины, внук Велесов вещий:
«Кони ржут за Сулой, гремит слава в Киеве-граде,
Трубы трубят в Новгороде, стяги взвывают в Путивле,
Игорь ждет милого брата...» И вот буй-тур Всеволод

молвит:

«Брат один, один свет светлый, Игорь родимый ты, оба
Мы сыновья Святослава! Седлай, брат, коней своих
борзых;

Кони ж мои уж готовы, оседланы прежде под Курском.
А куряне мои — надежный народ; каждый ратник
Пóвит под трубами, вскормлен копьем, взлелеян под
шлемом;

Путь им известен, овраги знакомы; их луки исправны,
Тулы отворены, сабли наточены; сами как волки
Пó полю скачут, ища себе чести, князьям своим — славы».
Игорь в злат стремя вступил и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заслоняло; ночь, застонавши
Черной грозой, хищных птиц разбудила; в степи воют
звери...

О земля Русская, ты за холмами!.. Вот Стрибога внуки,
Ветры, веют стрелами с моря на Игоря рати!
Стонет земля, реки мутно текут, пыль поля покрывает,
Стяги лепечут: половцы идут от Дона, от моря
И от всех стран... Отступили бесстрашные русские рати.
Криком — нечистая сила, щитами червлеными — наши
Степь преградили. Ты, Всеволод яр-тур, стоишь впереди
всех,

Прыщешь стрелами, саблей булатной гремишь о шеломы!
Где только тур проскакал, золотым своим шлемом блистая,
Там уж лежат половецкие головы; страшно избиты
Шлемы оварские, яр-тур, саблей каленой твоею!
Что́ ему раны, друзья, коль и почесть и жизнь позабыл он,
И град Чернигов родной, и отцовский престол
позлащенный,
И своей милой любви — красной Глебовны нрав
и обычай?

Были Трояна века, миновали летá Ярослава;
Были Олега полки, Святославова сына Олега.
Тот мечом распри ковал и стрелы по полю сеял,
В стремя золотое вступая во граде Тьмуторокани.
Звук той же славы великий любил Ярослав; а Владимир,
Сидя в Чернигове, слух от нее отклонял повседневно.
А Вячеславова храброго юного сына Бориса
Слава на суд привела и на злачное ложе повергла
Не за свою, за Олегову честь. И с той же Каялы
Князь Святополк повелел взять отца среди угорских кóней
В Киев к Софии святой. В этот век Горислава Олега
Сеялось всё и росло средь крамол, и жизнь погибала
Дажьдбога внука, и в распрях князей век людской
сокращался.

В век тот на русских полях оратаи редко зывали;
Но часто враны кричали, трупы деля меж собою;

Галки свой хор подымали, собираясь лететь на покормку.
То было в те битвы, в тех ратях; битвы ж такой и не
слышно.

С утра до вечера, с вечера до света стрелы летают;
Сабли о шлемы гремят; трещат булатные копыя
В поле чужом, неизвестном, среди земли Половецкой.
Черную почву под конским копытом засеяли кости;
Кровь полила их: печалью взошли по земле они Русской...
Что зашумело, что зазвенело пред ранней зарею?
Игорь ворочает рать: ему жаль брата милого тура!
Билися день они, бились другой; на третий к полудню
Пали знамена у Игоря. Тут, у быстрой Каялы,
Братья расстались. Вина кровавого тут не достало;
Тут пир dokonчили храбрые русы: сватов попоили,
Сами навек полегли за родимую Русскую землю!
Никнет от жалости злак; под печалию древо согнулось...
Тяжкое время настало, друзья! Степи силу прикрыли.
В силах Дажьдбогова внука восстала обида: вступивши
Девой на землю Трояна, всплескала крылом лебединым;
Плещучи на море синем, у Дону, грозу пробудила.
Брань у князей на неверных исчезла; стал спорить брат с
братом:

То мое и это мое! И начали князи
Важным ничтожное звать и крамолу ковать друг на друга.
Враг же отсюда вторгнулся с победою в Русскую землю.
О! далеко зашел сокол, преследуя птиц, к синю морю;
Храбрым же Игоря ратям уже не воскреснуть! За ними
Крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
В пламенном роге пожар разнося. И русские жены
Всплакались, так вопия: «Уже нам друзей своих милых
Мыслью не взмыслить, думой не вздумать, очами не
взвидеть;

Златом же, серебром тем и подавно уже не брэнчать нам!»

Как восстал, братья, Киев с печали, Чернигов с напасти!
Скорбь разлилася по Русской земле; течет средь отчизны
Морем печаль, а князя друг на друга крамолу ковали!
Враг, уже сам набегая с победой на Русскую землю,
Дань брал по белке с двора: Святославовы храбрые дети,
Игорь и Всеволод, зло разбудили, которое было
Усыплено отцом их вторым, грозой Святославом,
Киевским князем великим. Грозен тот был; погромил всё
Воинством сильным своим и мечами булатными; ставши
На Половецкую землю, холмы притоптал и овраги;
Реки, озера взмутил; иссушил и потоки и блата;
А Кобяка, нечестивого князя, из лукоморья,
Из середины железных великих полков половецких,
Вихрю подобно исторг: и пал Кобяк в Киеве-граде,
В гриднице князя... Тут немцы, венецы, тут греки,
моравцы

В честь Святослава поют, корят Игоря - князя, что благо
Наше в Каяле погрёб, засыпав дно золотом русским;
Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло
пленных!

Стены градские уныли, веселие долу поникло...
А Святослав смутный сон видел. «Снилось мне,— говорит
он, —

Будто в ночь эту на киевских холмах меня одевали
С вечера черным покровом на тисовом ложе, и будто
Черпали мне вино синее с горечью, сыпля из тощих
Недр мерзких раковин жемчуг великий на лоно и нежа.
Будто уж доски без князя в моем терему златоверхом.
Бесовы враны кричали всю ночь на болоньи у Пленска,
Были в Кисановой дебри и не сошли к синю морю». —
«Князь! — отвечали бояре. — То скорбь уж умом
овладела.

То два сокола с отчих злаченых престолов слетели

Тьмутороканя искать или шлемом Дону напиться.
Соколам тем уж крылья подсекли сабли поганных,
Их же самих опутали крепко железные путы.
Было темно в третий день: померкли два солнца; погасли
Оба багряных столпа, а с ними два месяца юных,
Князь Святослав со Владимиром-князем, подернулись
мглою.

Тьма свет покрыла на бреге Каялы: по Руси простерлись
Половцы, словно пардов гнездо, и в бездну напастей
Ввергли ее и великую дерзость тем придали хану.
Уж нанеслася хула на хвалу; нужда встала на волю;
Див уж низвергся на землю! Вот готские красные девы
На берегу синя моря воспели; звеня русским златом,
Бусово время поют, лелеют мечь Шарокана.
Мы же, о князь! мы, дружина твоя, уже чужды веселья!»
Князь Святослав изронил со слезами тут слово златое:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод! рано вы стали
Половцев землю мечами губить, а себе искать славы!
С честью ль ли вы одолели? С честью ль кровь вражью
пролили?

Храбрые ваши сердца залалены в огне и отваге,
Что вы соделали, дети, моей седине серебристой!
Власти не вижу уж я богатого, сильного брата;
Войск Ярослава не зрю из черниговских воев, могутов,
Также татранов, шельбиров, топчаков, ревугов, ольберов.
Те, без щитов и оружия, криком полки побеждают,
В славу предков звоня. Но вы гордо сказали друг другу:
«Сами мужаемся, сами грядущую славу похитим,
Сами поделимся прежней!» А диво ли, братья, и старцу
Вновь поюнеть? Когда сокол, понявшись, перья роняет,
То высоко птиц взбивает, не даст гнезда он в обиду.
Горе лишь то, что князья мне не в помощь: лета
изменились».

Но уж, князь Игорь! Свет солнца убыл; не добром уже
древо

Листья сронило. По Рóси, Сулэ города поделили;
Храбрым же Игоря ратам уже не воскреснуть! Дон кличет,
Князь правоверный, тебя и зовет всех князей на победу.
Храброе племя Олега уже подоспело на битву...
Всеволод, Ингварь и все три птенца из Мстиславова рода
Все не худого гнезда шестокрыльцы! Не жребьем ли
битвы

Дóбыли власть вы себе? Начто ж ваши шлемы златые,
Ляшские копья, щиты вам начто?.. Заградите своими
Острыми стрелами полю ворота за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!..
Уж Сулá серебром не струится к Переяславлю,
И Двина болотом течет, под криком поганых,
К грозным тем полочанам... Один Изяслав Василькович
Острым мечом позвенел о шелома литвы, заглушивши
Славу деда Всеслава, а сам под щитами отчизны
Лег на кровавой траве, пораженный мечами литовцев.
Ложем избравши ее, он промолвил: «Твою, князь,
дружину

Птицы крылами одели, а звери кровь полизали».
Не был тут брат Брячислав, ни Всеволод не был, —
единый,

Душу жемчужную он изронил из храброго тела
Чрез ожерелье златое. Уньли победные гласы,
Ратей веселье поникло; трубят городенские трубы...
О Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните знамена,
Скройте мечи вы свои поврежденные! Вы уже чужды
Дедовской славы! Вы-то своими крамолами стали
Кликать на Русскую землю, на жизнь Всеслава, поганых...
Было ль какое насилье дотоль от земли Половецкой!
В век седьмой от Трояна Всеслав бросил жребий о деве,

Милой ему. О пределы подпершись клюками, скочил он
К Киеву-граду и добыл копьем там златого престола.
Лютым зверем отголь поскакал из Белáграда в полночь,
Синею мглой обернувшись, а к утру отбил стенобоем
Новуграду врата, расшиб Ярославову славу,
Волком помчался к Немиге с Дудуток... там, на Немиге,
Стелют снопы головами, молотят цепами стальными,
Жизнь кладут на току, веют душу от тела. Немигский
Брег не добром был засеян — засеян костями сынов
русских...

Князь Всеслав суды людям судил, князьям рядил грады,
Сам же волком рыскал в ночи; из Киева-града
До петухов он дорыскивал Тьмутороканских владений;
Хорсу великому путь перерыскивал волком он серым.
В Полоцке был он, когда позвонили ему рано утром
В колокола у Софии, а он звон уж в Киеве слышал.
Хоть и вещь душа в ином теле да часто страдала.
Вещий Боян наш ему-то разумную молвил припевку,
Так говоря: «Ни хитрú, ни горазду,— летал хоть бы
птицей,—

Не миновать суда божия!» О, стонать земле Русской,
Прежнее время и прежних князей поминая! Нельзя же
Было древнего князя Владимира к киевским высям
Нам навсегда приковать: ныне стяги его уже стали
Рюрика-князя одни, а князя Давида — другие.
Роги носящим хвосты чешут; копыта поют на Дунае...
Слышен глас Ярославны; пустынной кукушкой с úтра
Кличет она. «Полечу,— говорит,— по Дунаю кукушкой,
Мой бобровый рукав омочу в каяльские воды,
Раны кровавые князю на страждущем теле отру им!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О ветер, ветер могучий! К чему, властелин, ты

Всёшь напротив? К чему на свободных крылах своих
мчишь ты
Ханские стрелы на воинов друга? Иль мало под небом
Гор тебе веять, лелея судов стаи на море синем?
Что́ же, могучий, веселье мое по ковылю развеял?»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О Днепр пресловутый! Ты каменны горы
Сквозь Половецкую землю пробил; ты суда Святослава
До Кобякова войска лелеял; взлелей же, могучий,
Друга ко мне, чтоб не слала я слез к нему на море с утра!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «Светлое солнце, тресветлое солнце!
Всем тепло́ и красно́ ты! К чему ж, властелин, ты
простерло
Луч свой горячий на воинов друга? В поле безводном
Жаждой им луки свело, печалью им тулы заткало?»
Прыснуло в полночи море; идут смерчи синею мглою;
Князю Игорю бог кажет путь из земли Половецкой
В Русскую землю, к престолу отцов золотому. Погасли
Зори вечерние. Игорь-князь спит... Игорь бдит, Игорь
мыслью
Мерит поля до мала Донца от великого Дона.
Конь о полуночи. Свистнул верный Овлур за рекою,
Князю велит разуметь... Князю Игорю боле не быть там!
Вскликнуло, стукнуло поле; трава зашумела, подвигли
Половцев вежи... А Игорь в тростник поскакал
горностаем,
На́ воду гоголем белым; взлетел на коня удалого,
И, соскочивши проворно с него, босым волком помчался
К лугу Донца, и со́колом взвился под мглой, избивая
И лебедей и гусей на завтрак, обед и на ужин.
Ежели Игорь со́колом неся, Овлур мчался волком,
Труся студеную рóсу; коней же они надорвали...

Прежде старым, потом молодым. Слава Игорю-князю!
Слава буй-туру, слава Владимиру, Игоря сыну!
Здравье князьям и дружине, нечистую силу разящим
За христианство! Слава князьям, и дружине их слава!

1839

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях,—
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещей,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширял под облаками!
Как вспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь,—
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редэдю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было —
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом

И за землю Русскую дружину
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно уголь горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать»,— говорят в дружине.
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или плененным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем плененну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалась взглянуть на Дон великий!
«Преломить копьё свое,— он кликнул,—
Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещей песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,

В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы,
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святослави мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлёны!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,
Остры сабли крепко отточёны,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..

И вступил князь Игорь во злат стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.

Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшись по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отсюда
От телег их скрип пошел,— ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловецим клетком
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!
Ночь редет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было,— спозаранья
Потоптали храбрые поганых!

По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аksamиту, паволок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Всё дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повешают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслись,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят...
И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслись с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готова,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломах их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом,—
Там валяются головы поганых,
Там трещат аварские шелома
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утечи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод Великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич
За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломаются булатны
Среди неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное всё поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали преклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила,—
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины

И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьбих — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминоков,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
«Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать,
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, серебром нам уже не звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дымом...
А всё храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...

Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками.
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья,—
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, греки, и венециане,
И моравы хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощя пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне,— он сказывал боярам, —
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят;
В терему ж золотоверхом словно

Из конька повыскачили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносья несметной тучей к морю...

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапно тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...

До веселья ль, княже, тут дружине!»
Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Нé в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютот,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Те с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помощи!
Времена тяжелые настали:

Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод Великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издаля поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по резани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещей, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью.
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней

И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремится ваш ум на подвиг!
Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатой сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали,
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси, Сулэ враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод, и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,

Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Воротá на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..
Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Придел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил, один, из храбра тела,
Сквозь свое золотое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы!..

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной Тот
Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копья добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храброю от тела!
Ох не житом сеяны — костями! —
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,

Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал.
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Всё ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей вспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздiti
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копыа петь пошли по рекам!»

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его могуче теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:
«Ветр-ветрило! Что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях

Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеаешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Словутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырým зорям на сине море!...»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:
«Светлое, трисветлое ты, Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты,
Солнце! Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу

Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.
Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воеет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки;
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тѣктом путь к реке казуют,
Соловьи свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты, Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,

А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зеленú траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побережьи,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой,
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережьи,
Плачет мать по юноше по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали преклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж млада соколика не пустим,

А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Сóкольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели —
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогошей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Перво — старших, а за ними — младших.

Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!

Аминь

1866 — 1870, 1893

Константин Бальмонт
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он,

славный Игорь Святославич?

По былинам лет тех бывших, не по замыслу Бояна,
Эту песнь зачем мы, братья. Он, Боян, певец тот вещий,
Коль кому восхочет песни, белкой он течет по древу,
По земле он серым волком и орлом под облак сизым.
Вспомнит быль времен тех первых, об усобицах сказанья,
Соколов пускает десять к лебединой стае белой,

Чуть домчится первый сокол, лебедь первая закричит,—
И певучим словом песни Ярослав проходит старый,
И в певучем слове песни восстает Мстислав тот храбрый,
Он, зарезавший Редедю пред косожскими полками,
И Роман тот Святославич, в песне он красиволикий.
А Боян пускал не десять соколов проворных, братья,
К лебединой стае белой не летел поспешный сокол,
Нет, он вещие на струны возлагал персты, и звонко
Князю, избранному песней, струны славу рокотали.
Так начнем же, братья, повесть, от Владимира начало
И до Игоря, что ныне ум напряг свой, ум-твердыню,
Заострил свое он сердце, ратным мужеством наполнив,
И привел свои полки он до земли до Половецкой,
Да отмстит, и мщеньем правым, он за Русскую за землю.
Тут взглянул на солнце Игорь, солнце светлое на небе,
Видит он — от солнца черной тьмою воинство покрыто.
И сказал к своей дружине Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть мечом сраженным, чем в бою

быть плененным.

На коней на борзых сядем, Дона синего посмотрим!»
Стали хотью мысли князя против злого предвещанья,

У великого он Дона захотел изведать счастья.

«Преломить хочу,— сказал он,— с вами, русские, копье я, Там, на поле Половецком, может, голову сложу я, Или — любо будет шлемом мне воды испить из Дона!» Соловей времен давнишних, о Боян! Тебе бы надо Песню спеть о том походе, разливаться звонкой трелью, Соловьем бы проскакал ты вдоль по мысленному древу, Возлетя умом под облак, ты хвалой звенел бы в песне, Славу прошлого свивая с этой славой дней текущих, И полями и горами по тропе Трояна мчался б.

Песню Игорю пропел бы, внуку Ольгову, ты складно: «То не буря, мол, чрез поле соколов несет проворных, То не галки стаей мчатся посмотреть на Дон великий». Ой Боян, ой внук Велесов, это всё ты нам пропел бы. «Ржут, мол, кони за Сулою, слава в Киеве как звоны, Трубы трубят в Новеграде, стяги вьются над Путивлем»,— Брата Всеволода Игорь, мила брата ожидает.

Молвит Всеволод до брата, говорит буй-тур могучий: «Свет один ты, светлый Игорь, Святославичи мы оба, Брат один ты, светлый Игорь, так седлай коней ты борзых, А мои готовы кони, уж оседланы у Курска, А мои куряне знают, как быть витязями в битве,

Все под трубами повиты, всяк взлелеян под шоломом И концом копья воскормлен, свистом ветра был баюкан, Все им ведомы дороги, все им знаемы яруги,

Уж натянуты их луки, много стрел, колчан отворен, Уж наточены их сабли, сами скачут серым волком, Ищут чести в поле бранном для себя, а князю — славы!»

Князь вступил в златое стремя, едет Игорь чистым полем, Солнце путь заткало тьмою, ночь ему грозою стонет, Будит ветер птиц кричащих, свист зверин в норах
звериных,

Кличет див в верхушке древа, чтоб его был слышен голос

По неизвестному краю, и по Волге, и по взморью,
По Суле, и по Сурожу, и в далеком том Корсуне,
И тебе бы клич был слышен, истукан тьмутороканский.
А уж половцы до Дона до великого помчались,
По дорогам неготовым бег бежит, кричат телеги,
Словно лебеди, скликаясь, в полночь кличут долгим
кликом.

Игорь к Дону рать уводит. О беде уж знают птицы,
По оврагам волки воют, и орлы к зверям клекочут,
Зов на труп, лисицы лают, ряд узрев щитов червленьих.
Русь, о Русь! Уж ты далеко за грядой холмов сокрылась.
«Меркнет ночь, заря запала, сумрак-мгла поля покрыла,
Дремлет посвист соловьиный, говор галичий забредил.
Русь червлеными щитами поле-даль прегородила,
Ищет чести в поле бранном для себя, а князю — славы.

Рано в пятницу разбили силу полчищ половецких
И, рассыпавшись стрелами вдоль по бранному простору,
Вот в полон они помчали красных девок половецких,
С ними золото и ткани, дорогие аксамиты;
Епанчами и плащами мост мостили по болотам
И стелили грязь и топи узорчьем половецким.
Стяг червлен с хоругвью белой, и червленой краски чёлку,
И серебряное древко взял хоробрый Святославич.
Дремлет в поле стая храбрых, Ольгов выводок далече,
Не к обиде порожденный, — что тут сокол, что тут кречет,
Что тебе тут, черный ворон, ты, поганый половчанин!
Гзак несется серым волком, след Кончак направил к Дону.

День-другой, и раным-рано свет кровавых зорь поведан,
Тучи черные от моря мнят прикрыть четыре солнца,
В них дрожанье синих молний — будет гром, и гром
великий,

С Дону дождь пойдет стрелами, дождь готовит

Дон великий.

Тут-то копьям приломаться, тут-то саблям притупиться
По шеломам половецким, на реке на той Каяле,
Что при Доне при великом. Русь, о Русь! Уж ты далеко,
За грядой холмов сокрылась. Вот Стрибожьи внуки,
ветры,

Веют с моря, мечут стрелы на полки, где храбрый Игорь.
Земь гремит, и реки мутны, пыль поля запорошила,
Шум знамен: идет от Дона и от моря враг сильный,
Половецкие дружины. Обступили силу русских.

Дети бесовы пресекли поле битвы зычным кликом,
И червлеными щитами Русь поля прегородила.

Тур, о Всеволод, о ярый, ты стоишь на поле брани,
Мечешь стрелы и о шлемы бьешь булатными мечами.
Где ни скочит тур могучий, где шлем золотой ни вспыхнет,
Там и головы увидишь половецкие на поле,
И аварские шелома рассекает он булатом.

Он какую будет раной дорожиться в битве, братья,
Позабывши жизнь и почесть, свой забывши град
Чернигов,

Золотой престол отцовский, свычай-хоть супруги милой?

Были древле дни Трояна, было время Ярослава,

Миновала брань Олега, что мечом ковал крамолу,
Тот Олег, тот Святославич, по земле он стрелы сеял.
Он ступает в злато стремя в городе Тьмуторокани,
Ярослав великий слышал звон стремян его; Владимир
Чуть в Чернигове услышит, каждым утром слух замкнет он,
А Борис тот Вячеславич приведен хвальбой был к смерти
За обиду молодого князя храброго Олега,

На зеленую положен был на конскую попону.

Ярополк от той Каялы тело вез отца родного,

Меж угорских иноходцев, ко святой Софии, в Киев.

Как Олег был Гориславич, был посев междоусобий,
Внук Дажьбожий был в ущербе, век же в княжих
крамолах
Сокращался человекам. По земле тогда по Русской
Голос пахаря был редок, часто каркал черный ворон,
Ворон с вороном делили труп убитого, и галки
На кормежку сокликались, говоря своею речью.
Так бывало в прежних бранях, в тех полках и в тех
походах,

Но такого не бывало и не слышано сраженья,
Чтоб до вечера от рани, чтобы с вечера до света
Били тучи стрел каленых и гремели сабли в шлемы,
Был бы треск булатных копий на неизвестном том поле,
На неизвестном том поле, средь земли той Половецкой.
Под копытами прибитой, там костями земле посев был,
И она полита кровью, и взошел посев печалью.
Ах, тугой — тоской-бедою на земле взошел он Русской!

Что шумит там, что звенит там раным-рано, пред зарею?
Повернул дружины Игорь, брата милого жалеет.
Бьются Всеволод и Игорь. Бились день, другой день
бились,

А на третий день, к полудню, пали Игоревы стяги.
Тут-то братья разлучились на берегу Каялы быстрой,
Тут кровавого вина им — было много — не достало,
Пир dokonчен храбрых русов, сватов крепко попили,
Сами пили — не допили и за Русскую за землю
Полегли. Трава поникла, их жалея, а деревья
До земли с тоской склонились. Час уж, братья, невеселый.
Силу русскую прикрыла неприязная пустыня,
И обида встала девой — там, над внуками Дажьбога,
Восплескала в край Трояна лебедиными крылами,
Плеск ее на синем море, — трудный час всплескал у Дона.

Уж князья не на поганных мчат усобицу,— брат брату
Говорит: «Мое и это, да и то». На малость — малость,
Словно молвят о великом и себе куют крамолу.
Нечестивые тем часом в Русь приходят отовсюду,
Землю Русскую терзая. Далеко заходит сокол,
К морю, птиц бия, далече. Войско Игоря не встанет.
Жля и Карна, кликнув алчно, по земле несутся Русской,
Мечут меч и мыгчут пламя, жены русские рыдают:
«Уж ни мыслию не мыслить милых лад своих нам больше,
И ни думою не сдумать, ни очами поглядеть их,
А уж злата, серебра ли — было — больше не увидим!»
Восстал тоскою Киев и напастями Чернигов,
Разлилась тоска-истома всею Русскою землею,
Как во рту горячем жажда, скорбь горит землю Русской.
На себя князья ковали — наковали ту крамолу,
Допустили нечестивых,— по земле и рыщут Русской,
От двора беря по белке. Святославича два храбрых,
Игорь с Всеволодом, снова ту неправду пробудили,
Что заснуть сумел заставить Святослав, отец их грозный,
Князь тот Киевский великий. Был грозой он непокорным,
Сильным воинством гремел он и булатными мечами,
Притоптал стопой тяжелой Половецкую он землю,
На холмы он наступивши, утопал везде яруги,
Возмутил озера, реки, иссушил потоки, топи,
А поганого Кобяка из излучины приморской,
Из железных половецких он полков, как вихрь, исторгнул,
В Киеве Кобяк низринут, в гриднице он Святослава.
Немцы там и венедийцы, греки там и там морава
Славят песней Святослава, князя Игоря же — кают,
Упрекают, что на дно он той Каялы половецкой
Рушил воинскую силу, злата русского насыпал.
Пременил в ту пору Игорь-князь седло свое златое

На кощеево. Уныли в час тот стены городские,
И веселие поникло.

Святославу же приснился
Мутный сон. «Мне снился Киев на горах,— к боярам
рек он.—
С вечера в ту ночь меня вы кутали покровом черным,
А кровать была из тиса. Зачерпнувши, подавали
Синь-вина мне, вместе с ядом, и на лоно высыпали
Из пустых колчанов вражьих, улещая, крупный
жемчуг.

Вижу в тереме,—так снилось,— в златоверхом все уж
доски
Без конька, без скрепы терем самой верхней, и до света
Будто вороны, закаркав и у Плесенска, близ вала,
Сев на выгон, ночь сидели, не летели к синю морю». Говорят бояре князю: «Ум тоска заполонила —
Вот два сокола слетели с златоотчего престола
Поискать Тьмуторокани, зачерпнуть шеломом Дона.
Соколам пообрубили крылья сабли нечестивых,
А самих их захватили, соколá в железных путах». Тьмою третий день был схвачен, два померкли с свете
солнца,
Два столпа багряных темны, и Олег со Святославом,
Месяц с месяцем младые, черной тьмой заволоклися.
На реке Каяле быстрой тьма покрыла свет горючий,
Русью половцы, как барсы, скачут, логовище бросив,
Сила русская потопла, хан не спит, взбодренный буйством.
Где хвала — хула там стала, и неволит сила волю.
Вражий див слетел на землю. Девы готские запели,
Сев на бреге синя моря и, позванивая златом,
Русским златом, песнь запели, восхваляя время Буса,

Мечь лелея Шаруканя. Нам, дружине, нет веселья.
Святослав Великий, в скорби, изронил золотое слово:
«Игорь, Всеволод, родные, рано вздумали мечом вы
Половецкую сечь землю, ладить поиски за славой.
Вы бесславным одоленьем завлеклись неправосудно,
Кровь излили нечестивых. Ваши храбрые сердца вы
Сплошь булатом оковали, в яром буйстве закалили.
Вы того ли возжелали седине моей сребристой?
Уж не вижу власти сильной, власти брата Ярослава,
Что богат был, многовоен, с ним в Чернигове бояре,
С ним могуты и татраны, с ним шельбиры и топчаки,
С ним ревуги и ольберы. Без щитов,— кинжалы в руки,—
Кликом воинства сражают, славой прадедов ударив.
Вы же: «Будущая слава — наша, прошлую — поделим».
Разве диво, братья, стару молодеть? Перелинявши,
Сокол птиц взобьет высоко, а гнезда не даст в обиду.
То беда, что не пособие мне князья,— другое время.
Уж под саблей половецкой стонут Ромны, а Владимир
Весь изранен, сыну Глеба — только горе и печали.

Князь ты Всеволод великий, прилетел бы издалека,
Порадел бы о защите златоотчего престола.
Ты веслом разбрызжешь Волгу, Дон шеломами

ты выльешь

Будь ты здесь — и дешев пленник, а рабыня и дешевле.
Чрез сынов удалых Глеба стрелы птицами ты мечешь.
Ты, буй Рюрик, ты, Давыд наш, где золотые шлемы
ваши?

Не поплыли в лужах крови? И не ваша ли дружина,
Словно туры, заметалась под булатом под каленым?
Вы вступите, господари, в стремяна свои золотые,
Чтоб отмстить за час тяжелый, на земле наставший
Русской,

Чтоб за Игоря вступиться, Святославича оправить.
К Осмомыслу Ярославу клич несем мы в самый Галич,
Ты сидишь там на высоком златокованом престоле,
Высь подпер ты гор Угорских всё железными полками,
Королю ты путь заставил, затворил в Дунай ворота,
Камни мечешь через тучи, суд ты рядишь до Дуная,
По земле течешь грозою, в Киев путь ты отворяешь,
С златоотчего престола шлешь удар султанам дальним.
Устреми же, господине, устреми удар в Кончака,
В нечестивого кощя,— порадей же ты о Руси,
Чтоб от ран своих окрепнул буй наш Игорь Святославич.
Буй Роман с Мстиславом храбрым, смелый ум ваш —
зов на подвиг,
Вы, как сокол, что ширяет по ветрам, плывете в выси,
Сокол птицу одолеет, в ветре быструю нагонит.
Ведь у вас железны латы и латинские шеломы.
Сотряслась земля под вами, слышат ханские владенья,
И литва, ятвяги вместе с деремелой, копьа бросив,
Ниц склонились головами под булатными мечами.
Но для Игоря для князя солнца свет уж умалился,
Не к добру с деревьев листья обронились. И по Роси,
По Суле — в разделе грады. Войско Игоря не встанет.
Дон к тебе, о князь, взывает. Он князей зовет к победе.
Князи Ольговичи храбры,— брань почуяв, поспешили.
Ингварь, Всеволод, все трое вы, Мстиславичи лихие,
Шестикрылый рой, гнезда вы не худого, но, до власти
Устремясь, ее стяжали вы не жребием победным.
Где же шлемы золотые, копьа с польскими щитами?
Стрелы остры, заградите вы ворота, и вступитесь
Вы за Русскую за землю, ранен Игорь Святославич.
Уж Сула струей сребристой не течет к Переяславлю,
И Двина течет болотом к полочанам, в кликах

вражьих.

Изяслав лишь, сын Васильков, о литовские шеломы
Грянул острыми мечами, славу деда он Всеслава
Затемнил, а сам низлег он под червлеными щитами,
На траве окровавленной, взмах узнав мечей литовских.
И, на ту кровать прилегши, рек: «О князь, твою дружину
Птицы крыльями одели, кровь ее лизали звери».
Брячислав там брат с ним не был, не был Всеволод там
брат с ним,

И жемчужную ту душу из бестрепетного тела
Испустил один-один он чрез золотое ожерелье.
Городенские унылым гласом трубы затрубили.
Ярослав и все Всеслава внуки, стяги преклоните,
Вы мечи вложите в ножны. Слава дедов позабыта.
Вы крамолами вманили в землю Русскую неверных,
Жизнь Всеслава омрачая. Распри кликнули насилье
От земли вам Половецкой. На седьмом Трояна веке
Князь Всеслав закинул жребий о девице, сердцу милой.
Он, клюками подпершись, на коней скочил и едет
К граду Киеву, коснулся древком копьевым престола.
Лютым зверем побежал он прочь на полночь из Белграда,
Приукрылся синей мглою и орудьем стенобитным
Новгородские ворота отворил, разбил он славу
Ярослава и с Дудуток до Немиги прыгнул волком.
А снопы-то на Немиге из голов там устилают,
В молотье молотят крепко там булатными цепами,
Жизнь кладут на ток и веют душу вольную от тела.
На берегах окровавленных, на немигских, сея, сеют,
Да не жито, да не травы — сеют густо кости русских.
Князь Всеслав — людей судил он, города князьям
рядил он,

Сам же в ночь он рыскал волком, волк от Киева несется,
До утра — в Тьмуторокани, Солнце-Хорса перерыщет.
До заутрени звонили для него в святой Софии,

В граде Полоцке, а звоны в стольном Киеве он слышал.
Хоть и вещью душою он владел в несмирном теле,
Но от бед страдал он часто. Для таких Боян-провидец
Спел мудреную припевку: «Будь ты хитрым, будь

гораздым,

Будь ты птицею гораздой, не уйдешь суда господня». О, земле восплакать Русской, первовременье вспомнив
И князей припомня первых! Могли быть Владимир старый
Пригвожден к горам, где Киев? Ныне Рюрику достались
Эти стяги и Давыду, но хоть машут бунчуками,
А хвосты их вьются порознь, каждый в сторону иную».

Свист ли копий или песня? Что за песня над Дунаем?
Ярославнин слышен голос. Как безвестная кукушка,
Кличет рано: «Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой,
Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном». Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле,
Кличет к ветру: «Ветр, ветрило, ты к чему насильно
веешь?

Ты зачем, о господине, на своих нетрудных крыльях
Стрелы ханские бросаешь на бойцов, где он, мой Ладо?
Мало ль было в высях веять и летать под облаками
Прилетев, качать-лелеять корабли на синем море?

Ты зачем мое веселье ковылями всё развеял?»

Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Славный Днепр, пробил ты горы сквозь земли той
Половецкой,

Святославовы суда ты, в стан Кобяков мча, лелеял,
Возледей, о господине, моего примчи ты Лада,

Чтобы утром я не слала слез к нему на море рано».

Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Солнце светлое, свет-солнце, ты для всех тепло и красно,

Для чего же, господине, ты стремишь свой луч горячий
На войска, где он, мой Ладо? Для чего в безводном поле
Ты тоской им сушишь луки и колчаны затворяешь?»

Взволновалось сине море в час полуночи глубокой,
Встали мороки и мглятся, князю Игорю дорогу
Кажет бог к отчизне Русской из земли той Половецкой,
К златоотчему престолу. Свет погас зари вечерней.

Игорь спит. А Игорь спит ли? Игорь мыслью поле мерит
От великого ли Дона до Донца, что мал в теченьи.
В полночь конь. Овлур надежный — слышно —

свистнул за рекою,

Разумей, мол, князь. Князь Игорь тут не тут и тут не будет.
Кликнул, стукнул земь в пробеге. Зашумели,

шепчут травы.

Половецкие заставы! Зыбь в них. Бег свой мчит

князь Игорь.

К тростнику он горностаем, белым гоголем на воду,
На коня вскочил, конь борзый, и с коня босым он волком,
И к донецкому он лугу побежал,— под облаками
Реет соколом,— на завтрак, и к обеду, и на ужин
Бьет гусей и лебедей он. Если Игорь — сокол в лёте,
Влур, Овлур — течет он волком и росу с себя стряхает,
Ибо в беге надорвались жарки борзые их кони.

Говорит Донец: «Князь Игорь, для тебя немало славы,
Для Кончака — злой досады и веселья — русским людям».

— «О Донец,— ответил Игорь,— и тебе немало славы,
Что волной лелеял князя, что зеленую траву ты

Стлал ему постелью мягкой на серебряном на берегу,
Кутал мглой своею теплой, осенял зеленым деревом,

На воде нырком лелеял, на струях стерег ты чайкой,

На ветрах качал летящей быстро чернетью проворной.

Не такая,— он примолвил,— та река худая, Стугна,

Ток чужой она глотает, в берег кинет струг, разломит,
Юну князю Ростиславу Днепр закрыла-затворила,
Плачет мать по юном князе Ростиславе и тоскует.
Воскорбев, цветы увяли, и к земле склонилось древо».

Чу, стрекочут не сороки, а по Игореву следу
Гзак с Кончаком следа ищут. Тут не каркали вороны,
Тут и галки приумолкли, и сороки без трещанья
Только ползали по сучьям, дятлы путь к реке казали,
Соловьи веселой песней свет поведали, распели.
Говорит <тут Гзак Кончаку>: «Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами».
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы увяжем соколенка, взявши красною девицей».
Говорит тут Гзак к Кончаку: «Если красною девицей
Нам опутать соколенка, нам не будет соколенка,
И ни красной нам девицы, и не будет нам девицы,
И начнут терзать нас птицы в чистом поле Половецком».
Рек Боян — и о походах, в оно время им пропетых,
Святослава, Ярослава и Олега вспоминая,
Молвил: «Тяжко с головою, но без плеч, и худо телу,
С головою разлучившись». И без Игоря не благо
Русской быть земле. На небе светит солнце золотое.
Игорь-князь — в земле он Русской! И девицы на Дунае
Песнь поют. Их голос слышен вплоть до Киева чрез море.
По Боричеву он едет, Игорь-князь, чтоб помолиться
Благородице пресветлой Пирогощей. Люди рады.
В городах идет веселье. Песнь князьям пропета старым,
Молодым за ними также. Слава, Игорь Святославич,
Слава, Всеволод, буй-тур он, и сын Игоря, Владимир!
Здравье, князи и дружина, на неверные полки вы,
Христианам на защиту ратоборствуете. Слава!

20—24 декабря 1929—24 апреля 1930

Сергей Шервинский
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не пристало нам, братья,
Не в лад начинать
Ратных повестей складом старинным
Эту песню
Про доблестный Игорев полк,
Про поход Святославова сына.

Мы начнем по событьям
Теперешних лет,
А не вслед замысленьям Бояна,—
Песнь задумав кому-либо,
Вещий Боян
Растекался по дереву мыслью,
Серым волком он, вещий,
Скакал по земле,
Рял сизым орлом в поднебесье.
Вспоминал про усобицы
Давних времен;
И тогда он десяток
Своих соколов
Напускал на станицу лебяжью,
И которую лебедь
Вперед настигал,
Та и первая петь начинала.
Ярославу старинному
Пела она
Или храброму пела Мстиславу,
Что зарезал Редедю
Один на один
На глазах у касожского войска.

И красивому князю
Певала не раз,
Святославу сыну, Роману.
Но Боян не десяток
Своих соколов
На лебедек пускал —
Десять вещей перстов
Налагал он на струны живые,
И те
Сами славу князьям рокотали!

Мы с Владимира древнего,
Братья, начнем,
Кончим нынешним Игорем повесть,
Что решимостью ум
Словно лук натянул
И отвагою
Сердце свое заострил,
Преисполнился воинским духом,
В Половецкую землю
Повел свою рать,
Ополчившись за Русскую землю.

Вот князь Игорь
На светлое солнце взглянул
И увидел: от солнца
Всё войско его
Среди дня темнотою покрылось.
Обратился тут Игорь
К дружине своей,
Молвил: «Братья мои и дружина!
Лучше мертвыми быть,
Чем плененными быть.

Оседлаем же, братья,
Мы борзых коней,
Да и выедем к синему Дону!»
Покорился желанью
У Игоря ум,
И небесное знаменье
Застила в нем
Страсть великого Дона отведать.
И сказал он:
«Хочу я копьё преломить
У окраин степей Половецких.
С вами, русичи,
Голову ныне сложить
Иль напиться шеломом из Дона!»

О Боян, соловей
Стародавних времен!
Как бы ты эти брани,
Защелкав, воспел!
Ты по дереву мысли
Порхал бы, Боян,
Ты ширял бы умом в поднебесье!
Ты бы новую славу
Со старой свивал,
Через степи к горам
Ты бы рыскал, Боян,
Возлетал бы к дороге Трояна!
Князю Игорю так
Запевал бы ты песнь,
Князю Игорю, внуку Олега:
«То не бурей лихой
Соколов занесло
За широкие степи —

То галок стада
Побежали к великому Дону...»
А быть может, и так
Запевалась бы песнь
Вещим внуком Велеса, Бояном:
«Кони ржут за Сулой,
Киев славу звонит,
В Новом-городе
Бранные трубы трубят,
Развеваются стяги в Путивле...»

Игорь милого брата
С дружиною ждет.
И пришел и сказал буй-тур Всеволод:
«Брат один ты мне, Игорь,
Свет светлый один,
Мы с тобой Святославичи оба!
Оседлай же ты, брат,
Своих борзых коней,
А мои-то уже наготове —
Возле Курска заране
Стоят под седлом.
А мои-то куряне —
Бывалый народ,
И пленаты были
Под трубы они,
Под шеломом баюканы
Были они,
И с копья они вскормлены были.
Им знакомы овраги,
Известны пути,
Их тугие натянуты луки,
Их колчаны открыты,

Их сабли остры,
Сами скачут,
Как серые волки в степи,
Чести ищут себе, князю — славы!»

В золоченое стремя
Тут Игорь вступил
И поехал по чистому полю.
Солнце тьмой заступало
Дорогу ему,
Ночь грозой застонала,
Встревожила птиц,
Свист поднялся звериный,
На дереве Див
Кличет, краю неизвестному
Слушать велит,
Слушать Волге, Поморью, Посулью,
Слушать Корсуни, Сурожу,
Слушать тебе,
Идол каменный Тмутороканский!
И уже степняки
По неторным тропам
Побежали к великому Дону,
Половецкие в полночь
Повозки скрипят
Лебединога вспугнутой стаей.
Игорь к Дону дружину ведет,
А в дубах
Птицы ждут его бед;
Накликают грозу
По оврагам неведомым волки.
Уж на кости орлы
Клектом кличут зверей,

А лисицы
На красные брешут щиты.
О, далече ты, Русь,— за шеломом!

Долго ночь не светлеет,
Зари не видать,
Пал туман на поля,
Щекот смолк соловьев,
Говор галок проснулся.
Широкую степь
Преградили стеной
Из багряных щитов
Люди русские,
Чести ища для себя,
А для князя для Игоря — славы.

Утром в пятницу, рано,
Едва рассвело,
Степняков потоптали поганых.
Словно стрелы рассыпались
Вширь по степи,
Половецких помчали красавиц.
Золотые уборы срывали,
Шелка,
Рыгтый бархат тащили бесценный,
Волокли покрывала,
Из шуб и плащей
Стлали гати по топям
И грязным местам —
Из узорных парчей половецких!
И багряный,
С хоруговью белою стяг,
И на древке серебряном

Алый бунчук —
Всё тебе, удалой Святославич!

В поле Ольгово храброе
Дремлет гнездо,—
Далеко же оно залетело!
Только было оно
Не затем рождено,
Чтобы сокол иль кречет
Обидел его
Или половец, ворон поганый.
Гзак бежит серым волком,
Кончак — впереди:
Правят оба к великому Дону.

А на утро другое —
Чуть брезжил рассвет —
Заалели кровавые зори.
С моря черные тучи
На степи ползут,
Все четыре светила
Хотят заслонить,
И трепещут в них синие молнии:
Быть великому грому,
Пролиться дождю
От великого Дона стрелами!
Преломиться копьё,
Притупиться мечу
О поганый шелом половецкий
В той широкой степи
На Каяле-реке,
У великого синего Дона!
О, далече зашла

Ты, родимая Русь,
Ты далече уже, за шеломом!
Вот задули
Стрибожии внуки — ветра,
Съпать начали с моря стрелами
На отважное войско,
На русскую рать.
Застонала земля,
Реки мутно текут,
Пыль покрыла поля,
Слышен говор знамен.
Идут половцы с Дона и с моря.
Зычным криком своим
Преградили поля
Дети бесовы,
Храбрые русские степь
Строем алых щитов преградили.

Яр-тур Всеволод!
Тверд в обороне стоишь,
Ты стрелами на воинов прыщешь,
О шеломы гремишь ты
Булатным мечом,
И куда ты, буй-тур, ни поскачешь,
Где шеломом своим
Ни сверкнешь золотым,
Там лежат половецкие головы!
Не один расколол ты
Аварский шелом,
Яр-тур Всеволод, саблей каленой!
Братья-друзи, о ранах
Не думает тот,
Кто забыл и богатство свое,

И почет,
И родимый свой город Чернигов,
Кто забыл и отцовский
Престол золотой,
И красавицы Глебовны,
Милой жены,
Дорогой обиход и обычай!

Было время Трояна,
Минуло оно.
Ярославовы канули годы,
И Олега походы
В былое ушли,—
Святославова сына, Олега.
Тот Олег — он булатом
Крамолу ковал,
Рассеивал он по родине стрелы;
В золоченое стремя,
Бывало, вступал
В дальнем городе Тмуторокани —
Того стремени звон
Слышал в Киеве князь,
Древний Всеволод, сын Ярославов.
Что ни утро в Чернигове,
Слыша тот звон,
Затыкал себе уши Владимир.
А Борис Вячеславич
Своей похвальбой
Приведен был на суд и погибель,
И на ниве зеленой
Ему пелена
За обиду Олега

Была послана,—
Молодому и храброму князю.

Прежде с той же Каялы
Отца Святополк
В Киев-град прилелеял,
К Софии святой,
Между двух иноходцев венгерских.

Гориславичем звался
Недаром Олег:
Он усобицы сеял —
Взрастали они.
Погибало
Дажьбожьего внука добро,
И намного в те годы
От княжьих крамол
Человеческий век сокращался.
В те години, бывало,
На Русской земле
Редко-редко покрикивал пахарь.
Только вороны каркали часто в степи:
Мертвецов меж собою делили,
Да по-своему галки
Вели разговор,
Налететь на добычу спешили.
И походы бывали
И брани тогда,—
Но подобной не слыхано брани!
Спозаранку до ночи
И с ночи до дня
Всё каленые носятся стрелы,
Всё-то острые сабли

О шлемы гремят,
Всё-то копыя трещат
В незнакомой степи,
Посреди той земли Половецкой!
Под копытами
Черную землю в тот день
Позасеяли кости
И кровь полила,
А взошли на Руси они — скорбью!
Что там будто шумит,
Что там, слышу, звенит
Перед утренней зорей далече?
Это Игорь обратно
Полки повернул —
Пожалел он любимого брата.
День рубились они
И рубились другой —
К полуденному часу
По третьему дню
Князя Игоря пали знамена.
Там у берега быстрой
Каялы-реки
Разлучились два храбрые брата.
Знать, кровавого там
Недостало вина,
И прикончили
Храбрые русские пир:
Напоили сватов,
Но и сами легли
За родимую Русскую землю.
От печали поникла
В ту пору трава,
От тоски преклонились

К земле дерева.
Невеселая, братья,
Година пришла:
Силу русскую степь схоронила.
В силах внуков Дажьбожьих
Обида выросла
И, на землю Троянову
Девой вступив,
Лебедиными стала
Крылами плескать
Возле Дона, у синего моря.
Времена изобилья,
Плеща, прогнала.
Перестали князья
На поганых ходить.
Брату брат говорил:
«То и это — мое!»
И про малое дело
Не в пору князья
Стали молвить: великое дело!
Друг на друга крамолу
Ковали они,
Степняки побеждали
И с разных сторон
Нападали на Русскую землю.
О, далече же сокол
Взвился-залетел,
Птиц преследуя, —
К морю!
Но только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет

Тут закликала Карна,
Вопить начала,
Тут Желя поскакала
По Русской земле,
Пламя мечучи огненным рогом.
Стали русские жены
В слезах причитать:
«Нам теперь о желанных
Супругах своих
Уже мыслей не мыслить,
Не думывать дум,
Никогда их воочью не видеть!
Нам отныне ни золотом,
Ни серебром,
Нарядясь, побряцать не придется!»
Киев, братья, в тот год
Застонал от тоски,
Завопил от напасти Чернигов.
Разливается скорбь,
И обильно печаль
По земле растекается Русской.
Но князья продолжали
Крамолу ковать.
Степняки ж отовсюду
С победами вновь
Набегали
И, рыща по Русской земле,
Дань по белке с двора собирали.

Это Игорь и Всеволод,
Два храбреца,
Разбудили
Едва присмирившее зло,

Что успел усыпить
Их отец Святослав,
Князь великий на Киеве, грозный.
Степняков он поганых
Как гром поразил
Силой храбрых полков
И булатных мечей,
Он попрад Половецкую землю,
Притоптал он холмы,
Он овраги сровнял,
Замутил он озера и реки,
Иссушил он ручьи
И болота в степи,
У излучины моря
Схватил Кобяка,
Из великих стальных
Половецких полков,
Словно вихрь, он поганого вырвал,—
И поганый Кобяк
В стольном Киеве пал,
В Святославовой гриднице княжьей.
Святославу хвалу
Венецейцы поют,
И моравы, и немцы,
И греки поют.
Попрекают все Игоря-князя,
Что добро погрузил
На глубокое дно
Той Каялы степной,
Половецкой реки,—
Посорили, мол, золотом русским!

Игорь тут пересел
С золотого седла —
Да в невольничье!
Стены кремлей городских
Приуныли, поникло веселье.

Святославу же смутный
Привиделся сон
На горах, в его Киеве стольном.
«К ночи,— сказывал,—
Черной меня пеленой
Одевали на тисовом ложе
И вино будто синее
Черпали мне,—
А его замешали отравой.
Из колчанов пустых
Чужаков-толмачей
Крупный сыпали жемчуг
На лоно мое
И меня будто нежили. Снилось,
Что на тереме
Золотоверхом моем
Нет у кровли князька,
И раскаркались в ночь
Стаи серых ворон
Возле Плесенска внизу;
Снилось, змеи лесные
По дебри ползут
И несет их на синее море».

Святославу бояре ответили:
«Князь!
Горе, видно, твой ум полонило

С той поры, как два сокола
Взмыли, слетев
С золотого престола отцова,
Понеслись отвоевывать
Тмуторокань,
Пить шеломом из синего Дона.
Да подрезали крылышки
Тем соколам
Половецкими саблями,
Их же самих
Заковали в железные путы.
Потемнело,
Два солнца
Померкли в тот день,
Загасились багряные
Оба столпа,
Молодые два месяца с ними
Тьмой покрылись,
И канули в море они —
Много придали буйства поганым!
На Каяле-реке
Тьма окутала свет.
С той поры степняки
По всей Русской земле
Разбрелись, словно выводок пардов
С той поры и насела
Хула на хвалу,
Навалилось Насилье на Волю,
Тут на землю низринулся
С дерева Див,
Стали готские
Девы-красавицы петь
На побережии синего моря,—

Вон уж золотом русским
Бряцают они
И давнишнее Бусово
Время поют,
Шарукана отмщенье лелеют.
Мы же, верная княжья
Дружина твоя,
Понапрасну лишь алчем веселья».

Святослав, князь великий,
Тогда изронил
Пополам со слезой
Золотые слова:
«Вы, племянники, Игорь и Всеволод!
Поспешили, не вовремя
Начали вы
Половецкую землю
Мечами дразнить,
Для себя торопились
Вы славу сыскать,
Да бесславно врагов одолели,
Вы бесславно поганую
Пролили кровь.
Из булата у вас
У обоих сердца,
Их сама закалила отвага.
Что ж, племянники,
Вы сотворили с моей
Сединою серебряной ныне?
Я не вижу того,
Кто богат и силен,
Многоратного брата

Не вижу вблизи —
Ярослава с черниговской знатью;
Вкруг него воеводы,
При нем и татар,
И шельбир, и топчак,
И ревуг, и ольбер,—
А они без щитов,
С засапожным ножом,
Могут криком одним
Опрокинуть врага,
Зазвеневши прадедовской славой!

Но сказали вы:
«Доблесть
Покажем одни,
Мы грядущую славу
Одни заберем,
И былую одни мы поделим!»

Дивно ль, братья, и старому
Стать молодым?
Сокол, перья сменивший,
В поднёбесьи птиц
Избивает, в обиду
Не даст он гнезда.
Зло одно: мне князя не подмога.
Повернули на худо
Для нас времена.
Под погаными саблями
Криком кричат
Возле Римова;
В ранах Владимир лежит,—
Сыну Глебову скорбь и кручина!»

О великий князь Всеволод!
Мыслишь ли ты
Прилететь издалёка,
Защитою встать
Золотому престолу отцову?
Ты ведь веслами Волгу
Разбрызгать бы мог,
Дон шеломами вычерпать мог бы!
Появись ты, князь Всеволод,
Вовремя здесь,
Так была бы раба
По ногате ценой
И по рёзانه пленный кочевник.
Можешь посуху
Копья живые метать —
Сыновой Ростиславича Глеба!

Вы, буй Рюрик с Давыдом!
Не ваши ль в крови
Золоченые плавали шлемы?
Не у вас ли, сражаясь,
Дружина рычит,
Словно тур, пораженный
Каленым мечом
На далеком незнаемом поле?
В стремена золотые
Вступите, князья,
Отомстите обиду,
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, о галицкий князь,
Осмомысл Ярослав!

Твой высок златокованый
Княжий престол.
Ты, могучий,
Плечами железных полков
Подпираешь Карпатские горы.
.На пути короля
Ты преградою встал,
Затворил ты Дунаю ворота.
Ты громады бросаешь
Поверх облаков,
Суд до самого правишь Дуная!
Твои грозы по странам
Текут, Ярослав,
Отворяешь ворота
И Киева ты,
С золотого престола
Отца своего
Иноземных стреляешь султанов!
Подстрели, государь,
Кончака, погуби
Кочевого поганого хана!
Отомсти, Ярослав,
Ты родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, Роман и Мстислав!
Ваша храбрая мысль
Вас на подвиг стремится.
Ты на подвиг летишь,
Словно сокол, по ветру
Парящий ввыси,
Устремившийся
В удали буйной своей

Одолеть быстролетную птицу!
Под латинскими шлемами
Латы на вас,
Много стран на земле
Содрогнулось от них:
Деремела, ятвяги,
Литва, хинова.
Перед вами и половцы
Копья свои побросали,
Под ваши стальные мечи
Степняки головами склонились!
Князь, для Игоря ныне
Свет солнца погас.
Не к добру обронили
Деревья листву.
По Суле и по Роси
Уже города
Меж собой поделили...
Да только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет!
Князь, прислушайся:
Дон призывает тебя,
Отовсюду князей
На победу зовет.
Ведь ко времени в бой
Подоспели князья,
Удалые Олеговы внуки!

Вы, о Ингварь и Всеволод!
Также и вы,
О Мстислава сыны,
Трое храбрых князей,
Не худого гнезда шестикрыльцы!

Без побед вы уделы
Забрали себе!
Для чего ж золоченые
Шлемы на вас?
Где щиты ваши, польские копья?
Отзовитесь!
Остры ваши стрелы, князя,—
Заградите же степи ворота!
Отомстить поспешайте
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Уж Сула не серебряной
Льется струей
К Переяславлю-городу ныне,
К грозным тем полочанам
Течет и Двина,
Что болото, под клики поганых!

Изяслав, сын Васильков,
Один позвенел
О шеломах литовские
Острым мечом,
Смял Всеславу дедову славу,
Сам же пал,
Под мечами литовскими лег,
На кровавой траве,
Под багряным щитом
Он на смертной постели промолвил:
«Птичьи крылья прикрыли
Дружину твою,
Звери кровь ее, князь, подлизали...»
Не пришел к Изяславу

Ни брат Брячислав,
Ни другой не пришел к нему,
Всеволод-брат, —
Он жемчужную душу
Один изронил
Через свой золотой ожерелок.
Сникла радость,
Уньлю звучат голоса,
И трубят городенские трубы.
Вы все, внуки Всеслава!
И ты, Ярослав!
Опустите же ныне
Знамена свои,
Поврежденные в ножны
Вложите мечи, —
Ведь из дедовой славы
Вы прянули вон,
Вы ведь первыми начали
Ради крамол
Звать поганых на Русскую землю,
На владенье Всеслава —
С того и пошло
От земли Половецкой засилье.

В век седьмой от Трояна
Тот самый Всеслав
О девице возлюбленной
Жребий метал,
Он подперся лукавством
И сел на коня,
Прямо к стольному
Киеву-граду скакнул,

Золотого престола
Коснулся жезлом,
Лютым зверем скакнул из Белграда,
Среди полночи
Синей завесился мглой,
А наутро взялся за секиры,
Новугороду настезь
Врата растворил,
Ярославою славу
И ту перебил,
Волком рыскнул с Дудуток к Немиге.
Там кладут на Немиге
Снопы из голов,
Их стальными цепами молотят.
На Немиге там
Жизни кладут на току,
Отвевают там душу от тела.

Той Немиги кровавые были берега
Не добром позасеяны —
Русских сынов
Позасеяны были костями.
Князь Всеслав!
И суды
Он, бывало, судил,
И князьям города
Во владенье рядил,
Сам же волком в полуночи рыскал.
Он из Киева
В Тмutorокань поспевал
До петушьего крика дорыскать.
Солнцу-богу

Великому Хорсу — и то
Перерыскивал волком дорогу!
Позвонят ему в Полоцке
В колокола
У Софии святой
К ранней утрени — он
В дальнем Киеве благовест слышит.
Был и духом он вещь,
Был и телом могуч,
А напастей немало
Изведал и он,
И недаром о нем
Прозорливый Боян
В свое время надумал припевку:
«Будь хитер человек,
Будь во всем умудрен,
Будь по птицам по вещим
Гадать умудрен,—
А господня суда не минует!»

Ох, и стоном стонать
Ныне Русской земле,
Вспоминая бывшее
И прежних князей!
Но Владимира
К Киевским нашим горам
Не могли мы в те дни
Навсегда пригвоздить!
А теперь боевые
Знамена его —
Теми Рюрик владеет,
А теми Давыд!
Только врозь развеваются

Их бунчуки,
Только розно поют у них копья!

Поутру над рекою
На ранней заре
Ярославнин слышится голос —
Одинокой кукушкой
Кукует она:
«Полечу по реке я кукушкой,
Омочу я в Каяле
Атласный рукав,
Ладе-князю
Кровавые раны отру
На его истомившемся теле!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Ветер, ветер!
Что веешь навстречу?
Зачем
Ты на крыльицах легких своих,
Государь,
Половецкие стрелы
Стремишь на бойцов
Моего ненаглядного лады?
Или мало под тучами
Веять тебе,
Мало на море синем
Качать корабли?
Для чего, государь,
По траве-ковылю
Ты мое поразвевял веселье?»

Ярославна одна
На путивльской стене
Причитает: «О Днепр Славутич!
Каменистые горы
Ты, мощный, пробил,
Пересек Половецкую землю.
Ты лады Святослава
На водах своих
Прилелеял к шатрам Кобяковым.
Ты желанного друга
Ко мне прилелей,
Государь, чтобы слез
Я не слала к нему
Ранним утром на синее море!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Трижды светлое Солнце!
Про всех у тебя
И тепла и отрады достанет.
О, зачем же свои
Огневые лучи
Ты простерло на воинов лады?
Им в безводной степи
Луки жаждой свело
И колчаны тоскою стянуло!»

Вот всплеснулося море
В полуночный час.
С моря мгла поползла.
Князю Игорю бог
Кажет путь из земли Половецкой

К золотому столу
Святослава-отца
На родимую Русскую землю.
Уж погасла заря.
Игорь спит и не спит —
Игорь мыслями мерит
Широкую степь
От великого Дона
По малый Донец.
В полночь свистнул Овлур
За рекою коня —
Князю знак подает,
Чтобы тот разумел.
Вот и нет уже Игоря-князя!

Загремела земля,
Зашумела трава,
Половецкие двинулись вежи.
Горностаем тут Игорь
Скакнул в тростники,
Белым гоголем-птицей
Он на воду сел.
Он вскочил на коня,
Серым волком спрыгнул,
На Донец по лугам устремился.
Взмыл он соколом в тучи,
Гусей-лебедей
Бил на завтрак, обед и на ужин.
Если соколом Игорь
В тумане летит,
Так Овлур серым волком
По степи бежит,
Он студеную с трав

Отряхает росу.
Оба борзых коней надорвали.
И промолвил Донец:
«Много, Игорь, тебе
Будет ныне величья,
Стыда Кончаку,
А земле нашей Русской веселья!»
И Донцу отвечает
Князь Игорь:
«Донец!
И тебе в том немало величья,
Что баюкал ты князя
На волнах своих,
Что ему ты зеленую
Стлал мураву
На своих берегах серебристых,
Что под сенью
Зеленого дерева ты
Одевал его теплым туманом,
Что на водах ты гоголем
Князя стерег
И на струях своих
Дикой уткой берег,
Сторожил его чайкой на ветрах».
Не такая — Стugna:
Та, водою скудна,
Непомерно расширилась к устью,
Все чужие потоки
Она пожрала,
Князю юному Днепр
Затворила она,
Ростиславу.
На темном ее берегу

Убивается мать Ростислава,
Всё о юноше плачет,
О сыне скорбит,
Запечалясь о нем,
Приуныли цветы,
Дерева до земли преклонились.

Не сороки стрекочут
В широкой степи —
По следам князя Игоря
Гзак и Кончак
Поспешают неведомым полем.
Уж вороны не каркают,
Галки молчат,
Только поползни ползают,
Дятлы стучат —
Путь к реке они Игорю кажут,
И веселыми песнями
Утренний свет
Соловьи по лесам возвещают.

Гзак сказал Кончаку:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Золотыми подстрелим стрелами!»
А Кончак отвечал:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Мы опутаем красной девицей!»
Гзак сказал Кончаку:
«Если только его

Мы опутаем красной девицей,
Так не будет тогда
Соколенка у нас,
Да не будет и красной девицы!
И, пожалуй, тогда
В Половецкой степи
Станут бить нас залетные птицы!»
Святославовых древних
Походов певец,
Ярославовых, Ольговых, молвил
Так Боян:
«Тяжело
Быть без плеч голове,
Телу без головы!»
Так и Русской земле:
Ей без князя без Игоря тяжко.

Светит солнце.
Князь Игорь
На Русской земле.
На Дунае девицы поют,
И летят
Через море до Киева
Их голоса.
По Боричеву едет князь Игорь
К Пирогощей святой
Богородице в храм,—
Страны рады, и веселы грады!

Вот мы песню пропели
Старинным князьям,—
Пропоем и теперешним славу:
Святославичу Игорю,

Всеволоду
Бую-туру, Владимиру-князю!
Здравы будьте,
Князя и дружина,
Войной
На поганых ходившие
За христиан!
Слава всем — и князьям и дружине!
Аминь.

1934, 1967

Владимир Стеллецкий
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ СЫНА СВЯ-
ТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не подобает ли нам, братья,
повести на старинный лад печальные сказанья
о походе Игоревоm, Игоря Святославича?
Петья же той песни по былям нашего времени,
а не по замыслению Боянову.
Боян вещей, братья, коли песнь кому хотел сложить,
растекался мыслию по древу,
носился серым волком по земле,
сизым орлом — в подоблачьи:
поминал ведь он, вещей, давних времен ратоборство.
Тогда пускал он десять соколов на стадо лебедей,
которую сокол нагонял,
та первая песнь слагала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
одолевшему Редёдю пред полками касожскими,
молодому ли Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей
пускал,
но свои вещи персты на живые струны возлагал,
они же сами князьям славу рокотали.

Поведем же, братья, сказание наше
от старого Владимира до нынешнего Игоря;
напряг он ум волею своею,
отточил он сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
повел свои храбрые полки на землю Половецкую за
землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем плененным быть,—
сядем же, братья, на своих борзых коней,
поглядим на дали синего Дона!»
Воспылал ум князя желанием,
и знамение жажда ему заслонила
изведать Дона великого.
«Хочу,— молвил,— копьё преломить в поле Половецком
вместе с вами, русичи;
хочу либо голову свою сложить,
либо испить шеломам Дона!»

О Боян, соловей старого времени!
Кабы ты эту рать своей песнью воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака,
свивая славу по обе стороны сего времени!
Рыща тропю Трояновой чрез поля на горы,
так бы песнь про Игоря петь Велёсову внуку:
«Не буря соколов занесла чрез поля широкие,
и не галки стаями летят к Дону великому...»
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.

И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый — ты, Игорь,
оба мы — Святославичи!
Седлай, брат, коней своих борзых,
а мои готовы, стоят под Курском оседланы,
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые повиты,
под шеломами взлелеяны,
с конца копья вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напряжены,
колчаны отворены,
сабли изострены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в злат стрéмень
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила,
рык звериный в стада их сбил.

Див кличет с вершины древа —
велит послушать земле неизвестной,
Волге, и Поморью, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, тмутороканский истукан!

А половцы неторными дорогами побежали к Дону
великому;
кричат телеги в полночи, словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клетотом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на красные щиты.
О Русская земля — о воины! За холм зашли вы
порубежный!

Долго мрак ночи длится.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.
Русичи широкие поля своими алыми щитами перегороди-
ли,
ища себе чести, а князю славы.

Рано поутру в пятницу они потоптали поганые полки
половецкие
и рассыпались стрелами по полю,
помчали красных девок половецких,
а с ними и золото, и шелк, и дорогие аксамиты.
Плащами, покрывалами и опашнями, и разным
узорчьем половецким
стали мосты мостить по болотам и топким местам.
Черный стяг, белая хоругвь,
черная челка, серебряная пика —
храброму Святославичу!
В поле дремлет Ольгово хороброе гнездо, далече залетело!
Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету
ни тебе, черный ворон, поганый половчин!
Гзак бежит серым волком,
Кончак за ним следом — к Дону великому!

На другой день в ранний час
крававые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут —
хотят прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям поизбиться
о шеломы половецкие
на реке на Каяле, у Дона великого.
О Русская земля — о воины! За холм зашли вы
порубежный!

*

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на
храбрые полки Игоревы.

Земля гудит, реки мутно текут,
прах поля застилает, плеща, стяги говорят,
половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля преградили,
а храбрые русичи — алыми щитами!

Яр-тур князь Всеволод!
Стоишь на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремяшь о шеломы мечами булатными;
куда, тур, ни поскачешь, своим златым шеломом
посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены шеломы аварские саблями калеными

твоими, яр-тур Всеволод!
Что тому раны, братья,
кто забыл почет и богатство, и града Чернигова отчий
злат престол,
и своей милой жены, ясной Глебовны, свычаи и обычай.
Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Хот Олег мечом крамолу ковал
и по земле стрелы сеял:
вступает в злат стрёмьень во граде Тмуторокани,
а уж звон тот слышал давний великий Всеволод, сын
Ярославов,
а Владимир, что ни утро, закладал себе уши в Чернигове;
Бориса же Вячеславича
похвальба на смертный суд привела,
младого и храброго князя,
и на Канине зеленое ложе постлала за обиду Олегову.
С такой же, как ныне, Каялы повез Святополк отца
своего
между угорскими иноходцами ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалась и прорастала усобицами,
погибала сторона Дажьбожьего внука,
в княжьих крамолах век людской сокращался;
тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны каркали,
мертвечину деля меж собою,
а галки речь свою заводили,
собираясь лететь на поживу.
То было в те битвы и в те походы,
а о такой битве не слыхано.

С рассвета до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломы,
трещат копья булатные
в поле неизвестном, среди земли Половецкой.
Черна земля под копытами косями была засеяна,
а кровию полита;
горем взошли они по Русской земле!

Что же шумит, что же звенит издалёка
рано пред зорями?
Игорь на бой полки возвращает:
жаль ему милого брата Всеволода!
Билися день, бились другой,
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы
тут кровавого вина не достало,
тут пир докончили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле преклонилось.

*

Уже невеселая, братья, година настала,
уже Пустыня Русскую Силу прикрыла!
Восстала враждою обида в полках Дажьбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона,
плещучи, прогнала привольные времена!

Война князей с погаными к концу пришла,
ибо сказал брат брату: «То мое, и это — мое же!»
И начали князья про малое «вот великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать,
а поганые со всех сторон приходили с войною и бедой
на землю Русскую.

О! Далекó залетел сокол — к морю, птиц избивая.
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна,
И Жля побежала по Русской земле,
жар неся погребальный в пламенном роге.
Жены русские восплакались, причитая:
«Уже нам милых своих ни мыслию помыслить,
ни думою вздумать,
ни очами не увидеть,
а златом и серебром подавно не потешиться!»

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от бед и напастей,
тоска разнеслась по Русской земле,
печаль обильная заструилась среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с войной и победами рыская по Русской
земле,
дань собирали по векше с двора.
Те два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили кривду самовольством;
ее смирил грозою отец их, великий грозный Святослав
Киевский,
устрасил своими могучими полками и булатными мечами,
вторгся в землю Половецкую,

притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобяка из лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно вихрь,
выхватил,

и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венетичи,
тут греки и морава
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой.
Злата русского порассыпали!
Тут Игорь-князь пересел из золотого седла да в седло
невольничье!
Приуныли по градам их могучие кремли, а веселие поникло.

*

А Святослав горестный сон видел в Киеве на горах.
«В ночь сию с вечера одевали меня,— молвил,—
черным покрывалом на кровати моей тисовой,
черпали мне синее, зловещее вино, с горечью смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых толмачей
скатный жемчуг на грудь, обряжая меня.
Уже доски без матицы в моем тереме златоверхом!
Всю ночь с вечера вешие вороны каркали у Плесенска на
пойме,
прилетели они из мрака ущелья Кисанского
и понесли к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Горе, князь, ум одолело:

слетели два сокола с отчего престола златого
поискать града Тмуторокани
либо испытать шеломом Дона.
Уже соколам крылья подрезали поганые саблями,
а самих спутали путами железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца затмились
оба столпа багряные погасли — помрачились,
а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав, тьмою
заволоклись
и в море погрузились.
Дерзость великую придали они пришлецам-хиновé.
На реке на Каяле Тьма Свет покрывла;
на Русскую землю кинулись половцы, словно выводок
барсов.

Уже пало Бесчестье на Славу,
уже ударило Насилье на Волю,
уже низринулся Див на землю!
Запели готские красавицы девы на берегу синего моря,
звеня русским золотом;
поют время Бусово,
лелеют месть за беду Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселия!»

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод!
До времени начали вы Половецкую землю мечами в слезы
вгонять,
а себе славы добиваться,
но не с честью в бой вступили,
не с честью вы кровь поганую пролили!
Ваши храбрые сердца крепким булатом окованы,
а в удали закалены!

Что же содеяли вы моей серебряной седине?

А уже не вижу я власти и помощи могучего, и богатого,
и многоратного брата моего Ярослава

с черниговскими вельможами,
с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами;
с воинами-топчаками, с богатырями, с храбрецами,
а ведь они без щитов, с ножами засапожными,
кликом полки побеждают,
звения прадедовой славой!

Но вы сказали: «Поратуем сами,
новою славой одни завладеем — и прежнюю сами
поделим!»

А так ли уж дивно, братья, старому помолодеть?

Когда сокол перелиняет,
высоко птиц загоняет —
не даст гнезда своего в обиду!

Но вот зло: князья мне пособлять зареклись;
на худое години обратились!»

Се в Римове кричат под саблями половецкими,
а Владимир тяжело ранен,
горе и тоска сыну Глебову!

*

Великий князь Всеволод!

Не мыслию лишь прилететь бы тебе издалека отчий злат
престол поблости!

Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон
шеломами вычерпать!

Кабы здесь ты был, пленниц продавали б за бесценок,
а пленников и подавно!

Ты ведь можешь посуху живыми стрелять огнестрелами —
удальми сыновьями Глебовыми.

Ты, буй Рюрик, и Давыд!

Не у вас ли ратники по шеломы золоченые в крови
плавали?

Не у вас ли рыкают, словно туры, дружинники храбрые,
раненные саблями калеными на поле неизвестном?

Вступите, государи, во злат стремя за обиду сего
времени,

за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Галицкий князь Осмомысл Ярослав!

Высоко сидишь на своем златокованом престоле,
подпер ты горы Угорские полками железными,
заступил ты путь королю, затворил Дуная ворота,
метая громады за облака,
суды рядя до Дуная!

Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киева,

стреляешь с отчего златого престола в султанов

за землями —

стреляй, государь, в Кончака, в невольника поганого,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

А ты, буй Роман и Мстислав!

Храбрая мысль стремится ум ваш на дело!

Высоко возносишься, плаваешь, Роман, на подвиг в
доблести,

будто сокол, на ветрах ширяющий,
пожелавший в лихости птицу одолеть!

Носят воины ваши панцири железные
под шеломами латинскими!

От них дрогнула земля, и многие племена,

враг-хиновá: литва, ятвяги, деремела и половцы —
копья свои побросали,
а головы свои преклонили
под те мечи вороненые.
Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру листву обронило:
по Роси и Сулэ грады поделили,
а Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу:
Ольговичи, храбрые князья, уже потрудились в бою!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!
Не худá гнезда шестикрыльцы-соколы!
Не по жребьям побед себе волости добыли!
К чему же ваши златые шеломы, и копья ляшские, и щиты?
Загородите врагам ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

*

Уже Сула не течет серебряными струями для града
Перяяславля,
и Двина мутью темной течет тем грозным полочанам под
клики поганых.

Один лишь Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами о шеломы литовские,
поверг славу деда своего Всеслава,
а сам под красными щитами на кровавой траве
повержен литовскими мечами,
и, с суженою обручась, молвил:
«Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери
кровь полизали!»

Не было тут ни брата Брячислава, ни другого —
Всеволода,
один изронил он жемчужную душу из храброго тела чрез
златое ожерелие!

Приуныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярослав, также и вы, все внуки Всеславовы!
Долу склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои пощербленные —
вы отбились от дедовой славы!
Вы крамолами своими стали наводить поганых
на землю Русскую,
на волость Всеславу:
из-за усобицы-смуты пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий о
дэвице, ему любой.
Он, лукавством опершись о коней, скакнул к граду Киеву
и коснулся пикой золотого престола Киевского;
прянул от полков лютым зверем в полночь из Белгорода
и взвился в синем облаке,
а наутро вонзил секиры: отворил ворота Новгорода —
расшиб славу Ярославову.
Скакнул волком до Немиги из Дудуток,
на Немиге снопами головы стелют, молотят цепами
булатными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
засеяны костями русских сынов!
Князь Всеслав людей судом судил,
князьям города рядил,

а сам в ночи волком рыскал,
из Киева волком дорыскивал до петухов в Тмуторокань;
великого Хорса в пути обгонял-перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили в колокола
у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал!
Хотя душа ведуна была в храбром теле,
но часто страдал от напастей.
О нем вещий, мудрый Боян еще встарь припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни провидцу гораздому
суда божьего не миновать!»
О! Стонать Русской земле, вспоминая прежнюю годину
и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам
Киевским!
А ныне его стяги стали Рюриковы,
а те — Давыдовы.
Но врозь их полотнища веют, розно их копыа поют.

*

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
«Полечу,— молвит,— кукушкою по Дунаю,
омочу шелкóвый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его теле».
Ярославна спозаранку плачет в Путивле у бойниц кремля,
причитая:
«О Ветер-ветрило!
Зачем, господин мой, силой встречною веешь,
зачем стремишь вражьи стрелы на своих легких крыльях
на моего лады воинов.

Мало ли тебе было, высоко́ под облаками вея, лелеять
корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселие по́ полю ковыльному
развеял?»

Ярославна чуть свет плачет в Путивле-городе на заборе
кремля, причитая:

«О Днепр Славутич!
Ты пробил волной каменные горы среди земли Половецкой,
ты лелеял на струях своих Святославовы лады до полка
Кобякова —
прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб не слала
к нему слез на́ море рано».

Ярославна плачет спозаранку в Путивле на стене кремля,
причитая:

«Светлое и пресветлое Солнце!
Всем ты тепло и пригоже!
Зачем, господин мой, простер горячие свои лучи на воинов
лады,
в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?»
Взбушевалось море полуночью,
идут смерчи тучами.
Бог Игорю-князю путь кажется
из земли Половецкой в землю Русскую
к отчему золотому престолу.
Погасли вечером зори.
Игорь спит — Игорь глядит,
Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
В полночь Овлур коня свистнул за рекою,
велит князю разуть:

«Князю Игорю не быть тут!» — кликнул.
Стукнула земля, зашумела трава —
вежи половецкие всполошились!
А Игорь-князь поскакал горностаем в тростник,
слетел белым гоголем на́ воду;
вскинулся на борзого коня,
соскочил с него волком-оборотнем
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под облаком,
побивая гусей и лебедей
на завтрак, обед и на вечер.
Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
отрясая студеную росу,—
загнали они коней своих борзых!

Донец сказал: «Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку горевания,
а Русской земле веселия!»
Игорь сказал: «О Донец мой!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зелену траву на своих берегах серебряных,
одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого древа;
стерег ты его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернетьми на ветрах!»

Не такой слывет река Стугна: недобрую струю имея,
проглотив чужие ручьи и воды,
расширясь к устью,
юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега.

Плачет мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы в горести,
а древо с печалью к земле преклонилось.

А не сороки застрекотали —
по следу Игореву рыщут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гзак Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
Соколича расстреляем своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
Сокóлича мы опутаем красною девицею».
И сказал Гзак Кончаку:
«Коли его опутаем красною девицей,
не будет у нас соколенка,
не будет и красной дéвицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!»

*

Молвил Боян, до него — Ходына, певец Святославов,
слагатели песен о старом времени —
Ярославовом, Олеговом, жены кагана:
«Тяжко тебе, голова, без плеч,
Как телу без головы»,—
Русской земле — без Игоря!

Солнце светится на́ небе:
Игорь-князь — в Русской земле.
Девицы поют на Дунае,
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей.
Рады села, грады веселы!
Спевши песнь старым князьям, надо и молодым запеть:
«Слава Игорю Святославичу,
Буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!»

Аминь.

1938, 1984

Николай Заболоцкий
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал

Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые,—
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов,—
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»

Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,

Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В Половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шоломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозой птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,

Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван Тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Доу движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червленые лисица
Дико брешет в сумраке ночном...

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груды аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью белой,
Челку и копьё из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега,—
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря

На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
 О Русская земля!
 Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломах ратные гремишь.

Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремя вступал в Тмуторокани.
В злат стремя вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,

Протянув носилки между выюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как ворог,
Внук Дажьдбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вóроны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра —
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,

Что там звенит

Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви преклонили.

16

И настала тяжкая година:
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебязьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,

И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел за сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны,—

Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал,— и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...

Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеко, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня,—
Молвил князь, поникнув головою,—
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое, отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали,
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым —
Поискать Тматорокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путинь».

3

В третий день окончилась борьба
 На реке кровавой на Каяле,
 И погасли в небе два столба,
 Два светила в сумраке пропали.
 Вместе с ними, за море упав,
 Два прекрасных месяца затмились —
 Молодой Олег и Святослав
 В темноту ночную погрузились.
 И закрылось небо, и погас
 Белый свет над Русскою землею,
 И, как барсы лютые, на нас
 Кинулись поганые с войною.
 И воздвиглась на Хвалу Хула,
 И на волю вырвалось Насилье,
 Прянул Див на землю, и была
 Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
 Моря синего живут.
 Русским золотом играя,
 Время Бусово поют.
 Мечь лелеют Шаруканью,
 Нет конца их ликованью...
 Нас же, братия-дружина,
 Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
 Изронил свое золотое слово,
 Со слезами смешанно, сказав:
 «О сыны, не ждал я зла такого!

Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу, мне, помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой,—
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
 Муки нам великие терпеть?
 Не тебе ль на суздальском престоле
 О престоле отчем порадеть?
 Ты и Волгу веслами расплещешь,
 Ты шеломом вычерпаешь Дон,
 Из живых ты луков стрелы мечешь,
 Сыновьями Глеба окружен.
 Если б ты привел на помощь рати,
 Чтоб врага не выпустить из рук,—
 Продавали б девок по ногате,
 А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
 Смолкли ваши воинские громы.
 А не ваши ль плавали в крови
 Золотом покрытые шеломя?
 И не ваши ль храбрые полки
 Рыкают, как туры, умирая
 От каленой сабли, от руки
 Ратника неведомого края?
 Встаньте, государи, в злат стремя
 За обиду в этот черный день,
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий!
 Твой град высоко стоит под облаками.
 Оседлал вершины ты Карпат

И подпер железными полками.
На своем престоле золотом.
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевскиеходишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на врага ударь —
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князя Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву

И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулѣ, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингв́арь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копьѣ из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
 За Русскую землю,
 За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.

Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагранный,
Упал на щит червлёный, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье.
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле, причитая,
Как кукушка раннею весной,

Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.

Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
 Вздогнула земля,
 Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит.

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,

Только скажут по кустам.
Дятлы, Игора встречая,
Стуком кажут путь к реке.
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликують вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».
— «О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игора качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стергла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Преклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во поле стрекочут,
 Не вороны кличут у Донца —
 Кони половецкие топочут,
 Гзак с Кончаком ищут беглеца.
 И сказал Кончаку старый Гзак:
 «Если сокол улетает в терем,
 Соколенок попадет впросак —
 Золотой стрелой его подстрелим».
 И тогда сказал ему Кончак:
 «Если сокол к терему стремится,
 Соколенок попадет впросак —
 Мы его опутаем девицей». —
 «Коль его опутаем девицей,—
 Отвечал Кончаку старый Гзак,—
 Он с девицей в терем свой умчится,
 И начнет нас бить любая птица
 В Половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
 Песнотворцу князя Святослава:
 «Тяжко, братья, голове без плеч,
 Горько телу, коль оно безглаво».
 Мрак стоит над Русскою землей:
 Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
 Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
 Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей Богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князьям, и дружине слава!

1946, 1958

Александр Степанов
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Негоже было бы, братья,
начать нам по-прежнему словами славы
скорбное повествование
 о походе ИгоревоМ,
Игоря Святославича!
То ведь начаться песне
былью нашего времени,
 а не по воле Бояна.
Вещий Боян, бывало,
захочет ли кому песнь творить,
по мысленному древу раскинется:
серым волком по земле,
сизым орлом под облаком,—
вспоминал-то он, сказывая,
 битвы давних времен!

Напускал тогда он десять соколóв
на стаю лебедей,—
какую лебедь настигнет сокол,
та первой и пела песнь:
 Ярославу Старому
или Мстиславу Храброму,
 кто заколол Редедю
пред войском черкесским,
или Роману Красному Святославичу...

А Боян, братья,
то не десять соколов напускал
на лебедей стаю —

он свои пальцы кудесника
вскладывал
на живые струны,
и те сами славу князьям
рокотали...

Начнем, братья, доскажем
повествование это
от Владимира Старого
до нынешнего Игоря:
как он мысль свою
крепостью своею напруг,
сердце мужеством
завострил
и, ратного духа полный,
навел
свои храбрые полки
на Половецкую землю —
за Русскую землю!

В ту пору Игорь
взглянул на светлое солнце
и видит:
тьмой от него
покрыло воинов его всех.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше иссеченным быть,
нежели плененным быть.
А сядем, братья,
на своих быстрых коней
да и посмотрим
синий Дон!..»

Вспало на душу князю желание
Дон великий испытать,
и ему недоброе знамение
оно застлало.
«Так хочу же, — сказал, —
преломить копьё
на том ли крае поля Половецкого!
С вами, сыны русские,
сложить голову,
а либо испить шеломом
Дону!...»

О Боян,
соловей времени былого,
ты бы защелкал-запел
этим полкам!
Раскинешься, соловей, по мысленному дереву —
летая думой под облаком,
свивая славу вокруг сего времени,
рыская тропой былой Трояновой
через степи и горы, —
и так бы запел ты Игорю,
Троянову внуку:
«То не буря
соколов занесла за поля широкие,
то не галочки стаи несутся
к Дону великому...»

А не запеть ли, вещей Боян,
Велеса внук:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве...
Трубы трубят в Новгороде,

стоят полки в Путивле!
Брата милого, Всеволода,
ждет Игорь...»

Так ведь сказал ему
Ярый тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый —
ты, Игорь,
Святославичи мы!
Брат, седлай своих быстрых коней,
а мои — наготове,
впереди, за Курском, оседланы.
•А куряне у меня —
люди испытанные.
Под трубы дружины спеленуты,
под шеломами баюканы,
у острия копья возвращены...
Дороги им ведомы,
кручи — изведаны!

Луки у них расправлены, колчаны открыты,
сабли изострены.
А скачут — что серые волки полем,
чести ища себе,
князю — славы...»

Той порой Игорь-князь
ступил в стремя золотое
и поехал чистою степью.
Солнце
путь ему тьмой заступало,
ночь стонала грозой.

Птичий свист пробудился,
зверье встает.
Взвился див на стяге,
кличет на верху древка:
смириться велит земле незнаемой,
Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню,
а и тебе,
каган Тмутороканский!

Но половцы
неезженными дорогами
бегут уже на великий Дон.
Телеги среди ночи —
кричат,
сказать, лебеди всполошённые...

А Игорь воинов к Дону ведет!
Птица пред ним
по дубам
от беды хоронится,
волки тревогу навевают по ярам,
орлы клекотом
на конские кости зверье накликают,
лисы лают
на щиты красные...

О Русская земля,
уже за холмом ты!

Долго ночь меркнет,
заря свет заронила,
по степи туман стелется,

щекот соловьев уснул,
галочий говор проснулся...
Степь великую
русские,
переходя,
красными щитами перегородили,
чести ища себе,
князю — славы.
С зарей, в пятницу рано,
смяли они половцев поганые полки
и, разметавшись стрелами по степи,
умчали
красных девушек-половчанок,
а с ними
и золото, и шелка, и бесценные бархаты.
Шубами, плащами, попонами
гати мостили
по болотам и грязям,
а и всяким ряженьем половецким...
Алое древко и хоругвь белая,
алая челка и копьё серебряное —
смелому Святославичу!

Дремлет в степи
Олегово гнездо храброе.
Залетело — далёко.
Не на обиду рождено
ни соколу, и ни кречету,
и ни тебе, ворон черный,
поганый половчанин...

Гзак серым волком бежит,
Кончак ему следом своим

путь пролагает
к великому Дону...

На другой день
с самой рани
кровавые зори возвещают рассвет.

Черные тучи идут с моря,
Четыре солнца покрыть хотят,
и синие молнии в них трепещут.

Быть грому великому,
стрелами

дождю идти с Дона!

Ломаться здесь копьям,
биться здесь саблям о шеломы половцев,
как на той ли, сказать, Каяле,
у великого Дона...

О Русская земля,
уже за холмом — не ты!

То ветры, Стрибоговы внуки,
с моря стрелами веют
на храбрые Игоревы полки.

Земля гудит,
реки, замутились, текут,
поле пылью прикрыло.

Стяги дозорных повещают:

Половцы идут!

И от Дона, и от моря,

и от всех земель своих...

И обступили они русские полки.

Бесово племя
кликот степь перегородило,
а уже русские, храбрые,
загородили ее
красными щитами.

Ярый тур Всеволод,
бой принимаешь — ты!
Осыпашь воинов стрелами
и гремишь по шеломам мечами
блистающими...
Где, тур, ни проскачешь,
посвечивая шеломам своим золотым,
там лежат
головы окаянные половецкие.
Расколоты калеными саблями
шеломы аварские,
ярый тур Всеволод,
тобою!
Что́ ему раны, братья милые!
Всё забыто:
где честь — где жизнь,
и Чернигова-города отчий престол золотой,
и желанная, краса его Глебовна,
с ее ласкою-обхождением...

Были века Трояновы,
миновали Ярославовы лета...
И были походы Олеговы,
Олега Святославича.
А тот Олег
ковал мечом своим — распрю
и далеко по земле стрелы сеял.

Он в Тмуторокане-городе
ступает в стремя золотое
(не тому ли звону внимал и встарь
великий Ярослав!),—
а Владимир, Всеволодов сын,
сев в Чернигове,
что ни утро зажимает уши...

Бориса же Вячеславича
завела слава на суд божий,
по зеленому берегу Канины
покров постлала,
за Олегову печаль и обиду его —
молодого, смелого князя...
С той Канины
Святополк вез отца своего,
покая меж иноходцев венгерских,
ко святой Софии, к Киеву...

Тогда, при Олеге Гориславиче,
усобицей сеялось всё и возрастало!
Гибло племя Дажьбогова внука,
в усобицах княжьих
скоротались дни человека.
Редко тогда по Русской земле
пахари покрикивали,
но часто в ту пору вороны кричали,
поделяя друг с другом трупы,
да галки говором своим гомонили:
хотят лететь на поживу...

То было в те войны,
в те походы,

а о такой битве и не слыхивали!
С зари и до вечера,
с вечера и до света
летят каленые стрелы,
гремят о шелома сабли,
трещат копыя блистающие
в поле неведомом,
среди земли Половецкой.

Земля — уже черна под копытами,
костью засеяна
и полита кровью.
И взошли они
горем
по Русской земле...

Что мне шумит, что звенит?
Этим утром, перед ранними зорями,
Игорь полк свой переводит вперед!
Брата жаль ему милого, Всеволода...
Тот день бились. И другой день бились.
К полудню третьего дня
Игоревы стяги пали.
Тут и разлучились братья,
на берегу той Каялы...
Недостало тут вина кровавого,
тут покончили пир дружины храбрые Русы.
Сватов — напоили,
а сами
за Русскую землю
полегли.

Трава в жалости никнет,
дерево печалью клонит
к земле.

То ведь, братья,
недобрые времена настали:
какую силу пустыня прикрыла,
и встала Обида средь сил...

Дажьбогова внучка
вступила девою на землю Троянову!
Лебедиными крыльями всплескала
на синем море, у Дона:
плеская,
пробудить бы ей добрые времена!..

Ополчению князей на степняков
кончаться!
Когда и брат брату сказал:
«Это — мое, а и то — мое».
И пустились князья
пустое нарекать меж собой: «Великое!» -
и сами беду себе ковать.
А степняки
со всех сторон нарыскивали с победами
на Русскую землю...

О, далеке сокол занесся, птиц побивая,—
к морю!
А храбрых Игоревых полков
не воскресить...
К ним — крик вопленицы!
И горевестница с жалостию метнулась
по Русской земле,
людям раскидывая пепел
в пламенном роге...

Восплакались в голос
русские женщины!
«Уже нам своих милых лад
ни мечтою не примечтать,
ни думою сдумать,
ни очами оглянуть,
и уж ни золота-серебра
для них наскресть,—
не вызволить...»

Застонал, о братья, Киев в скорби
и Чернигов в недоле своей,
тоска разливом пошла по земле Русской,
печаль тяжелая потекла
в глубь Русской земли.
Князья сами
ковали себе беду,
а степняки,
с победами на Русскую землю нарыскивая,
сами дань изымали,
белкой — по связке от двора!

Двое и этих смелых Святославичей,
Игорь и Всеволод,
пробудили кознь
и вражду...
Ее было утишил отец их грозный,
Святослав Киевский великий:
грозой ударил —
сильными своими полками,
в блеске мечей.
Вступил в Половецкие земли,
утоптал, сровнял холмы с оврагами,

взмутил озера и реки,
иссушил родники и топи...
А Кобяка поганого
из станowych полков
латников половецких лукоморья
выхватил вихрем!
Упал Кобяк в стенах Киева,
на судном дворе Святослава...
То и немцы, и венецианцы,
то и моравы, и греки
славословят Святослава,
а Игоря-князя жалеют:
какую силу он погрузил
на дно Каялы!
Реки половецкие русским золотом
засыпали...

Тут сошел Игорь-князь с седла золотого,
сел в кочевничье.
Уныло стоят стены градские,
и сникло веселие...

А Святослав в Киеве, на горах,
тревожный сон видел.
«Этой ночью,— поведал,— обряжали меня
с вечера
на кровати кедровой
в покров черный
и уже черпали для тела моего синее вино,
мутное,
с горечью смешанное.
На грудь мне крупный жемчуг
сыпали

колчанами тощими нелюбых мне
перебежчиков...

И убирают меня:
уже доски врозь — без конька —
на тереме моем златоверхом...
И всю-то ночь, с вечера,
кричали
вороны зловещие,
на Плеске у дебри Кияни были,
на всполье,
и понесло их к синему морю...»

Бояре говорят князю:
«Это душу, княже, твою
похитила горесть!
То ведь два сокола отлетели
от золотого отчего престола
добыть ли града Тматороканя,
а либо испить шеломом Дону...
Да крыльица соколám
саблями поганых подрезали,
а самих
путами окружили железными.
Темно стало в тот день, в середу,
два солнца померкли,
обоих столпы багряные погасли,
а с ними и молодые месяцы.
Старый Олег и Святослав тьмою заволоклись
и за морем закатились!
На реке Каяле тьмою
свет сокрыло...

И дерзости превеликой
не то ли придало гунну!
По Русской земле пораскинулись половцы
гнездом гепардов ловчих...
И занеслася хула
над славой,
и громит насилие
волю вольную,
и повергся див с дrevка на землю...

Да теперь и красные девушки готские
запели на берегу того синего моря,
звения остальным золотом русским;
время, поют, вещее — переменчиво!
Лелеют мечь Шарукану...
А ведь и мы, дружина,
жаждем веселия!..»

Тогда великий Святослав
слово золотое проронил,
со слезами слитое.
Сказал:
«О дети вы мои,
Игорь и Всеволод!
Рано собралися
земли Половецкой слезы исторгать
мечами,
поискать свою славу.
Но не чести восхитили,
не с честью и поганую кровь пролили...
Вас обоих сердца храбрые
кованы в жаре железном,
в ветре буйном закалены,

а вот чем одарили вы
серебряные седины мои!

Но и не вижу тут воли
сильного и богатого многою ратью
брата моего Ярослава,
с его черниговскими воеводами,
с их мугутами и топчаклами,
альбир-сальбирами,
а и с татранцами и ругодянами —
выезжими людьми нашими:
те были без щитов,
при ножах засапожных,
кликком побеждают полки,
перезваниваясь с прадедами славой...

Но вы сказали:

«Мужаться — самим!

Славой пред нами сами поделимся,
то и прежнюю возьмем!...»

А диво ли было бы
брату старому помолодеть?
Сокол, когда в линьке побывает,
взбивает высоко птицу...
Он не даст гнезда своего
в обиду...

То-то и зло,

мне князья не пособят:

в ничто время давешнее оборотилось...

О, это под Римовом кричат,
под половецкими саблями,
раны наносят
Володимиру...

Тяжко, скорбно тебе, сын
Глебович...»

СЛОВО ПЕСНОТВОРЦА
К ВОЕНАЧАЛЬНИКАМ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Ты, князь великий, Всеволод!
И не запала дума
перелететь тебе издалеча,
отчий престол золотой
поберечь!

А можешь ты
раскропить Волгу веслами,
вычерпать Дон шеломами...

Будь ты —
по куне полонянке быть,
по полкуну — пленнику.

А и можешь ты по сухой степи
живой огонь метать самострелами,
как с удальми сынами Глебовыми...

Ты, ярый Рюрик, и ты, Давыд!
Не у вас ли
золоченные шелома вражь
по крови плавали!
Не у вас ли храбра дружина!
Словно рыкают туры,
раненные саблями калеными
в дикой степи...

Вступите, государи,
в стремя золотые —
за обиду сей поры,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича!

Галицкий Ярослав Осмомысл!
Высоко седишь
на своем златокованом престоле.
Подпер горы Венгерские
железными своими полками,
заступив пути королю,
затворив Дунаю ворота...

Перебрасывая своих воинов сильных
через горные облака,
суд вершишь до самого Дуная.
Грозы твои растеклись по землям,
и открываешь ворота Киеву...
Стреляешь ты
с золотого отчего престола
в салтанов за далекими землями.
А стреляй же, государь,
Кончака, степняка-раба —
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича!..

И ты, ярый Роман, с Мстиславом!
Души смелые
направляют ум ваш на дело!
Высоко всплываешь
на подвиг —
так сокол держится на ветрах,
желая птицу, в отваге, с высоты ударить...

А люди не у вас ли — железные,
под шеломами латинян,
от которых земля потряслась!

И многие племена, гуннам подобные,—
литвины, ятвяги,
пруссы и половцы —
опустили копыя свои
и головы преклонили
под те их мечи блистающие...

А ведь Игорю, князь,
свет солнца померк!
И не добром
обронило дерево листву —
города по Роси и по Суле
отторгли...

Не воскресить
храбрых полков Игоревых.

Князь, тебя Дон кличет,
сзывает он князей на победу.
А Ольговичи, князья храбрые,
те успели уже на бой.

Ингварь и Всеволод!
И вы, все трое Мстиславичей,
не простого гнезда сокола, шестикрылые!
Не победами ли
уделы
под свою власть оттягали!
Что же ваши золотые шеломы,
и копыя польские, и щиты!
Загородите ворота степи
острыми стрелами своими!
За землю Русскую,
за раны Игоревы,

ярого Святославича.

Ведь уже не течет Сула струями серебряными
для Переяславля-града,
и Двина болотом течет
для тех ли грозных полочан,
под клич половецкий.

Один был
Изяслав Василькович,—
прозвенел
острыми мечами по шеломам литовским,
побил
славу своего деда, Всеслава,
а сам,
под красными щитами,
на траве кровавой,
побит мечами литовскими.
Изошла юная кровь,
а он только и сказал себе:
«Дружину твою, князь,
птицы крылами как приодели!
А кровь — звери слизали...»
Не случилось тут
ни брата, Брючислава,
ни друга, Всеволода...
Один,
изронил он свою жемчужную душу
из сильного тела
через ожерелье золотое...
Уньли голоса, и сникло веселие.
Не гродненские ему трубы трубят...

Ярослав! И вы, сущие внуки Всеславы!
Опустите же друг перед другом
стяги свои,
в землю вонзите мечи свои —
иззубренные!
Далёко отскакали от дедовской славы!
То ведь неладами своими
вы начали наводить степняков
на землю Русскую —
на добро Всеславово...

Братья, с распри и пошло насилие
от земли Половецкой...

На седьмом Трояновом веке
Всеслав кинул жребий
о девице, ему милой:
ухитрясь, посадил себя на коня!
И подскочил к Киеву-городу,
и коснулся копьем киевского престола
золотого,
а поскакал от них диким зверем
среди ночи —
из Белгорода,
объяв себя облаком синим...
Он, уловив удачу,
с трех кустов — капищ бывших —
с трех концов отворил ворота Новгороду,
перешиб славу Ярослава,
а волком скакал до Немиги-реки...
Дуют ток на Немиге: снопы стелют
головами,
молотят —

цепами блистающими,
жизнь кладут на току,
веют —
душу от тела...
Немиги берега кровавые
не добром были сеяны,
сеяны костями сынов русских.

Всеслав-князь
людям суд судил,
князьям волости делил,
а сам волком рыскал в ночи!
Из Киева до Тмутороканя
до ранних петухов дорыскивал,
Хорсу великому ход
волком перебегал.
Ему в Полоцке прозвонят колокола рано
к заутрене у святой Софии,
а он всё еще киевский звон слышит...

Хоть и вещая душа,
а и в другом бывала теле,
он частые беды терпел...
О нем наперво
вещий Боян,
понимаючи,
и припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни с птицей вещуну гораздому
суда божия не минуть...»

О, стонать Русской земле,
вспомнив начальные времена

и первых князей...
Того ли Владимира Старого
приковать было к горам Киевским!
А ныне вот встали его стяги —
одни Рюриковы, а те и Давыдовы,
врозь
концы их раскинуты
и копья...

На Дунае голос слышать
Ярославны.
Кукушкою кличет безвестною
рано.
«Полечу,— говорит, — кукушкою одинокою
по Дунаю...
А я рукав примочу бобровый
в Каяле-реке,
князю раны утру кровавые
на его жарком теле...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет:

«О Ветер, Ветрило!
За что, господине, силою возвеял?
Что же крыльями легкими своими
стрелоньки степные наносишь
на воинов моего лады?
Знать, мало тебе было в небеси
под облаком веять,
корабли на синем море качая...»

—
○ ————— ○
Что же веселие мое, господине,
по ковылю развеял?..»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля-города,
зовет:

«О Днепр Словутич!
Ты и горы каменные пробил
через земли Половецкие,
а и лелеял ты на себе ладьи
Святослава
до Кобякова стану,
прилелей, господине, моего ладу ко мне!
Да не шлю к нему на море слез...
Рано...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет:

«Светлое Солнце, тресветлое!
Для всех-то красно ты и теплѳ.
О, господине...
Что же ты простерло луч горячий
над воинами лады...
Во поле безводном
жаждою им луки свело,
горечью им колчаны
забило...»

—
Вдуться стало море,
к северу смерчи идут с облаками —

бог указывает Игорю-князю пути
из Половецкой земли
на Русскую землю,
к отчему престолу золотому...

Зори вечерние погасли.
Игорь спит — Игорь бодрствует!
Игорь в мыслях степь померивает
от великого Дона к Донцу малому
конем...

В полночь свистнул Лавор
за рекой:
велит разуметь князю...
И как не было здесь князя Игоря!

Загудело —
ударило смерчем о земь,
прошумели травы,
разметало шатры половецкие...
И тогда Игорь-князь
пробежал в камыши горностаем
и — на воду,
гоголем белым...
Вспрыгнул
на коня резвого —
да соскочил с него волком быстрым!
И к полесью Донца понесся,
а там — соколом,
пролетая понизу туманов,
подбивая гусей да лебедей —
к завтраку ли, обеду-ужину...

А как Игорь соколом полетел,
Лавор — волчьим бегом побежал,
отрясая собою
студеные росы:
ведь вконец перетружены
их горячие кони...

Сказал Донец:
«Княже Игорь,
немало тебе величия,
а Кончаку немилости,
а Русской земле радости...»
И сказал Игорь:
«О Донец,
немало величия тебе! —
как лелеял ты на волнах
князя,
как стелил ему зелены травы
на серебряных своих берегах,
одевал его
туманами теплыми
под тенью зелена дерева,
как стерег его —
гоголем белым в заводи,
чайками на струях,
черной утицею на ветрах...»

Не такова, сказать, Стugna-река:
струясь мелко, — худа!
Чужой стороны ручьи поглотив
и в потоке растекшаяся,
скрыв кусты,
князя юношу Ростислава

притворила на дне
у темного берега...

Плачет мать Ростислава
по юному Ростиславу-князю,
поникли цветы в жалости,
и дерево скорбью к земле преклонило.

Не сороки ли застрекотали?
Вослед Игорю
проехали
Гзак с Кончаком...

Да в ту пору вóроны там не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,—
сторожко по лознякам
беглецы ползли!

И только дятлы тётком своим
путь к реке указывают,
когда еще соловьи веселыми песнями
возвещают рассвет...

Говорил Гзак Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка прострелим
стрелами позлащенными!»

Отвечал Кончак Гзаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколика опутаем
девицею красной!»

Но Гзак Кончаку сказал:
«Когда опутать его

девицею красной —
ни нам соколика,
ни красной девицы,
а там и нас же забьют соколá
в Половецкой степи...»

Реку Бояново, Ходына,
Святославов песнотворец,—
написанное Ярославу
в старые времена Олега-князя,
в харатье:
«Тяжко голове
без плеч,
как зло и телу без головы!» —
тебе, Русской земле,
без Игоря.

Солнце на небе светится:
Игорь-князь в Русской земле!

Дэвицы, подружки Ярославны,
поют на Дунае —
вьются голоса через море
к Киеву.

Игорь едет по Боричеву в гору
к Пирогощей
святой матери божией.
Рады земли,
веселы города.

Спета песнь
старшим князьям,

пора петь
и молодым!
Слава!..

Игорю Святославичу,
Ярому туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу —
слава!

Здравствовать вам,
князя и дружины,
за христиан
побороть идущим
поганые полки.

Воистину слава
князьям и дружине!

1953, 1984

воскладал на живые струны,
и князьям эти струны
сами
рокотать начинали славу!

Так начнем эту повесть, братья,
от времен Владимира старого
и до нынешнего Игоря...
Ум свой храбрости подчинил он,
поострил он мужеством сердце,
преисполнился ратным духом
и направил храброе войско
к Половецкой земле далекой —
за родную Русскую землю.

О Боян, соловей старинный!
Вот бы ты воспел те походы —
поскакал по мысленну древу,
к облакам простирая думы,
воедино свивая славу
дней сегодняшних и минувших,
проносясь чрез поля на горы
по тропе Трояна!

Пришлось бы
так воспеть Велесову внуку
князя Игоря:

«То не буря
чрез поля широкие носит
русских соколов —
стаи галок
устремились на Дон великий!»

Или, вещий Боян, внук Велеса,
можно так начать было песню:
 «Кони ржут за Сулою —
 звенит слава в Киеве;
 трубы трубят в Новеграде —
 стоят стяги в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Ты один мне брат,
один светлый свет,
оба мы с тобой Святославичи!
Так седлай же, брат,
ты борзых коней,—
а мои у Курска оседланы.
А куряне — бойцы бывалые:
рождены под трубами,
взлелеяны под шлемами,
с конца копья вскормлены;
им дороги ведомы,
все овраги знаемы,
луки их натянуты,
колчаны отворены,
сабли их отточены;
словно волки серые,
скачут они по полю,
ища себе чести,
а князю — славы!»

И взглянул тогда Игорь на светлое солнце,
и увидел он воинов, тьмою прикрытых...
И сказал он дружине:

лебединой распуганной стае подобно,
их телеги кричат:
«Игорь двинулся к Дону!»

Вот, беды ожидая, слетаются птицы;
стали волки
 грозу подымать по яругам;
клекотанье орлов
 манит зверя на кости,
и лисицы
 на красные брешут щиты.

О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Долго ночь наступает. Заря свет роняет.
Мгла покрыла поля. Щекот смолк соловьиный.
Говор галок проснулся...

 Широкое поле
войско русское
 разгородило щитами,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в ту пятницу смяли поганых
и, рассыпавшись стрелами в поле, помчали
красных дев половецких, а с ними и злато,
драгоценные паволоки, аксамиты.
Кожухами,
 плащами,
 узорочьем взятым
намостили мосты по болотам и топям,

войско русское с разных сторон обступают!
Дети бесовы кликом поля преградили,
преградили и воины князя — щитами.

Яр-тур Всеволод!
Стойко в сраженье стоишь ты!
Прыщешь стрелы в поганых, гремишь о шеломы
ты булатным мечом;

и куда ни поскачешь,
князь, посвечивая золотым своим шлемом,—
там лежат половецкие головы всюду.
Рассекаешь калеными саблями храбро
ты аварские шлемы,
тур Всеволод!

Ран ли
убояться,
о братья,
забывшему в битве
достоянье и род,
и Чернигов, в котором
отчий стол золотой,
и желанной, прекрасной
Ольги Глебовны милой
обычай, свычай?

Были века Трояна. Прошли Ярослава годы.
Были походы Олега.

Мечом он ковал раздоры
и стрелы над Русью сеял...
В златое вступает стремя
в городе Тмуторокани —
такой же звон уже слышал

князь Ярослав великий...
Сын Всеволода, Владимир,
в Чернигове даже утром,
страшась, запирал ворота.

А князь Борис Вячеславич,
и молодой, и храбрый,
за похвальбу и лихость
на суд приведен был божий,
и в наказание
саван
зеленый ему был послан
возле реки Канины —
за обиду Олега...

И с той же самой Каялы
отца Святополк отправил
меж угорских иноходцев
в Киев, к святой Софии.

Олег Гориславич княжил —
сеялось, прорастало
распрями —
и погибало
богатство Дажьбожа внука.

Тогда в усобицах княжьих
и век людской сокращался.
По Русской земле в то время
покрикивал пахарь редко,
вороны ж граяли часто,
деля меж собою трупы,

да галки вели свои речи,
сбираясь лететь на добычу.

То было в те давние войны,—
такой же не слыхано рати!
С утра до зари до вечерней,
с вечерней зари и до света
летят каленые стрелы,
гремят о шелома сабли,
трещат булатные копя
среди земли Половецкой
в неизвестном поле...

Костями

черна земля под копытом
засеялась, кровью полилась —
и горе взошло на Руси!

Что шумит-звонит издалека мне
рано, до зари, на поле боя?
Игорь оборачивает войско:
мила брата Всеволода жалко...
Бились они день, другой...

На третий

к полдню пали Игоревы стяги.
Тут, на берегу Каялы быстрой,
разлучились братья... Недостало
тут вина кровавого... Тут пир свой
русичи окончили:

и сватов

попоили, и в бою том сами
голову за Русь сложили.

Никнет

в жалости трава, к земле родимой

дерево с тоскою преклонилось...
Вот уж невеселая година
наступила, братья... Уж пустыня
нашу рать прикрыла...
И Обида
встала среди войск Дажьбожа внука,
девою вступила в край Троянов
и на синем море, возле Дона,
плещет лебедиными крылами,
прогоняя времена обилья...

А борьба князей против поганых
прекратилась,
и сказал брат брату:
«То мое, и это всё — мое же!..»
Называли малое великим
и крамолу на себя ковали,
а войска поганых отовсюду
шли на землю Русскую с победой!

О, далече залетел ты, сокол,
избивая птиц,— до синя моря!
Вот твое не воскресить уж войско!
Жля и Карна кликнули печально,
поскакали по Руси, кидая
людям жар из пламенного рога!

Жены приговаривают, плача:
«Мыслью
своих милых
нам не смыслить,
думой
своих милых
нам не сдумать,

нам очами
милых не увидеть,
серебра и злата
не потрогать!»

Застонал от горя Киев, братья,
застонал Чернигов от напастей.
Разлилась тоска землею Русской,
потекла печаль по ней обильно,—
а князья себе куют крамолу,
а враги кругом победно рыщут,
дань собирают со двора по белке.
Потому что Всеволод и Игорь,
двое Святославичей бесстрашных,
половцев коварство пробудили;
было усыпил его

грозою

Святослав, князь Киевский, отец их:
сильными прибил его полками,
устрашил булатными мечами,
смело наступил на землю вражью,
притоптал холмы ее, овраги,
замутил и реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А Кобяк поганый с Лукоморья,
от полков железных половецких
словно вихрем был исторгнут...

Пал он

в гриднице, в плену у Святослава...

Тут уже венетичи и немцы,
тут уже и греки, и моравы
запевают славу Святославу,

Игоря оплакивают князя,
что на дне Каялы половецкой
потопил богатство и насыпал
много злата русского...

Тогда-то
пересел ты из седла златого,
Игорь-князь, в невольничье седло!
Приуныли городские стены,
и веселье на Руси поникло.

Святославу в Киеве приснился
смутный сон.

«Меня,— сказал он,— ночью
одевали черным покрывалом
на кровати тисовой...

Черпали
синее вино, смешавши с горем.
Из пустых колчанов половецких
сыпали на грудь мне крупный жемчуг,
нежили...

И без князька на кровле
видел я свой терем златоверхий...
Всю-то ночь от вечера кричали
вороны у Плесеньска на пойме,
где в предградье дебрь стоит Кияня,—
и неслись они до синя моря!»

И бояре отвечали князю:
«Горе, княже, ум твой полонило:
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого,
пожелав добыть Тмуторокани,

Начали рано земле Половецкой
вы досаждать, а себе искать славы.
Но ведь без чести вы одолели,
кровь ведь без чести
поганую пролили.

Храбрые ваши сердца из булата
крепкого скованы и закалёны
в смелости.

Что ж сотворили серебряной
вы седине моей? Что ж Ярослава
власти не вижу — богатого, сильного,
войском обильного брата,
вместе с боярами града Чернигова
да с воеводами... Вместе с татранами,
вместе с шельбирами и с топчакками,
вместе с ревугами и с ольберами,—
те ж,

с засапожными только ножами,
кликком полки без щитов побеждают,
в прадедов славу звоня...

Вы же сказали:

«Поратуюем сами,
славу былую себе мы похитим,
славу грядущую — сами поделим!»

Старому помолодеть ведь не диво:
ежели сокол, мужая, линияет —
птиц он высоко взбивает, в обиду
выводок свой

никому не дает он.

Зло только в том,

что князья мне не в помощь!

Худо теперь времена обернулись:
под половецкими саблями в Римове

люди кричат,
князь Владимир — под ранами;
горе, тоска сыну Глеба — Владимиру!»

Всеволод-князь!

Неужели и в мыслях
нет у тебя:

прилететь издалече,
отчий престол золотой поблести?
Веслами Волгу ты мог расплескать бы,
Дон ты шеломами вычерпать мог бы!..

Был бы ты здесь —

по ногате тогда бы
тут продавали невольниц...

Резану

стоил бы раб...

Ты ведь посуху даже
копьями можешь сражаться живыми —
храбрыми Глебовыми сыновьями!

Ты, буйный Рюрик, с Давыдом!

Не ваши ль

воины позолоченные шлемы
в кровь окунали?
Не ваша ль дружина
храбрая рыкает, турам подобно,
ранена саблями в поле неизвестном?
Вы, государи, вступите в злат стремень,
мстя за обиду этого времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря —
буйного Игоря Святославича!

Князь Осмомысл Ярослав!

На высоком
на златокованом сидя престоле,
горы Венгерские ты подпираешь
войском железным своим,
заступаешь
путь королю ты...

Дунаю ворота
ты затворяешь,
и тяжести мечешь
через облака,
и рядишь до Дуная
суд свой.

По землям текут твои грозы,
Киеву ты отворяешь ворота
и в чужеземных салтанов стреляешь
с отчего ты золотого престола.
Смело стреляй в Кончака, господине,
в раба поганого,
в половецкого,—
за землю Русскую,
за раны Игоря —
буйного Игоря Святославича!

Буйный Роман со Мстиславом!

На подвиг
храбрые мысли ваш ум увлекают,
и высоко, князь Роман, ты взмываешь —
сокол, отважно парящий на ветрах,
в смелости одолевающий птицу!
Панцири есть ведь у вас из железа,
шлемы латинские...

Это от них ведь

дрогнули земли и многие страны:
и хинова,
и литва,
и ятвяги,
и деремела, и половцы тоже —
копья повергли,
главу подклонили,
пав под булатными теми мечами.
Но уж померк,
о князь Игорь,
свет солнца,
древо листву не добром уронило:
ведь города по Суле и по Роси
половцы между собой поделили,
Игореву

воскресишь ли дружину?
Помнишь слова свои:
Дон тебя кличет
и созывает князей на победу!
Ольговичи вот на брань и поспели...

Всеволод, Ингварь,
Мстиславичей трое!
Соколы вы
не худого гнезда ведь!
Но не по праву победы добыты
ваши владенья...
Где шлемы золотые,
польские копья, щиты?
Заградите ж
острыми стрелами Полю ворота —
за землю Русскую,
за раны Игоря,
буйного Игоря Святославича!

Вот уже серебряными струями
не течет Сула Переяславлю,
и Двина под кликами поганых
потекла для полочан болотом...

Изяслав один

мечами острыми
о шеломы позвенел литовские,
славу деда своего Всеслава
тем прибив, — а сам в траве кровавой
под червлеными щитами был он
поражен литовскими мечами.
И сказал его любимец:

«Крыльями
птицы, князь, дружину приодели,
звери кровь погибших полизали».
Брата Брячислава в битве не было,
Всеволода — тоже...

В одиночестве
Изяслав тогда из тела храброго
свою душу изронил жемчужную
через золотое ожерелие.
Голоса уныли, и веселие
тут поникло... Над землей Полоцкой
затрубили трубы городенские...

Ярослав, все правнуки Всеславы!
Впору опустить вам стяги ратные
и мечи, в раздорах поврежденные,
спрятать в ножны...

Вы забыли прошлое,

выскочили вы из славы дедовской!
Вы поганых распрями, крамолами
стали наводить на землю Русскую,
на Всеслава-князя достояние.
Из-за вашей ведь, князья, усобицы
наступило половцев насилие!

На седьмом веке Трояна
кинул

Всеслав-князь

жребий

о милой ему девице.
Киева добиваясь,
к хитрости он прибегнул
и, поскакав, коснулся
златого престола дrevком!
Бежал потом лютым зверем
из Белгорода он в полночь,
объятый синею мглою.
Сумел он урвать удачу
и с третьей попытки смелой
открыл врата Новуграду,
расшиб Ярослава славу
и от Дудуток

волком

скакнул до реки Немиги.
На той на реке Немиге
снопы головами стелют,
а молотят цепами
булатными, и кладут там
жизнь на току,

и душу

отвеивают от тела.
Немиги берег кровавый
был не добром засеян —
русских сынов костями!

Всеслав-князь
суд людям правил,
князьям города рядил он,
а сам

ночью

волком рыскал.

Из Киева — к Тмуторокани
дорыскивал до петухов он.
Великому Хорсу

волком

перебегал дорогу...
В Полоцке у Софии
к заутрене для Всеслава
в колокола звонили —
он в Киеве звон тот слышал.
Хотя и душа провидца
была в его храбром теле,
но часто от бед страдал он.
Провидец Боян разумный
давно уж предрек Всеславу:
«Ни хитрому, ни умелому,
ни птице самой проворной
не миновать

суда божьего!»

О, стонать земле Русской, братья,
былые дни поминая

и первых князей!

Нельзя ведь
Владимира-князя было
к горам пригвоздить высоким
у Киева...

А теперь вот
Рюрика встали знамена
и брата его Давыда,—
но врозь развеваются стяги!
Копья поют!

Слышен голос Ярославнин
на Дунае на далеком —
вот кукушкою безвестной
поутру она кукует...

«Полечу,— заговорила,— я кукушкой
по Дунаю

омочу рукав бобровый
во реке я во Каяле,
утереть хочу я раны
на могучем теле князя!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:

«Ветрило-ветер!
Господин, зачем ты веешь
русским воинам навстречу?
Половецкие ты стрелы
мчишь зачем на легких крыльях
против Игорева войска?
Разве мало тебе было

высоко под облаками
веять,
корабли лелея
далеко на синем море?
Для чего мое веселье
ты по ковбылю развеял?»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:

«О Днепр Словутич!
Ты и каменные горы
смог пробить,
прошел сквозь землю
Половецкую, лелеял
Святославовы насады
ты до стана Кобякова.
Прилелей же, господине,
моего ко мне ты ладу,
чтоб я слез к нему не слала
поутру на сине море!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале:
«Трижды светлое ты Солнце!
Ты для всех тепло и красно.
Так зачем же, господине,
луч горячий ты простерло
над дружиной лады князя?
И зачем в безводном поле
жаждой луки ей согнуло,
колчаны заткнуло горем?»

Прыснуло море в полночи,
смерчи идут облаками;
Игорю-князю дорогу
из Половецкого края
кажет бог в Русскую землю,
к дому, к златому престолу.
Вечером зори погасли...
Игорь и спит — и не спит он.
Мыслью поля измеряет —
путь от великого Дона
к малу Донцу...

Коня

в полночь
свистнул Овлур за рекою —
князю велит разуметь он:
Игорю не оставаться!

Кликнул — земля застучала,
травы вокруг зашумели,
вежи задвигались вражьи, —
князь поскакал горностаем
до тростника

и оттуда —
гоголем белым на воду.
Сел на борзого коня он,
спрыгнул с него серым волком;
к лугу Донца побежал он —
и полетел, словно сокол,
гусей-лебедей избивая
в завтрак,

в обед

и на ужин.

Если князь соколом несся,
то и Овлур бежал волком.
Стылые росы сбивали,
быстрых коней надорвали.

Донец сказал: «О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле — веселия!»

«Донец,— князь Игорь ответил, —
немало тебе величия:
лелеял ты князя Игоря
на волнах своих... Зеленую
траву постилал ты Игорю
на берегах серебряных...
Его одевал туманами
под сенью зелена дерева,
стерег ты Игоря гоголем
на водах,
на струях — чайками
и на ветрах — чернядями...»

Вот не такова Стugna-река:
несущая воды скудные,
чужие потоки пожравшая,
расширившаяся к устью,
она Ростислава-юношу
к себе затворила... Плачет мать
на темном днепровском берегу
по Ростиславу-князю...
Уныли цветы от жалости,
с тоской преклонилось дерево...

Не сороки застрекотали —
то по следу Игоря-князя
скачут Гзак с Кончаком в погоню.
Тогда вороны не граяли,
тогда галки приумолкли
и сороки не стрекотали,—
полозы ползали только.
Дятлы

стуком
к реке дорогу
князю кажут,
веселой песней
соловьи рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит —
соколенка мы расстреляем
золотыми своими стрелами!»

Отвечает Гзаку Кончак:
«Если сокол к гнезду летит —
мы опутаем соколенка
красной девицей половецкой».

И сказал Гзак Кончаку:
«Коль опутаем его девицей —
ни его не будет, ни девицы
и начнут избивать нас птицы
в Половецком поле широком!»

Рек Боян
о походах Святославовых —
песнотворец старого времени,

Андрей Чернов
СЛОВО О ПОХОДЕ, ВОЙСКЕ И БИТВЕ ИГОРЯ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГА

Не начать ли нам
Старым складом, братья,
Печальную повесть
Об Игоревой рати,
Игоря Святославича?

А начаться нашей песне
Не по замыслам Бояна —
По былинам нынешнего времени.

Ибо вещей Боян
Если песнь замышлял,

Он мыслью по древу взмывал,
Серым волком рыскал в полях,
Сизым орлом в облаках!

Говорил, что помнит он
Битвы былых времен,—

И вот напускает
Десять соколѳв
На лебединую стаю!

Которую настигает —
Та прежде песнь слагает

Старому Ярославу,
Храбромому Мстиславу,

Что Редедю заколол
Пред касожскими полками,
Прекрасному Роману Святославичу!

Боян же, братья,
Не десять соколов
На стаю лебедей напускает —
Он десять вещих перстов
На живые струны возлагает.

Они же сами
Славу князьям рокотали!

Начнем же, братья,
Нашу повесть
От старого Владимира
До нынешнего Игоря.

Игорь отвагой укрепил свой ум.
Сердце отточил мужеством.
Исполнился духа ратного!
И храброе войско в поход повел
На землю Половецкую
За землю Русскую.

А когда он посмотрел
На светлое солнце —
Солнце его полки
Тьмою накрыло!

И дружине своей промолвил он:
«Братья мои и дружина!
Лучше пасть,

Чем в полон попасть!
Так сядем же, братья,
На борзых коней —
Хотя бы посмотрим
На синий Дон!»

Опалило княжий разум желание.
Жажда великого Дона вкусить
Сильней недоброго знаменья.

«Хочу,— сказал,—
Копье преломить
О край Половецкого поля!
Хочу,— сказал,—
Голову сложить
Либо Дону шеломом испить
С вами, русичи!»

О Боян,
Соловей былых времен!
Если бы тебе
Петь о походе том,
Скача по мысленну древу соловьем,
Летая умом в поднебесьи,
Свивая славу прошлого и грядущего,
Торопясь тропой Трояна
Через поля на горы,
Так бы ты запел Игорю,
Этому внуку:

«Не бурей соколóв занесло
В широкие поля из-за леса,—

Это галки стаями летят
К великому Дону!»

Или так бы ты пел,
Вещий Боян,
Внук Велесов:

«Кони ржут за Сүлою,
А слава-то звенит в Киеве!
В Новеграде трубы трубят.
Полки в Путивле стоят».

Игорь ждет — где же милый брат?
И молвил ему
Буй-тур Всеволод:

«Брат один у меня,
Свет один для меня —
Светлый ты, Игорь!
А оба мы — Святославичи!

Так седлай же скорей
Борзых коней
И навстречу скачи!

А мои приготовлены заране —
У Курска звенят стременами.

Бывалые воины —
Дружина моя!
Рождены под трубами,
Взлелеяны под шлемами,
Вскормлены с конца копья!

Им дороги ведомы,
Известны овраги,

Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли наточены!
А сами скачут в поле,
Точно волки серые,—
Ищут
Вместе
Себе чести,
А князю славы!»

Тогда вступал
Игорь-князь
В стремя золотое
И вот поскакал
По чистому полю.

Солнце ему тьмою
Путь преграждало,
Ночь над ним грозою стонала,
Птиц пробудив!
Свист звериный вслед летит!

Но взметнулся Див
На вершине древа,
Кличет во мгле,
Велит трепетать неизвестной земле
Волге, Поморью и Пóсулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, Тмутороканский истукан!

А половцы дорогами нехоженными
Побежали к Дону великому.
Кричат телеги в полночи,
Точно лебеди всполощенные!

Русичи за Игорем
К Дону идут.
А птицы по дубравам их беду стерегут.
Волки по оврагам грозу накликают.
Орлы клекотаньем зверей созывают,
А лисицы лают
На красные щиты.

О Русская земля,
Ты — уже за холмом!

Долго ночь наступала.
Заря отпылала.
Мгла покрыла поля.

Уснул щекот соловьев —
Пробудился говор галок.
Утро настало.

Русичи рядами
Червлеными щитами
Великие поля перегородили!
Ищут себе чести,
А князю славы!

...И потоптали они
Половцев поганые полки
В пятницу спозаранок.

И рассыпались сами
По полю стрелами —
Полоняли красавиц половчанок.
Добыли золото и паволоки.
Добыли дорогие аксамиты.
А наряды драгоценные срывали
И мосты по болотам мостили
Попонами, накидками и кожухами,
Половецкими разными узорочьями.
Червлёный стяг,
Белая хоругвь,
Черное древко —
Красный бунчук —
Храброму Святославичу!

Задремали в ночи
Храбрые Олеговичи.
Далече залетели в Поле!

Не были они
На обиду рождены
Ни соколу, ни кречету,
Ни черному ворону,
Поганому половчанину!

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след пролагает
К Дону великому!

Пóутру рано
Свет возвещают —
Блещут кровавые зори.
Черные тучи с моря идут,

А храбрые русичи
Им путь преградили
Красными щитами!

Яр-тур Всеволод Святославич!
Битвой правишь!
Впереди стоишь,
Мечами харалужными
По шлемам гремишь.
Стрелами прыщешь.

И куда поскачешь, посвечивая
Шлемом своим позолоченным,
Там и лежат поганые
Головы половецкие!

Расщеплены саблями калеными
Шеломы аварские —
Рукою твоей,
Яр-тур Всеволод!

Разве жалко
Собственную кровь
Тому, кто забыл
Родимый кров,
Богатство и княжьи отличия,
И отеческий престол
Черниговской земли,
И любовь своей милой Глебовны —
Ее свечаи и обычаи...

Века Трояна прошли.
Век Ярослава минул.

И прошли походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот князь Олег
Мечом раздоры выковывал,
Стрелами землю засеивал.

В стремя золотое вступал
В городе Тмуторокани —

Сам Ярослав прислушивался
К звону его стремян!
А утро настанет —
Владимир Мономах
Уши заткнет в Чернигове!

А Бориса Вячеславича не стало!
Привела его на суд жажда славы.
И у речки Канины
Храброму и молодому
Постелила саваном зеленую паполому
За обиду Олега Святославича.

И не с этой ли Каялы худой
Прямо к киевской Софии святой
Меж угорских иноходцев
Повез Святополк
Отца своего Изяслава!

При Олеге Гориславиче посеянное зло
Усобицами по земле проросло!
Достоянье правнуков Даждьбога
В княжеских крамолах погибало.
Жизни людские сократились.

Редко пахари покрикивали
В те времена,
А вóроны часто кричали —
Трупы на тризне делили.
А галки про свое говорили,
Хотели лететь на добычу.

Так было в былые походы и сечи,
А про такую сечу
Слыхом не слыхивано!
От зари до вечера,
С вечера до зари
Летят каленые стрелы
Друг другу навстречу,
Гремят по шлемам сабли,
Трещат разящие копыя
В поле незнаемом,
Среди Половецкой земли!

Черная земля
Кровью была полита
Под конские копыта,
А засеяна костьми.
Бедою взошли они
Средь Русской земли!

Что мне шумит.
Что мне звенит
Рано пред зорями давеча?
Игорь полки заворачивает!
Ибо жаль ему
Милого брата
Всеволода Святославича!

День — бились.
Другой — бились.
А на третий день к полудню
Стяги Игоря упали.

Тут два брата разлучились
На быстрой Каяле,
Тут кровавого вина не хватило,
Тут храброе русское войско
Пир завершило.

Сватов напоили,
А сами полегли
За Русскую землю.

Травы от жалости никнут,
И преклонилось древо
С грустью до земли.

Братья!
Уже настала
Печальная година!
Сила одолела силу —
Степь дружину прикрыла.

Вот и встала Обида
В стане Дажьбожьих внуков
И по земле Трояна
Девою побрела.

И всплеснула лебедиными крыльями
На синем море у Дона.

Так она и расплескала
Обильные времена.

Ибо князья с погаными
Брань прекратили!
Брат говорит брату:
«И твое, мол,— тоже мое!»

Тогда же князья про малое
Промолвили: «Вот великое!»
И каждый выковал
Крамолу на себя!

А поганые набегами
Рыщут с победами
По тебе, Русская земля!

О, слишком далеко
Сокол залетел,
Побивая птиц,— до моря!
А Игореву рать
Уже не воскресить,

Ибо кликнули
Карна и Жля:
Без дороги скачут,
Людям смагу мычут
В пламенном роге!

И запричитали жены русские:
«Уже нам наших милых-любимых
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,

Ни очами — сквозь слезы — увидеть.
А золотом да серебром
Вовек не поиграть!»

А Киев,
Братя,
Стал в тоске стонать.
А Чернигов стонет от напастей.
Разлилась беда по Русской земле,
Печаль потекла обильно!

И сами князья
Ковали крамолу на себя.
А поганые повадились
На Русскую землю:
Подавай им белку
От каждого двора!

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
Разор пробудили раздором!
А было усыпил его
Отец их Святослав —
Грозный, великий Киевский!

Грозой усмирил,
Полками прибил,
Когда наступил на Поле,
Когда притоптал
Холмы и овраги,
Замутил озера и реки,
Иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка
Возле лукоморья
Исторг, как вихрь,
Из строя железных
Полков половецких!
И в Киеве Кобяк
Упал чуть живой
В гриднице Святославоной!

Тут немцы
И венецийцы,
Морава и греки
Славу Святославу пели,
Князя Игоря каяли —
Дескать, утопил
Богатство русское
На дне половецкой Каялы.

Тут Игорь-князь и пересел
Из седла золотого —
В невольничье.

Уньли городские забрала.
Не стало веселья.

А Святославу
Смутный сон снился
В Киеве на горах.

«Всю ночь,— молвил он,—
Обряжали меня
Черною паполомою
На тисовой кровати.

Черпали мне синее вино,
На беде замешано.

Из худых колчанов
Толмачей поганых

Мне великий жемчуг на лоно высыпали.
Негою меня ублажали.

Надо мной златоверхая крыша высока,
Только вижу, что нет уже на тереме князька!

С вечера в ночи
Серые вороны
Граяли у Плеснеска за городом.
И сами леса Кисáni
Ко синему морю полетели».

И сказали бояре князю:
«Горе, князь, твой разум полонило.
То с престола отцова высокого
Слетели два сокола
Тмуторокань добыть
Либо Дону
Шлемами испить.

Но уже им крылья подрезали
Саблями половецкими,
А самих опутали
Железными путами.

И стемнело в третий день.
Погасли два солнца —

Игорь и Всеволод.
Померкли два багряных столпа,
А с ними молодые месяцы
Олег и Святослав
Заволоклись тьмою
И погрузились в море,
Поганым отваги придав.

На реке на Каяле
Тьма свет покорила.
По Русской земле
Половцы рыщут,
Точно выводок пярдусов!

Уже напала хула на хвалу.
Уже насело насилье на волю.
Уже повержен
Див на землю.

И вскоре
Готские красные девы
Запели по берегу синего моря.
Звеня русским золотом,
Славят время Бусово,
Лелеют месть за хана Шарукана.

А нам, дружине,
Уже не весело!»

Тогда уста Святослава
Изронили злато слово,
Смешанное со слезами:
«Что же вы, братья младшие,

Игорь и Всеволод,
Поспешили мечами вашими
Половецкой земле
Досаждать,
Славу себе добывать!

Но не с честью вы задумали
Половца побить,
Нечестивую кровь пролить!

Ваши храбрые сердца
Отвагой были выкованы,
А закалены в огне.

Что ж вы учинили
Серебряной моей седине!

Я уже не вижу власти
Сильного и богатого
Ярослава, брата моего!
С черниговскими его боярами,
Шельбирами и татранами,
Ревугами и ольберами,
Могутами и топчаками!

Им не надо щитов,
Сабель с ножнами!
С ножами засапожными
Кликом побеждают,
В прадедову славу звоня!
Ну а вы, князья, сказали:
«Помужествуем сами!
Славу прошлую похитим,

А грядущую поделим
Сами!»

Зло не в том,
Что стал
И сам я стар!
Экое диво — помолодеть!
Старый сокол
В линьке побывает —
Снова высоко
Птиц побивает
И гнезда в обиду не дает.
Нет князьям дела
До моих забот.

Наизнанку времена вывернуты.

Слышно мне: у Римова
Под саблями кричат.
А израненному Владимиру Глебовичу
Тоска и печаль!

Князь великий Всеволод!
Не думаешь даже
Прилететь издалека —
Отчий престол защитить.
Что тебе — Волга-река!
Веслами можешь ее расплескать,
Шлемами Дон вычерпать!

А если бы
Тут ты был —

Пошла бы раба по ногáте,
Продавался бы раб по рéзане!

Ты же можешь посуху
Стрелять живыми шереширами —
Удальми Глебовичами рязанскими!

А ты, буй Рюрик,
И ты, Давыд!
Не ваши ли бояре
В шеломах золоченых
Плавали по крови!
Не ваши ли храбрые дружинники
Ревели турами ранеными
Под саблями калеными
В незнаемом поле?
Встаньте, князья,
В золотом стремени!
За обиду сего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоря —
Встаньте, князья!

А ты, Осмомысл Ярослав!
Восседаешь высоко
На галицком престоле золотом!

Угорские горы полками подпер,
Дунай на запор запираешь,
Путь королю преступаешь!

И, полки послав на врага,
Твоя, Ярослав, рука
Перекидывает их через облака!

И течет по землям гроза твоя,
И суды ты рядишь до Дуная!

Ты Киеву врата отворял,
Салтанов за морями стрелял
С отцова престола золотого.

Так стреляй же Кончака,
Поганого кочевника!

За землю Русскую,
За раны Игоря,
Встань, князь!

Храбрый Роман и Мстислав!
Мыслью носясь на ветрах,
Правите ратное дело!

Вы на битву высоко летите,
На ветрах, словно соколы, парите,
Птицам не укрыться от вас!

Есть на вас железные панцири
Под шлемами латинскими!
Треснула земля во многих краях —

Хинова, литва, ятвяги, деремёла
И половцы копыя бросали,
А головы свои склоняли
Под теми мечами харалужными.

Но уже для Игоря
Солнца свет не светел,

А древо листву не добром уронило!
По Суле да по Роси города пылают,
А дружины Игоря уже не воскресить.

Дон, князья, взывает к вам,
На бой призывает!
А храбрые Олеговичи
Поспели на брань.

Ингварь и Всеволод,
И трое Мстиславичей!
Соколы шестикрылые!

Вы-то свои владения
Мечами не добывали!

Где же ваши копья ляшские?
Что стало с вашими шлемами?

Загородите Полю ворота
Своими острыми стрелами!

За землю Русскую,
За раны Игоря,
Буюго Святославича!»

Ибо не течет Сула
Сребряными струями
У города Переяславля.
И Двина болотом потекла
У Полоцка под кликом поганых.

И только Изяслав,
Сын Васильков,
Один позвенел мечами острыми
О шлемы литовские.

Подрубил славу
Деду своему Всеславу,
И под красными щитами
Литовскими мечами
Сам повержен на траву кровавую.

И сказал певец:

«Князь, дружину храбрую
Птицы оденут крылами,
Звери слижут кровь языками!»

Не было тут брата Всеволода,
И брата Брячислава рядом не было!

Ты один изронил
Жемчужную душу
Через золотое ожерелье!

Приуныли голоса.
Поникло веселье.
Трубы трубят на городницах:

Внуки Ярослава и Всеслава!
Склоните стяги свои!
Вложите в ножны свои
Иссеченные мечи!

Славу прадедов попрали
И крамолами своими
Наводить поганых стали
На землю Русскую!

Из-за вашего раздора
Рыщут половцы
До земли Полоцкой!

...На седьмом Трояновом веку
Бросил жребий Всеслав
О милой дѣвице.

Был в темнице — оперся на клюку,
Исхитрился — за коней ухватился.

И на Киев наскочил,
И древком копья
К золотому престолу прикоснулся!
И тотчас отскочил
Лютым зверем в полночи!
Синей мглой обернулся в Белгороде!

Утром наворожил —
Удачу добыл,
В три удара отворил врата Новгорода!

Разбил славу Ярославла
И волком прыгнул
Прямо до Немиги с Дудуток!

На Немиге
Стелют головы снопами,

Молотят харалужными цепами.
Жизни кладут на току.
Души отведают от тела.

У Немиги-реки
Берега в крови
Не добром, не зерном они засеяны —
Засеяны костями
Русских сынов.

Князь Всеслав
Людам суд судил,
Князьям города рядил.
А сам в полуночи волком бежал,
Хорсу путь перебегал,
За ночь достигал Тмуторокани!

Ему в Полоцке колокола святой Софии
Рано поутру к заутрене звонили,
А он-то в Киеве
Звон тот слушал!

Хоть и вещая душа
В двух телах его жила —
Он часто от бед страдал.

Для него еще вещей Боян
Такую припевку сказал:

«Ни хитрому,
Ни ловкому,
Ни хитрому ловчему
Божьего суда не миновать!»

О, стонать
Русской земле,
Коли время былое вспоминать!

Того старого Владимира
К Киевским горам
Кто бы посмел пригвоздить?

Ну а ныне встали
Рюриковы стяги
И Давыдовы — с ними — в ряд.
Но в разные стороны летят на ветру!
И копыа поют не в лад.

...Это голос Ярославны
Долетел до Дуная,
Словно птица-зегзица
Кличет, стеная:

«По Дунаю поутру
Раным-рано полечу,
Рукава бебряные
Омочу в Каяле,
Княжьи жаркие раны утру!»

Ярославна рано поутру стенает,
На путивльской стене причитает:

«О Ветер-ветрило!
Зачем, господин,
Веешь против дружин лады милого?
Зачем ты несешь поганые стрелы
На легких своих крылах!

Разве мало тебе было
В вышине под облаками
Веять?
Корабли на синем море
Лелеять?
Зачем, господин,
Радость мою
Развеял по ковьялю?»

Ярославна рано поутру стенает,
На городской стене причитает:

«О Днепр Словутич!
Ты пробил
Каменные горы в земле Половецкой,
Ты носил на своей спине
До Кобякова стана
Ладьи Святослава!
Прилелей, господин,
Ладу моего ко мне,
Чтобы слез не посылала
На море рано!»

Ярославна рано поутру стенает,
На путивльской стене причитает:

«Светлое, тресветлое солнце!
Всех ты ласкаешь,
Почему же
Палящие лучи простираешь
На воинов милого мужа?
Жаждой в безводном поле

За что, владыко, луки им стянуло!
Тоской колчаны заткнуло!»

И в полночи море плеснуло.
Смерчи идут во мгле.

Это князю Игорю
Господь путь указывает
Из земли Половецкой
К Русской земле,
К отеческому престолу.

Гаснут вечерние зори.
Игорь спит,
Но не спит!
Игорь мыслью поля измеряет
От великого Дона
До малого Донца!

Овлур за рекой свистнул —
Коня в ночи подзывает.

Знак подает князю Игорю,
А тот уже наготове!

Стукнула земля.
Травы всшумели,
Вежи половецкие
Вспять полетели!

А Игорь поскакал
Горностаем к тростникам,
Белым гоголем на воду упал.

И вскочил на спину быстрого коня,
И волком с него соскочил,
И к излучине Донца поскакал,
И соколом под тучами полетел,
А гусей-лебедей он бил
К завтраку, обеду и ужину!

Коли Игорь
Полетел соколом,
Овлур волком
Побежал по полю.

И студеную росу
На бегу отрясали,
И борзых своих
Коней загнали.

И сказал Донец:

«Внемли, Игорь-князь!
Немало тебе величия,
А хану Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!»

А Игорь говорил:
«О река Донец!
И тебе немало величия!»

Ты лелеял меня
На волне поутру,
Ты стелил мне зеленую траву
На серебряных своих берегах

И теплыми туманами укутывал
Под сенью дерева зеленого.

Ты стерег меня
Гоголем на воде,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах...

Не так ли тощая Стugna,
Худая струя,
Чужие выпила ручьи —
Раскинулась к устью!
И подстерегла она
Князя Ростислава!

Там на темном
На днепровском берегу
Мать Ростислава плачет
В печали по юному князю.
Увяли цветы от жалости,
А дерево с грустью
К земле преклонилось».

...А не сороки то стрекочут —
Вслед за Игорем скачут
Гзак и Кончак.

Вороны тогда не каркали,
Галки примолкли.
Сороки не трещали,
Полозы переползали!

Только дятлы перестуком
Путь к реке указывают!
Соловьи веселой песней
Свет предсказывают!

Гзак промолвил Кончаку:

«Если сами
Сокола не поймаем,
Золочеными стрелами
Соколенка расстреляем».

А Кончак промолвил Гзаку:

«Если сами
Сокола не пленим,
Красною девицей
Соколенка пленим!»

И так сказал Кончаку Гзак:

«Если пленим его
Красавицей девицей,
Расстанемся и с ним,
И с красавицей девицей!

И начнут опять
Птицы нас клевать
В поле Половецком!»

...Скажут Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы,

Старых времен Ярослава — Олега
Великокняжьи любимцы:

«Голове без плеч — тяжело.
Обезглавленному телу — тяжко,—
Так и Русской земле без Игоря!»

Солнце светится на небеси —
Игорь-князь на Руси!

Девицы запели на Дунае —
Голоса до Киева вьются!

Игорь едет вниз по Боричеву взвозу
К церкви Пирогощей Богородицы!

Страны рады — грады веселы!

Пели мы славу князьям былым,
Придет время — споем молодым:

Слава Игорю Святославичу,
Буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Будьте же здоровы, князья и дружины,
Кто встал за христиан
Перед ратями чужими!

Князей восславим,
А дружину помянем —
Аминь.

1978, 1985

Игорь Шкляревский
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не время ли нам, братия,
словом старинным
начать скорбную повесть
о походе Игоря, Игоря Святославича.
И начаться сей песне по былинам,
а не замышленьям Бояна.
Ибо вещей Боян
если песнь кому пропеть собирался,
то растекался белкой по древу,
по земле — серым волком,
сизым орлом — под облаком!
Вспоминал он и князьих усобиц начало.
Тогда пускали десять соколов
на стадо лебедей.
И которую лебедь настигал сокол,
та и славу кричала —
старому ли Ярославу,
храброму ли Мстиславу, что зарезал Редедю
в поле перед полками касожскими,
иль пригожему Роману Святославичу.

Боян же, братия, не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
а свои вещие персты
на живые струны воскладал.
Сами струны играли
и славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
от старого Владимира
до нынешнего Игоря.

Потеснил Игорьь ум дерзостию.
Поострил сердце мужеством.
Преисполнился ратного духа
И храбрые свои навел полки
на землю Половецкую — за землю Русскую

О Боян,
соловей стародавнего времени,
вот бы песни
ты этим полкам выщелкивал!
Растекался по мысленну древу,
по холмам скакал серым волком
и умом летал к облакам,
славу прежних времен настигая
и с нынешней славой свивая.
Рыскал бы по тропе Трояна
через поля на горы,
пел бы Игоря, внука Трояна, дела:
«Не буря соколов занесла
через доли широкие,
стая галок летит к Дону великому».
А еще Боян, внук Велесов,
мог бы так сказать о походе:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве!
Трубит в трубы Новгород —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один ты, Игорьь, свет мой светлый.
Оба мы Святославичи.
Седлай своих коней, брат.

Мои давно под Курском стоят наготове.
Мои куряне — бывалые воины.
Под трубами повиты,
под шеломами возлелеяны,
с конца копья вскормлены,
дороги ими исхожены, овраги изведаны.
Луки у них натянуты.
Колчаны отворены. Сабли наострены.
Сами скачут, как серые волки в поле.
Себе ищут чести, а князю славы».
Тогда глянул Игорь на солнце.
И видит, что тьма от солнца
всё войско его накрыла...
И сказал князь унылой дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам порубленными быть,
чем без чести поворотить.
Сядем же на своих на борзых коней
да глянем на синий Дон».
Князю дума запала —
отведать великого Дона.
И сильнее знаменья была его дума.
«Хочу,— сказал,— копьё преломить
на краю Половецкого поля.
С вами, русичи, голову там положить
либо Дона испить из шелома».

Князь вступил в золотое стремя
и поехал по темному полю.
Солнце мраком дорогу его заградило.
Ночь громовыми стопами птиц пробудила.
Свист звериный поднялся.
Диво кличет на темной вершине,

велит по цепи послушать —
и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, на границе неведомых стран,
идол каменный, Тмутороканский болван!

А половцы к Дону великому
побежали неезженными дорогами.
«Рцы! Рцы!» —
кричат телеги в полуночи,
будто лебеди всполошились...

Игорь воинов к Дону ведет!
А беда их пасет —
на дубах поджидают их птицы,
волки воют в оврагах, грозу подзывают.
Лисицы на красные брешут щиты.
И орлы собирают на кости зверей.
Слышен клекот и гром.
О Русская земля, уже ты за холмом.

Долго ночь меркнет.
Свет заря заронила.
Мгла покрыла поля.
Свист уснул соловьиный.
Говор галочий пробудился.

Перегородили русичи широкую степь щитами!

Добыли чести, а князю славы —
в пятницу утром они потоптали
поганые полки половецкие.
И рассыпались стрелами в поле.

Красных девок помчали,
А с ними — и золото и аксамиты (бархат рыгый)!
Покрывалами, кожухами, плащами
стали грязи гатить и мосты мостить.
По степи раскидали парчу.
Червлёный стяг, боевая хоругвь —
на серебряном древке червлёный бунчук —
храброму Святославичу!

Дремлют в поле Олеговы храбрые внуки.
Залетели далече!
Далеко от родного гнезда.
Не было ведь оно на обиду порождено
ни соколу, ни кречету,
ни тебе —
чёрный ворон, половчанин поганый!
Гзак бежит серым волком
к великому Дону.
Кончак ему правит дорогу.

На другой день утром рано
зори кровавые весть подают.
Чёрные тучи с моря идут,
четыре солнца хотят затмить.
А в них трепещут синие молнии.
Быть великому грому!
Идти дождю стрелами с Дону.
И копьям тут преломиться,
и саблям тут притупиться.
На реке на Каяле у Дона великого
собирается гром.
О Русская земля, уже ты за холмом.

Дуют ветры, Стрибожьи внуки.
Несут стрелы с моря
на храбрые Игоревы полки.
Земля гудит. Реки мутно текут.
Пыль поля покрывает... Стяги заговорили:
«Идут половцы с Дона. Идут с моря!»
Со всех сторон обступили
и кликом поля перегородили
бесовы дети, а храбрые русичи
оградились щитами червлеными.

Яр-тур Всеволод!
Ты всех впереди стоишь.
Стрелы в поганных мечешь, гремишь мечами.
И куда ты поскачешь, князь,
золотым шеломом посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Яр-тур Всеволод!
Твоими калеными саблями
расщеплены шлемы аварские.
И что тебе раны,
забывшему честь и богатство,
и город Чернигов —
отцовский престол золотой.
Забыл и красавицы Глебовны ласки,
и свычай, и обычай...

А были века Трояновы, лета Ярослава.
Двигал Олег походы, сын Святослава.
Мечом он ковал крамолу и стрелы сеял.
В граде Тмуторокани
ступит в золотое стремя —
Всеволод звон услышит, сын Ярослава,

а Владимир в Чернигове
уши с утра затыкает.
Бориса же Вячеславича —
(хотел он вернуть Чернигов) —
храбрость на смерть привела —
постлала зеленое ложе трава
за обиды Олеговы... С той же Каялы
Святополк вывез тело отца,
прилелеяв его меж угорскими иноходцами.
Тогда при Олеге при Гориславиче
сеялись и прорастали усобицы.

Пожинали их внуки Дажьбожьи.
В княжьих раздорах
жизни людей сокращались...
Тогда на Русской земле
редко пахари перекликались,
часто вороны собирались,
трупы между собой делили,
а галки речь говорили —
куда лететь на поживу.
То были другие походы, другие беды.
А такого и ворон не ведал!

С утра и до вечера,
с вечера и до света
летят каленые стрелы,
стучат о шеломы сабли,
трещат харалужные копыя
в чужом Половецком поле.
Черна земля под копытами,
костями позасеяна,

кровью полита,—
горем всходит на Русской земле.

«Что ми шумить, что ми звенить»
далече, перед зорями рано?
Игорь полки поворачивает.
Жалко милого брата.
Бились день, бились два,
а на третий день
пали к полудню Игоря стяги.
Разлучились несчастные братья
над быстрой Каялою.
Тут вина не хватило кровавого.
Тут окончили храбрые русичи пир.
Сватов напоили, а сами
за Русскую землю легли.
Никнет трава от жалости.
Низко древо в тоске склоняется.

Братья!
Уж не веселое время настало
для внуков Дажьбога.
Пустота наше войско накрыла.
Дева Обида на землю Трояна ступила.
Замахала крылом лебединым
на Дону возле синего моря
и прогнала счастливые годы.
От усобиц князя ослабели,
и войны не боятся поганые.
Ибо сказал брат брату:
«Это мое, и то мое тоже».
Стали наши князья про малое
«се великое» говорить.

Сами куют свои беды,
а с разных сторон поганые
стали к нам приходять с победами —
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол,
птиц избивая, — к морю.
А Игоря храбрых воинов не воскресить.
Жля над ними уже завопила.
Карна, крикнув,
по Русской земле поскакала
и огонь разметала из рога.
Плачут русские жены:
«Уж нам к своим милым ладам
руками не прикоснуться,
очами не дотянуться
и думами их не достать.
А золота и серебра —
уж подавно не подержать».
Застонал, братья, Киев от горя,
от напастей — Чернигов.
Печаль потекла по Русской земле.
Тоска по Русской земле разлилась густая.
А князья всё раздоры куют.
А поганые снова приходят с победами
и по белой монете
дань берут от двора.

Ибо храбрые два Святославича
спесью зло разбудили,
что уж было грозой усыпил Святослав.
Прибил полками могучими,
наступил на поля Половецкие

грозный Киевский князь великий.
Притоптал он холмы и овраги.
Замутил он озера и реки.
Из железных рядов половецких
вихрем выхватил Кобяка.
И в граде Киеве пал Кобяк!
Тут и немцы, и венецианцы,
и чехи, и греки
славу поют Святославу
и корят князя Игоря.
Растерял он дружину в поле.
Утопил нашу славу в Каяле.
Пересел из седла золотого в седло неволи.

Города приуныли, веселье поникло.

А Святослав мутный видел сон
в Киеве на горах.
«С вечера покрывалом черным
на сосновой кровати меня накрывали.
Синим вином поили,—
горчило вино полынью.
Из пустых половецких колчанов
сыпали жемчуг на грудь. Величали.
И кровля была без князька
в моем златоверхом тереме.
И всю ночь на лугу вороны
возле Плеснеска граяли,
снялись и полетели
из дебри Кисановой к синему морю».

И ответили князю бояре:
«Полонила твой ум кручина.

Два сокола далеко улетели
с отчего золотого стола.
Добыть хотели Тмуторокани —
испить шеломами Дону —
да быстро ослабли.
Подсекли им крылья кривыми саблями,
опутали паутиной железной.
Темно было в третий день.
Два солнца затмила тень.
Два красных столба пропали.
Два месяца — Святослав и Олег —
тьмою заволоклись, погрузились в море.
И великую дерзость поганым подали!

На реке на Каяле свет тьма покрыла.
Стали половцы рыскать
по нашей земле, как гепарды.
И насела хула на хвалу.
Погоняет неволя волю.
Вран метнулся к нашему полю.
А готские девы поют у синего моря.
Звенят русским золотом.
Поют они время Бусово,
в сердце месть, Шарукана лелея.
А мы, дружина, живем без веселья.

И тогда Святослав сурово
изронил золотое слово,
со слезами смешанное:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод,
рано начали вы мечами
Половецкую землю злить,
сами — ходить за славой.

Без чести вы их одолели,
без чести от них полегли,
а ведь храбрые ваши сердца
из железа надежного скованы были
и отвагой закалены.
Что же вы сотворили
с моей серебряной сединой?

А уже я не вижу власти
воинами богатого
брата моего — Ярослава,
с черниговскими боярами,
с могутами и татранами,
с шельбирами и ольберами,
с ревугами и топчаками.
Без щитов, с одними ножами
засапозными — кликом полки ломали.
Звенели дедовской славой!
Но сказали вы: «Сами пойдём.
И новую славу возьмём.
И прежнюю всю поделим!»
А не диво и старому помолодети,
коли сокол птиц избивает,
перья с неба роняет,
не даст гнезда своего в обиду.

Но князья мне уже не подмога,
бедой времена обернулись.
Вот и в граде Римове закричали
под саблями половецкими.
И Владимиру в Переяславе
раны храбрые перевязали.
Беда и тоска — сыну Глебову.

Великий князь Всеволод!
Разве думы нет у тебя святой —
отчий стол сторожить золотой?
Что тебе Волгу веслами расплескать!
Шеломами вычерпать Дон!
Сам силен, да еще с двух сторон
с удалыми Глебовыми сынами
можешь посуху копьями закидать.
А пошел бы ты с нами,
раб — по резане и по ногате — раба
у нас бы теперь была.

А ты, храбрый Рюрик, и ты, Давид,
иль шелома златые со славою
в половецкой крови не плавали?
Или храбрая ваша дружина не рыкает
громче раненых туров
под калеными саблями в поле неизвестном?
Вступите же в золотое стремя
за обиды нашего времени,
за землю Русскую, за раны Игоря,
храброго Святославича.

Осмомысл Ярослав!
Высоко ты сидишь
на престоле своем златокованом.
Ты полками железными подпираешь Карпаты,
Путь королю заступаешь —
затворяешь в Дунай ворота,
клади горными тропами
мечешь над облаками.
По Дунаю караешь и судишь.
Твои грозы текут по земле далеко —

Киеву ворота отворяешь...
И пускаешь в султана стрелы.
А теперь в Кончака пускай!
Накажи поганого идола
за землю Русскую, за раны Игоря,
храброго Святославича.

А ты, свет Романе, и ты, Мстиславе!
Ваша храбрая мысль высоко вас кидает,
на ветрах восходящих яко сокол ширяет,
в буйстве птиц побивающий.
Ведь у вас и оплечья железные,
и шеломы — латинские.
Поле под вами треснуло!
И литва, и ятвяги, и деремела
в страхе копья свои покидали,
и половцы головы преклонили.
Но для Игоря солнце уже потемнело.
Древо лист не к добру обронило.
По Роси и по Суле
города уже стали делить.
А Игоря храбрых воинов не воскресить.
Дон вас кличет, князья, на победу.

Где вы, Ингварь и Всеволод?
И вы, три Мстиславича?
Вроде соколы не из худого гнезда.
Не по жребию славы
земли и города ухватили.
Где щиты ваши ляшские?
Где шеломы златые?
Оградите же стрелами острыми
ворота степные.

Встаньте вместе, как давеча,
за землю Русскую,
за раны Игоря, храброго Святославича».

И Сула уже
не течет серебристыми струями
к граду Переяславлю.
И Двина помутнела,
погоняема криком поганых.
И один Изяслав, сын Васильков,
позвенел мечами о шеломы литовские,
и свалился он в ранах.
Уронил славу деда Всеслава.
На кровавой траве под щитом лежит.

А трава ему говорит:
«Дружину твою, князь,
птицы крыльями приодели,
звери кровь полизали».
Братья Всеволод и Брячислав опоздали.
Изронил одиноко
он жемчужную душу из храброго тела.
И душа улетела
сквозь золотое его ожерелье.
Голоса приуныли. Поникло веселье.
Затрубили-заплакали городенские трубы.

Ярославовы внуки и внуки Всеслава!
Уж склоните вы стяги свои
и мечи свои в ножны вложите.
Уже выпали вы из дедовской славы
и своими усобицами накликали

поганных — на землю Русскую,
и насилие вам — от земли Половецкой.

На седьмом веке памяти русской
Всеслав жребий кинул,—
словно к девице любой,
исхитрившись, скакнул к граду Киеву!
И копьём дотянулся
до киевского золотого стола.
Отскочил лютым зверем
от Белгорода в полночь.
Мглою оборотень укрылся синей.
Утром в Новгород стукнул секирой!
Отворил ворота,
расшиб Ярославову славу.
От Дудуток скакнул до Немиги.
На Немиге снопы головами стелют.
Молотят цепами железными.
Жизнь кладут на току.
Душу от тела веют.
Не зерно у кровавых тех берегов —
посеяли кости русских сынов.
А Всеслав людям суд творил.
Князьям города рядил.
По ночам серым волком рыскал.
В Киеве до петухов
солнцу путь перейдет в тумане.

А чуть свет — он в Тмуторокани!
С темным светом душа была.
В Полоцке на святой Софии
утром колокола звонили,
а он в Киеве слышал звон!..

Хоть и вещую душу Всеслав имел,
а немало и бед терпел.
И Боян про него сказал:
«Ни мудрому, ни лукавому,
ни, как птица, вертлявому
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
как вспомнятся первые годы
и первые наши князья.
Ведь того же Владимира старого
пригвоздить к горам Киевским —
было нельзя!
Нынче стяги его разлетелись.
Эти — с Рюриком, те — с Давидом.
Развеваются врозь стяги русские.
Копья русские врозь поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится.
Зегзицею неизвестной кукует рано:

«Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны
на теле его несчастном».

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О ветер-ветрило,
зачем ты так сильно веешь,
стрелы ворога сеешь на полки моей лады?»

Или мало тебе развеять наше горе,
корабли лелеять, волнуй синее море?
Зачем ты мое веселье
по ковылям развеял?»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О Днепр Словутич,
ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую!
На себе ты лелеял челны Святослава
до полков Кобяка.
Прилелей же ко мне мою ладу,
чтоб не слала я издалека
к морю слезы свои так рано!»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«Солнце светло-тресветлое,
всем ты красно и тепло.
Все тебе рады.
Зачем ты лучи горячие
шлешь на полки моего лады?
В поле безводном
луки расслабило зноем,
тоской оплело колчаны...»

И прыснуло море в полночи.
Смерчи нагнали мглу.
Князю Игорю бог путь кажет
из земли Половецкой

на землю Русскую,
к отчему золотому столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию мерит поля —
от великого Дона к Донцу.
В полночь свистнул Овлур за рекой коня,
знак подал — наготове быть.
Велит Игорю выходить.
Застучала земля. Зашумела трава.
Половецкие вежи задвигались.
Горностаем князь в тростниках мелькнул.
Белым гоголем на воду пал.
Вскочил на коня борзого,
соскочил босым волком
и к Донцу побежал лугами.
Прянул соколом под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку, и к обеду, и ужину.
И когда Игорь соколом полетел,
тогда волком Овлур потек,
и трусил он росу студеную,
ведь коней борзых надорвали.

И сказал Донец:
«Здравствуй, Игорь-князь.
Много тебе — славы,
Русской земле — веселья,
а Кончаку — похмелья».

И ответил реке беглец:
«О Донец! И тебе много славы,
что струги князя водой лелеял,

траву подстилал зеленую
на своих серебряных берегах,
теплой мглой его одевал,
тенью дерева укрывал,
гоголем на воде стерег,
чаицей на волнах, чернядью на ветрах.
Не такая река Стугна.
Хилой своей струей
пожрала чужие ручьи она.
И под куст затянула
князя юного Ростислава —
затворила на дне
возле темного берега.
Плачет мать Ростислава.
Приуныли цветы от жалости,
преклонилось с тоскою дерево».

Не сороки стрекочут —
а по следу за Игорем
едут Гзак и Кончак.
А где Игорь проедет —
там вороны не каркают,
там сороки стихают,
там галки молчат.
Только змеи шуршат.
Только дятлы стучат —
путь к реке кажут.

Да веселые песни
соловьи распевают,
свет-зарю возвещают.

И сказал Гзак Кончаку так:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем стрелой каленой
его соколенка».

А Кончак Гзе говорит:
«Если сокол к гнезду летит,
лучше девицей красной
опутаем соколенка».

И сказал Гзак Кончаку:
«Опутаем соколенка девицей —
не будет ни соколенка, ни девицы!
И станут нас птицы на воле
бить в Половецком поле».

Говорил Боян величаво,
песнотворец дней Ярослава:
«Тяжело без плеч голове.
Худо телу без головы».
Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небесах.
Солнце светит — князь Игорь едет.
Девицы поют на Дунае —
через море до Киева вьются их голоса.
По Боричеву Игорь едет
ко святой Богородице Пирогощей.
Рады, веселы — грады и веси!

Мы воспели князей былых.
Воспоем же и молодых.
Слава Игорю Святославичу,
слава Всеволоду буй-туру!
И Владимиру, сыну Игоря,—слава.

И да пребудет здрава
рать, поборая за христиан
против гнета полков поганных,
Русь в отпоре своем едином.
Слава нашим князьям и дружинам!

1980, 1983

Леонард Золотарев

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(поэтическое переложение)

А не время ль, братья, нам начать,
Не пришла ли Игорева слава, -
В повести печальной рассказать
О походе сына Святослава?

Воспоем же песню про него
По былинам нашим, по заветам.
Нам не до Бояна самого,
Хоть Боян и помышлял об этом.

Коли вещей и желал воспеть,
Растекался мыслью он по древу.
Мог орлом под облака взлететь,
Серым волком стлаться по посеvu.

Вспоминая это ливнем слов –
Тех времен усобиц, рода с родом,
Напускал он десять соколов
На лебязье стадо, на лебедек.

И какую первой настигали,
Первая и начинала песнь.
Ярославу старому слагали,
Храброго Мстислава не ругали,
Что Редедю он сумел известь,

Прямо пред касожскими полками
Вдруг зарезав на его глазах,

Красному Роману пел руками,
Коли слов пока не мог сказать.

Нет, Боян не десять соколов
Напускал на стадо лебедей –
Возлагал персты на волны слов,
На живые струны, чародей,
И гремела слава про князей.

* * *

Так начнем же, братья, повесть эту
От еще Владимира до нас,
Нынешнего Игоря, что к лету,
Ум скрепя и выбрав нужный час,
Мужеством вдруг сердце наострил,
И, исполнясь ратного безумства,
Князь повел полки, как и водил,
Храбрые полки за землю Русскую,
На землю Половецкую.

* * *

И на солнце светлое взглянул,
И увидел тьмою круг закрытый,
И перед дружиною вздохнул,
И сказал он в речи знаменитой:
«О дружина, братья вы мои!
Лучше быть убитым, чем плененным.
Сядем, братья, на коней своих,
Чтоб отведать утром синя Дона».
Ум его не мог не уступить,
Разум пересилило желанье,
Дону захотелось, Дону быть,
Заслонилося предзнаменованье.

И сказал: «Копье переломить
Я хожу по краю, все не трону.
Либо тут же голову сложить,
Либо шлемом изопьем из Дону.
Из Дону великого».

* * *

О Боян, всех времен соловей!
Вот бы кто мог походы воспеть.
Как по древу да между ветвей,
До заоблачья словом взлететь.

Добывая нам славу времен,
По тропе по Трояновой рыща,
Внук Велесов на том воспоен,
Песнь про Игоря в сердце отыщет:

«Не буря ветер носит,
Не соколы летят,
А стаи черных в просинь –
Грачиные кричат.
Бегут землю с криками
И все к Дону великому».

Или так бы начать тебе, вещей Боян,
Внук Велесов и Игорев брат:
«Кони ржут за Сулой» - это половцев стан,
«Звенит в Киеве слава» - в Софии звонят,
«В Новгороде трубы трубят»,
«А в Путивле все стяги стоят!»

Всеволода, брата своего,
Игорь ждет, и молвит брат любимый:

«Ты один свет солнца моего,
Мы же Святославичи, родимый.

Так седлай своих борзых коней,
А мои давно уже готовы,
Ведь стоим у Курска столько дней,
Сколько помнят женушки и вдовы.

А мои куряне - буйны войны,
Под огнем да трубами повиты,
Крепко сшиты, коли ладно скроены,
Под шеломом холены и биты.

Вскормлены с конца копья и вспоены,
Им пути неясные открыты.
И овраги знаемы, освоены.
Луки их натянуты, сердиты.

А колчаны полные отворены,
Сабли их отточены, изострены.
Кровью закаленные и горями
На носу у половцев, на росстани,

Сами скачут серым волком в поле,
Мнут копытом ковыли и травы.
Ищут буйны туры себе воли,
Князю своему добра и славы».

И вложил князь Игорь ногу в стремя,
И поехал полем чистым, палом.
Солнце тьмой давило лоб и темя,
Путь перед конями заступало.

Ночь стонала, птицу пробуждая.
Свист звериный ветрами грозился.
Встрепенулся див в грачиной стае
И с вершины дерева свалился.

И прилег князь ко чужой земле,
Приложился княже чутким ухом,
Слышит, как от Волги, в тьме и мгле,
От Поморья - не достать и слухом,
Посулью, Корсунью - все сюда,
От тебя, Тьмутораканский идол!
Гонят табуны, текут стада,
Половцы бегут - любой обидит,
В Дону все великому, к реке
Непрямы, нетоптаны дороги.
И кричат телеги вдалеке –
Лебеди любимые в тревоге.

* * *

А Игорь к Дону воинов ведет!

* * *

Уж по дубам подстерегают птицы,
И волки рыщут по оврагам стай.
Орлиный клекот по степи кружится,
На пиршество зверей и птиц сзывая.
Лисица брешет на червлёный щит,
А воин еще жив ведь, не убит.
Зорька свет роняла,
Долго ночь не меркла.
Мглою покрывало бранные поля.
Соловьи уснули,
В сон их краткий ввергло,

Отдыхала веще
Ратная земля.
Галки пробудились,
Взмыли, раскричались –
Хриплые такие,
Голоса в надрыв.
А щиты стояли,
На земле качались,
Жаркими рядами
Поле перекрыв.
Встали - встали русичи, русские заставы.
Ищут себе чести, князю ищут славы.

* * *

Русь в пятницу наутро, спозаранок,
Стопгала половецкие полки.
Рассыпались ватаги, полонянок
К себе помчали, быстры и ловки.

И золото, и камни – оксамиты
Добычей стали, сумка не пуста.
Плащами, покрывалами набиты –
Коню стелили топкие места.

А стяг червлёный, белые хоругви –
Златую челку, древко в серебре
Дружинники, собрав со всей округи,
К ногам сложили: это, князь, тебе!

* * *

В Диком поле Олега гнездо задремало –
Далеко залетело!
Ходит смело,

○══════════════════════○

Обиды сделало мало –
И соколу в его сторону,
И кречету,
И даже тебе, черну ворону,
Половец меченый!
Серым волком бежит этот Гзак,
Перед ним до самого Дона Кончак.

* * *

И обратно кровавую зорю
Небо мрачно вещает пролить.
Тучи черные с черного моря
Все четыре светила прикрыть.
Уж трепещут в них молнии синие,
Быть великому грому сулят.
И дождями с заметным усилением
Стрелы звонкие с Дону летят.

Копьям скоро изломиться,
Саблям острым затупиться
О шелома, меч в руке, –
На Каяле на реке.

Ляжем к солнцу ликами
У Дона великого.

* * *

О Русская земля! Ты уже за холмом!

* * *

Ветры, внуки Стрибога, веют стрелами с моря.
И земля гудит, реки мутные,
Поле пыльное, думы смутные.
Храбро Игоря войско, и себе и врагу на горе.

Стяги дозemi изгибаются,
Говорят без слов, зажигаются:
Сколько их идет, этих половцев,
С моря теплого, с Дону-золотца.
Дети бесовы поле кликами
Перекроили, перемыкали.
Встали русичи, светлы ликами,
Со щитами своими червлеными.

* * *

Ярый тур, о Всеволод, могучий!
Ты стоишь с полками, держишь бой.
Мечешь стрел своих каленых тучи,
Бьешь булатом всех перед собой.

И куда ты, яр тур, ни поскачешь,
Где шелом твой ни сверкнет с версты,
С плеч глава аварская, а значит,
Там победа, Всеволод, где ты.

Что такому, братья, раны эти,
Если он все золото земное,
Весь Чернигов стольный, все на свете,
Глебовны лик милый в амулете, —
Все в пылу забудет среди боя.

Братья! Отошли века Трояна,
Ярослава миновали дни.

Про Олега позабыли рано,
Те походы - вот еще они.

Князь Олег ковал ее руками,
Ту крамолу, стрелы разослав.
Стремя только бряк в Тьмуторакани,
А его уж слышит Ярослав.

Звоны эти слыхивал Чернигов,
Сам Владимир, Всеволодов сын.
Уши им закладывало мигом,
Хоть о том никто и не просил.

А Борису, Вячеслава сыну,
На Каяле постелили плат.
За Олега суд судил детину,
За обиду вроде, говорят.

С той же опечаленной Каялы
Святополк отца повез домой.
Вьюк меж иноходцев, окаянный,
В Киев путь показывал, к святой.

Так при Гориславиче Олеге
Рассевались семена усобиц.
Погибал в разбое и набеге
Род Дажьбогов, соль земли и совесть.

Век себе во княжеских хоромех
Сокращали города и веси.
На земле на Русской невеселой
Пахарь тоже не особо весел.

Только воронье слеталось в граи,
Трупы бессловесные долбили.
Только галки, крики извергая,
Ту добычу, знай себе, делили.

* * *

Сколько было в памяти сражений, —
Про такую битву не слышать!
С утра до ночи - передвиженья,
С ночи до рассвета - рать на рать.

Летят тучами стрелы каленые.
Гремят острые сабли о шлемы.
Трещат копыта в полях, опаленные:
«Где мы?! Где мы?!»

Земля незнакома, незнаема,
Земля Половецкая.
Черная, под копыта бросаема,
Кровью полита молодецкою.

Что посеяно тут, во кровавой мгле,
То взойдет горем там, на Русской земле.

* * *

Что там звенит,
Что там гудит?
Битва с зари до зари.
Игорь на выручку брата спешит,
Всеволод гибнет в яри.
Бьется ли день,
Пьют все до дна —
Пали на третий день Игоря стяги.

Братьям опять не хватило вина —
Красной целительной влаги.

Так и закончили русичи пир.
Выпили сами - сватов напоили.
Сами легли на всю степь, на весь мир,
Русскую землю прикрыли.

Никнет от жалости, шепчет трава,
Дерево с горя живое едва.

* * *

Ой ты, сокол, залетел далеко!
Тех дружин уже не воскресить.
Боги Желя с Карною высоко
Роги стали с пламенем носить.

Поскакали по земле по Русской,
Понесли свой жертвенный огонь.
Всплакались, сойдясь на стежке узкой,
Жены - вдовы, едут одвуконь:

«Уж мужей нам - добрых, милых лад
Никакие мысли не измыслят,
Никакие сны не оживят,
Никакие думы не возвысят,
Никакие силы не взбодрят.

Злата нам уж не видать, не трогать,
Счастья нам теперь всего на ноготь».

* * *

И застонал стольный Киев от горя,
И на Чернигов - напасть.
Сколько печальников с моря до моря,
Каждый наплачется влать.

Князи, вы сами крамолу ковали,
Сами к такому вели.
Дань половчане теперь собирали
С данников Русской земли.

* * *

Оба вы, Игорь и Всеволод, оба –
Вместе чинили раздор.
Вас разнимал своей властью особой
Князь Святослав с давних пор.
Истари Киевский князь был грозою.
Помнится, двинул полки
И притоптал половчан, со мурзою
Поговорил у реки.

Лютого зверя прибил он булатом,
Высушил слезный поток.
А Кобяка в его ханстве проклятом
Из лукоморья исторг.

И пал Кобяк; граду Киеву - слава!
В большой палате - гриднице Святослава!
И в этой гриднице венецианцы и немцы
Поют хвалу Святославу великому,
Корить князя Игоря не ленятся,
Ругают его последними словами,
Что потопил богатство на дне Каялы,
Сыпал, сыпал русское золотце

В горло реки чужой, окаянной;
Что пересел князь из седла молодца
В село рабское, седло страшное.
И приуныли города и веси, житье брашное.

* * *

И видится Святославу диево –
Сон смутный, неясный,
Как будто уже и во граде Киеве
Жить стало плохо, опасно.

«Объясните, бояре, мне
Дружески, бражески
Сон такой нехороший,
Некняжеский.

Этой ночью одевали меня, одевали.
Черные покрывала, делать нечего,
На кровати тисовой стлали.
Черпали спешно мне вино какое-то синее –
Вроде бы с горем смешанное,
Некрасивое.

Сыпали на грудь из колчанов пустых
Крупный жемчуг,
Нежили нас, таких простых,
Иноземцы.

Уж и доски без князька в моем тереме,
Не подыметя рука –
Что затеяли!

Всю ночь серые вороны - вороны
Граяли у Плесеньска,
А в предградье лес Кияни сверкал
На все стороны, –
Перебесится.

И неслись эти вороны - вороны - вороны
К морю по ветру.
Мать - земля, люди добрые, –
Что это?!»

И сказали бояре князю великому:
«Ужо князь ты нам, горе ум тебе полонило.
Одна половина тут у тебя,
Мыкает,
А другая там половина.

Это ведь слетели два сокола
С престола отчего, золотого,
Чтобы добыть Тьмуторакани со дна глубокого,
Дону испить удалого.

Да у сокола уж подсечены крылья болезные.
Сабли поганые встречены,
Путают пути соколиков, –
Железные».

* * *

И темнынь же была на третий день!
Сразу оба солнышка погасли.
Два столба багряны - одна тень
И еще два месяца - два красных
Молодца - Олег и Святослав.

Тьма на землю Русскую свалилась,
Все она собой обволокла,
В море выше горла погрузилась,
Смелости Востоку придала.
От реки Каялы ходят половцы –
Многодетный выводок гепарда.
Где вы, где вы, Игоревы молодцы,
Вас за все какая ждет награда?
И позор упал на нашу славу,
И насилье давит на свободу.
Дивы прут на Русскую заставу,
Тяжело Велесову народу.
Девы гордо, полные огня,
Берега поют чужого моря,
Нашим русским золотом звеня,
Воспевают Буса нам на горе
И лелеют мечь за Широкана –
Деда еще хана Кончака.
О дружина! Приуньла рано,
Мы еще не сгнули пока.

И тогда великий Святослав
Молвит золотое свое Слово –
Со слезами смешанное Слово,
Вот что тихим голосом сказав:

«О дети мои вы, дети!
Ты, Игорь, и, Всеволод, ты!
Нет боли больнее на свете,
Незрячее нет слепоты.

Обиду земле Половецкой
Вы начали рано творить,

Искать себе славы и дерзко
Мечом боевым говорить.

Вы сами хотели быть, порознь, –
Делиться не надо, одни.
Вы – рать, не зеленая поросль,
И в битвах закалены.

Ну что ж вы моей сотворили
Серебряной седине?
Не вижу уж силы и власти
У брата у Ярослава.

Все горести и напасти,
Все стежки позарастали –
С черниговскими боярами
И с воеводами тоже,
С татарами и шельберами,
С ревугами и ольберами,
О боже!

Без щитов, бывало, без меча,
С засапожным ножичком одним,
Кликами, как молнией сплеча,
Побеждали, разбивали в пух и в дым!

Умножалась дедовская слава.
Но пришли вы и сказали вы:
«Что нам этот Киев Святослава?
Холм и камень, пыль и сор травы!»

Вы сказали: «Славу мы добудем!
Деды пусть поделятся своей»...

Дети, братья! Мы же с вами люди,
И живем пока среди людей.

Сокол-сокол! Высоко летаешь,
До гнезда себя не допускаешь.
Не даешь гнездо свое в обиду,
А ведь сокол - не орел ведь с виду.

Худо мне, князья не помогают.
Вон как обернулись времена.
Кони половецкие гуляют,
Сабля половецкая слышна.

Там под Римовом, а тут уже другая, –
Князь Владимир ранен, ранен князь –
Глебов сын!
Живем - не покорясь.

* * *

Великий Всеволод! Неужто
Твой Суздаль, всю отправив рать
Сюда, в град Киев, что ль, из дружбы
Не в силах большего сказать?

Ведь можешь все ты, ведь могучий,
Веслами Волгу расплескать,
Дон выпить шеломом и тучей
Опять же с берегом сравнять.

Ты можешь посуху такими
Живыми копьями метать –
То Глеб с сынами удалыми,
То Глеба удалая рать.

Когда б ты здесь был, пред глазами, —
Как камень с шеи:
Раба была бы по резани,
А раб - дешевле.

* * *

А ты, Давыд и Рюрик буйный!
Не ваши ль войны, не вы,
Как в водах речки пескоструйной,
По горло плавали в крови?

Не ваша ль храбрая дружина,
Как тур израненный, кружила?
И вы под саблями калеными
Себя не оскверняли стонами.

Ступите же в золотое стремя
За боль, обиду, наше время,
За стежку стоптанную, узкую,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Игоря Святославича!

* * *

Ярослав Осмомысл, князь Галицкий!
Высоко ты сидишь на престоле.
Глянешь ввысь на тебя - шапка валится,
Как подпер собой горы. Тем боле,
Затворил ворота Дунаю,
Заступил королю дорогу.
Через облако камень швыряя,
Судишь - рядишь все понемногу.
Отворяешь ворота Киеву,

Он ведь отчина, ключ в кармане ж.
И салтанов всех, землю диеву
Метишь стрелами, бьешь и ранишь.
Так стреляй, господин, в Кончака, —
Верный глаз и тверда рука!
Стреляй, воля, в раба поганого,
Поднимай за волю заново!
За стежку стоптаную, узкую,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Игоря Святославича!

* * *

И ты, буйный Роман и Мстислав!
Храбрый ум твой влечет на подвиг.
Высоко паришь, небо достав.
Свысока смотришь вниз, на поддых.

Точно сокол да на ветру,
С птицей всякою сладишь за день.
Как идут, как несут поутру
Под латинскими буквами складень.

То железная рать, молодцы!
Коли дрогнули многие земли -
Хинова,
Литва,
Ятвяги,
Деремела.
Побежали от них и половцы, —
Прежде на каких послабее борзели.
Под мечи попали булатные,
Что ж, люди знатные!

* * *

Ну, князь Игорь, уж солнце померкло,
Не к добру древо сбросило лист.
По Суле и по Роси, как в зеркале,
Города отразились, за жизнь
В какой раз делить собрались!

А тот полк уже не воскреснет!
Кличет Дон тебя, Игорь, в ночи
И зовет всех князей Велесовых,
И спешат сюда ольговичи.

Вот они подоспели на брань...

* * *

Вы, Ингварь и Всеволод,
И все три Мстиславича!
Все пятеро - не худого гнезда.
Не грабили вы, с ним умеете справиться,
Достоинно владеете, да!

Но где ваши шлемы золотые, где копья?
Где польские ваши щиты?
Закройте ворота вы Дикому полю,
А стрелы закроют мосты.

За стезю стоптанную, узкую,
За землю Русскую.
За раны Игоревы,
Игоря Святославича!

* * *

Не Сула струями серебряными
Тихо к Переславлю подбирается,
А Двина из болот, меж деревьями,
К половецким степям продвигается.
Лишь один Изяслав, Васильков сын,
Воин храбрый и с храбрыми, право,
Позвенел мечом о литовский тын,
Прибил славу там деда Всеслава.

А и сам на кровавой траве
Был литовским мечом перебит.
Вместе с другом, согласно молве,
Так сказал, как живой, говорит:

«Князь, дружину твою
Крылья птиц приодели.
Звери крови струю
Подлизать не успели».

Брата не было тут Брючислава.
Только Всеволод попробовал зелья.
Изронилась жемчужная слава
Из золотого его ожерелья.

Приуныли голоса слободненские,
Это трубы трубят гродно-гродненские!

* * *

Все внуки Ярослава и Всеслава!
Склоните стяги, опустите ниц.
Мечи сложите, иссякает слава,
Коль мы лишились дедовских границ.

Ведь это вы крамолами своими,
Вы навели поганых на себя.
На землю нашу Русскую, во имя
Усобицами целое дробя.
И настало насилие резко –
От земли Половецкой!»

* * *

На веке седьмом Трояна
Глянул Всеслав на лица,
Взгляды милой девицы
Хитростью взял, с обмана.

Да и скакнул к Киеву,
Коснулся древком диевым
Золотого престола.
Вот такой был, непростого посла.

Дальше скакнул в Белгород –
Зверем лютым.
Много куда бегалось,
Много чего напутал.

Так добывал себе счастье.
Три удара в ворота Новгорода,
В два Ярослава – на мелкие части,
Скакнул дальше – волк из логова.

С Дудуток до Немиги.
Вот такие времена и миги!

* * *

А на Немиге, а на Немиге
Снопы стелят головой в одну сторону,
Да и молотят цепами вериги,
Дают потешиться ворону.

Кладут вниз головой на току.
Из тела, пока на боку,
Душу вынут и веют, веют.
А лучшего и не знают, и не умеют.

У Немиги - кровавые берега,
Берега кровавы.
Не добром сеяны те луга –
Для забавы.

А засеяны они, стежки узкие,
Костями белыми, костями русскими.

* * *

О, стони - стони, Русская земля!
Помни первых князей,
Первые времена,
Чтя хорошую жизнь,
Дожили до наших дней.
О, Русская земля, где она?!

Того старого князя Владимира
К горам киевским не пригвоздили,
Нельзя было. Все промерено, прокумирено.
Так и жили.

А теперь встали стяги Рюриковы,
А другие стяги - Давыдовы.

Одни - как в сурьме и сурике,
У других - белы краски и идолы.

Врозь полотнища
Только ветрами развеваются,
Ветрами наливаются.

А копыя поют.

* * *

До Дуная голос долетает,
Что кукушка, бедная, кукует:
«Полечу на крыльях по Дунаю,
Шелковые руки омочу я
В той реке неласковой Каяле.
Я утру ему кровавы раны
На могучем теле в краснотале».

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая:
«О ветер, ветрило! Зачем ты дуешь иначе?
Зачем ты веешь стрелы, их не считая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Разве мало тебе под облаками реять,
На синем море корабли лелеять?
Зачем же ты, господин, все умея,
По ковьям моего ладу извезял?»

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая:
«О Днепр Славутич! Ты пробил горы байбачьи,
Ушел в земли половецкие. И, величая,

Ты лелеял корабли Святославы
До самого стана Кобяка.
Так прилелей же, господин, мне милого - малого,
Чтобы не слать ему слез моих издалека –
За сине море».

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая:
«О трижды светлое солнце!
Нет щедрее тебя, не иначе.
Но зачем ты, владыко,
Простерло лучи свои, все облучая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Зачем в поле безводном жаром
У них луки скрутило,
Колчаны со стрелами горем заткнуло?
Так помоги, помоги же, владыко, дай мне силы,
Верни ладу моего из степей, из степного гула,
Эх, да моего Игоря Святославича!»

* * *

Разыгралось море. Гонит тучи.
К северу родному, по одной.
Кто поможет, может, этот случай?
Поскорей из половцев домой!

* * *

Гаснут зори. Игорь вроде спит.
А не спится Игорю, вздыхает.
Мыслями до Дона уж летит,
Путь в Донцу крутому примеряет.

В полночь свистнул за рекой Овлур.
Вот и в поводу ведет коня.
«Князь, пора!» – И вспыхнул буйный тур.
И на север полетел, звеня.

Загремел о травы на скаку,
Вежи половецкие проснулись.
Горностаи метнулись к тростнику,
Гоголь с уткой в воду окунулись.

Князем он держался до конца,
Соскочил на землю серым волком.
Побежал к излучине Донца,
Соколом взлетел под месяц ловко.
Находу сбивая лебедей
К завтраку, к обеду и на ужин,
Все летел, летел, боясь людей,
И Овлур был рядом, князю нужен.

Позагнали все-таки коней.
С ног босых отряхивая росы,
Шли на север много-много дней,
В плечи колотились медоносы.

* * *

«О князь Игорь! – затевал Донец. –
Плену твоему, видать, конец.
Величав ты, села и поля,
Веселится Русская земля!»

«О Донец! – князь Игорь отвечает.
Величав и ты, как на волне.

До сих пор еще меня качает,
Травы ложе устилают мне.

Холода в туманы одевали,
Гоголь на воде берег слегка,
Чайки с поднебесья охраняли, –
Вот какая ты, моя река».

«Что-то о Стугне дурная слава;
Что-то замышляет средь дубрав?»
Не мила, да и не величава,
Все притоки малые вобрав.
Широка и полноводна к устью,
Где и поглотила Ростислава.
Плачет мать по юноше, и грустью,
Жалостью покрылись берега.
Всех живых объяла скорбь – туга.

* * *

Не сороки подлые стрекочут,
Не вороны грают и клекочут.
По следу Игоря Гзак с Кончаком –
Стелятся, как ковыли.
Дятлы стучат по стволам кулаком,
Кажут дорогу в пыли.
И соловьи возвещают рассвет.
Может, и нет.

* * *

Гзак Кончаку говорит:
«Если сокол к гнезду летит,
Сокол к гнезду, скажу, –
Значит, стрелой ссажу».

И Гзаку ответил Кончак:
«Если сокол к гнезду летит,
Сокол летит - все так,
Пусть летится.
Возьмем и опутаем где-то в сторонке
Красной девицей».

* * *

И сказал Гзак Кончаку:
«Если опутаем
Красной девицей,
Ясно и дураку:
Не будет у нас тогда ничего –
Ни девицы, ни птицы.
И станет нам же нехорошо, мерзко
В поле-то Половецком!»

* * *

И сказали Боян и Ходына,
Песнотворцы Святославовы –
Князей Олега и Ярослава любимцы:
«Не гонись в одиночку, дубина,
За славою.
Тяжко голове без плеч,
А без головы – беда всему».
Было бы что беречь,
А найдется – кому.
Как все хожено – перехожено,
Да все играно – переиграно.
Трудно вместе нам всем, похоже,
Тяжко Русской земле –
Без Игоря!

* * *

Как солнце на небе светится,
Безоблачно там и тут.
Поют на Дунае девицы,
А в Киеве князя ждут.

Князь Игорь во граде Киеве
Идет по Боричеву ввысь.
Святой Пирогощей с гривной
Приди – поклонись.

И грады веселы, и рады поля.
Встречает князя Игоря
О, Русская земля!
Да здоровы будут все люди,
Что голову за христиан положили!
Пели песни старым князьям – дожили,
Молодым теперь петь будем.

Слава Игорю Святославичу,
Буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

*г. Орел,
2000 г.*

Леонард Золотарев

**ПОЛОВЕЦКИЕ
НОЧИ**

Драма по мотивам «Слова о полку
Игореве»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Боян - слепой старец, песнопевец великокняжеский.

Святослав - Великий князь Киевский.

Игорь Святославич - князь Северский.

Всеволод Святославич - князь Курский, брат Игоря.

Кончак - хан Половецкий.

Ярославна - жена князя Игоря.

Кончаковна - дочь хана Кончака.

Половецкая девушка.

Овлур - половец при князе Игоре.

Хор.

ПРОЛОГ

Слева, по авансцене, сидит на замшелом камне Боян. Слепой старец перебирает вещице струны гуслей у себя на коленях.

БОЯН. Так начнем же, братья, повесть эту
От времен Велесовых до нас
Про дружину Игоря, что к лету,
Ум скрепив и выбрав нужный час,
Мужеством вдруг сердце наострив
И исполнясь ратного безумства,
В степь повел полки, как и водил,
Храбрые полки за землю Русскую.

Воспоем же славу про него
По былинам нашим, по заветам.
Из седого времени того,
Где себя узнаем по приметам.
Вот и я не десять соколов
Напущу на стадо лебедей –
Возложу персты на волны слов,
На живые струны наших дней.

Гусли мои звончатые, в груди
Серебром ударятся вразлет.
Мы без них, стозвонных, – просто люди,
С ними, былль звенящими, – народ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Киев стольный. Гридница, палаты великокняжеские. Великий князь Святослав в своей опочивальне.

ХОР. И видится Святославу диево –
Сон смутный, неясный.

Как будто уже и во граде Киеве
Жить стало плохо, опасно.
СВЯТОСЛАВ. Объясните бояре,
Мне дружески, бражески
Сон такой нехороший,
Не княжеский.
Этой ночью одевали меня, одевали,
Черные покрывала, делать нечего,
На кровати тисовой стлали.
Черпали мне вино какое-то синее –
Вроде бы с горем смешанное,
Некрасивое.
Сыпали мне на грудь из колчанов пустых
Крупный жемчуг.
Нежили нас, таких простых,
Иноземцы.
Уж и верх без князька
В моем тереме.
Поднялась же на то рука,
Что затеяли!

Всю ночь вороны - вороны
Граяли у Плесеньска.
А в предградье лес Кияни
Сверкал на все стороны, –
Перебесится.

И неслись эти вороны - вороны - вороны
К морю по ветру.
Мать-земля, люди добрые, –
Что это?!

ХОР. Говорим мы тебе, князю великому:
«Ужо князь ты нам, горе ум тебе полонило.
Одна половина тут у тебя –
Мыкает,

А другая там - половина.
Это ведь слетели два сокола
С престола отчего, золотого,
Чтобы добыть Тьмуторакани со дна глубокого,
Дону испить удалого.
Да у соколов подсечены крылья болезные.
Сабли поганые грудью встречены.
Путают пути соколиков –
Железные».

Князь поднимается с постели.

ХОР (*Святославу*). И темнынь сошла на третий день,
Сразу оба солнышка погасли.
С ободочка узенького - тень,
С черненького пятнышка - несчастье,
Тьма на землю Русскую свалилась,
День ночной тугой обволокла,
В море черемное погрузилась,
Смелости Востоку придала.
От реки Каялы ходят половцы.
Где вы, где вы, Игоревы молодцы?..
И позор упал на нашу славу,
И насилье давит на свободу.
Дивы прут на Русскую заставу,
Тяжело Велесову народу.
Воспевают Буса, Широкана –
Деда еще хана Кончака.
О дружина! Приуныла рано,
Мы еще не умерли пока.

Говори, великий Святослав,
Молви золотое свое слово,
Со слезами смешанное снова,
Нам его, как с неба, ниспослав.

СВЯТОСЛАВ. О дети мои вы, дети
Ты, Игорь, и, Всеволод, ты!
Нет боли больше на свете,
Незрячее нет слепоты.
Вдвоем по земле половецкой
Вы начали рано ходить
И доли искать молодецкой,
Впустую мечом говорить.
Вы сами хотели все – порознь,
Ну как же - князя, на коне!
Вас движет отвага, не корысть,
Вы в битвах себя закалили.
Но что ж вы моей сотворили
Серебряной седине?!

Уж нету на вас отчей власти,
Вольны вы у Святослава.
Все горечи да напасти,
Все стежки позарастали, –
С черниговскими боярами
И с воеводами тоже,
О боже!..
Без щитов, бывало, без меча –
С засапожным ножичком одним,
С кликами, как молнией с плеча,
Мы громили в прах врага и в дым.
Умножалась дедовская слава,
Но пришли вы и сказали вы:
«Что нам этот Киев величавый?
Этот город, дикий звук совы?
Славу сами мы себе добудем!
Деды пусть поделятся своей...»
Дети, братья! Мы же с вами люди,

Нету ближе нас среди людей.
Сокол, сокол! Высоко летаешь,
До гнезда к себе не допускаешь,
Не дашь гнездо свое в обиду.
А ведь сокол – не орел ведь с виду...
Худо мне, князья не помогают.
Вон как обернулись времена.
Кони половецкие гуляют,
Сабля половецкая слышна.
То под Римом, то вблизи бряцают.
Князь Владимир ранен, ранен князь –
Глебов сын!..
Живем – не покорясь...

Ты, князь Игорь, томишься в плену,
В половецких шатрах Кончака.
Кто утешит в Путивле жену?
Чьи врата закрывает рука?

А степь горит, пылает степь,
И ломают степняки.

Вот-вот ослабнет наша крепь,
Прорвутся «кончаки».

ХОР. Орда же нас пронзит насквозь,
Когда враздробь мы, врозь.
Орда в орде, в орде орда –
На наши города.
Длиннее ночь, короче день,
В глазах густеет темь.
И болью боль терзает грудь,
И слезы застыт путь.

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

СЦЕНА ВТОРАЯ. НОЧЬ ПЕРВАЯ

Ночь. Половецкий стан. Шатер князя Игоря. Сам князь сидит задумчиво за едва приоткрытым пологом. Наплывает мелодия песни «Темная ночь» (с голосом Марка Бернеса).

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Как начать, что сказать,
Чем себя мне утешить?
«Кони ржут за Сулой, кони спешенные?»
«Отзвенела во Киеве рать?»
«В Новгороде трубы трубят?»
«А в Путивле все стяги стоят?»
А в душе моей ночь и темно.
На уме - поражение, хмельно,
Гибель лучших дружинных людей.
Имя Русской земли покачнулось.
Вижу я: половчанин – злодей
Жжет границу уж, пламя сомкнулось.
Уж по нашей крови,
Уж по нашей любви,
Уж по нашим дымам,
Уж по нашим домам,
По любимым, по женщинам скачет...
А душа и рыдает, и плачет...

Как вчера, говорю я с тобой,
Брат мой милый! С травинкой любой
И с женой, со всей Русской землей
Мы прощались, готовясь на бой...
Всеволода - брата своего
Слышу голос. Отзовись, родимый!

Ты один свет солнца моего,
Мы же Святославичи, людины.

Князь Всеволод тенью возникает на подсвеченном изнутри фоне шатра. Князь Игорь припадает перед ним на колено.

КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД. Ты зовешь, и я иду на зов,
Надоела степь своей угрозой.
Сам седлай борзых своих коней,
А мои давно уже готовы.
Все стоим мы в Курске столько дней,
Сколько помнят жены наши - вдовы.

А мои куряне - буйны воины,
Под огнем да трубами повиты,
Крепко сшиты, коли ладно скроены,
Под шеломом холены и биты.
Вскормлены концом копья и вспоены,
Им пути неясные открыты.
И овраги знаемы, освоены,
Луки их натянуты, сердиты.
А колчаны полные отворены,
Сабли их отточены, изострены,
Кровью закаленные и горями
На носу у половцев, на росстани.
Сами скачут серым волком в поле,
Мнут копытом ковыли и травы.
Ищут буйны туры себе воли,
Князю своему добра и славы.

Тень князя Всеволода исчезает с яркого фона шатра.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. И вложил я ногу свою в стремя,
И поехал полем чистым, палом,

Солнце тьмой давило мое темя,
Путь перед глазами заступало.
Ночь стонала, птицу пробуждая.
Встрепенулся див в грачиной стае
И с вершины дерева свалился.
Но не слушал я родные тени –
Родины своей, ее знамений.

И прилег я ко чужой земле,
Приложился - к гулкой - чутким ухом.
Слышу, как от Волги, как во мгле,
От Поморья - не достать и слухом,
Посулю, Корсунью - все сюда,
От тебя, Тьмутараканский идол!
Гонят табуны, текут стада,
Половцы идут, - любой обидит.
К Дону все великому, к реке.
Непрямы, нетоптаны дороги.
И кричат телеги вдалеке,
Лебеди любимые в тревоге.

ХОР (*вздыхая*). И князь Игорь к Дону воинов ведет,
А навстречу тьмища половецких орд.
О Русская земля! Ты уже за холмом.

И далее под протяжную мелодию песни «Темная ночь».
Уж по дубам подстерегают птицы,
И волки рыщут по оврагам стай.
Орлиный клекот по степи кружится,
На пиршестве зверей и птиц сзывая.
Лисица брешет на червлёный щит,
А воин еще жив ведь, не убит.

Заметался, встревожился хор. Выделяется одинокий девичий голос.

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС. Зорька свет роняла,
Долго ночь не меркла.
Мглою покрывало бранные поля.
Соловьи уснули,
В сон их краткий ввергло,
Отдыхала веще
Ратная земля.
Галки пробулись,
Взмыли, раскричались -
Хриплые такие,
Голоса в надрыв.
А щиты стояли,
Высились, качались,
Жаркими рядами
Поле перекрыв.
Встали, встали русичи -
Русские заставы.
Ищут князю чести,
А теряют главы.

ХОР. Ветры, внуки Стрибоговы, веют стрелами с моря.

И земля гудит, реки мутные,
Поле пыльное, думы смутные.
Стяги доземи изгибаются,
От зловещих слов зажигаются.

Сколько их идет - этих половцев
С моря теплого, все на молодца,
Добра молодца - чиста золотца.
Дети бесовы поле кликами
Перекроили, перемыкали.

Встанем, русичи, мы, светлы ликами,
Со щитами своими червлеными!
ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА. Но – в Диком поле
Олега гнездо задремало,
Далеко залетело!
Ходит смело,
Обиды сделало мало
И соколу в его сторону,
И кречету под путем Млечным,
И даже тебе, черну ворону, –
Половец меченый.

ХОР. Тучи черные с черного моря
Круг светила вещают прикрывать.
Как встрепещутся молнии синие,
Быть великому грому сулят.
И дождями на ветер с усилием
Стрелы звонко вот-вот полетят.
Копьям скоро изломиться,
Саблям острым затупиться
О шелома, меч в руке, –
На Каяле на реке.

Ляжем к солнцу ликами
У Дона великого.
О Русская земля! Ты уже за холмом!

*Князь Игорь встает, прерывая видения. Смотрит
перед собой в Дикую степь.*

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Ярый тур, о Всеволод могучий!
Ты стоишь с полками, держишь бой.
Мечешь стрел своих каленых тучи,
Бьешь булатом всех перед собой.
И куда ты, яр тур, ни поскачешь.
Где шелом твой ни сверкнет с версты,

С плеч глава аварская, а значит,
Там победа, Всеволод, где ты!

Братья! Отошли века Трояна,
Ярослава миновали дни.
Мы Олега позабыли рано,
Те походы - вот еще они!

ХОР. Летят тучами стрелы каленые,
Гремят острые сабли о шлемы.
Трещат копыя, в полях опаленные, —
Где мы?! Где мы?!

Земля незнакома, незнаема,
Земля Половецкая.
Черная, из-под копыта бросаема,
Кровью полита молодецкою.

Снова возникает мелодия песни «Темная ночь».

ХОР (далее). Что там звенит,
Что там гудит?
Битва с зари до зари.
Игорь на выручку брата идет,
Всеволод гибнет в яри.
 Бьются весь день,
 Пьют все до дна —
 Пали на третий день Игоря стяги.
 Братьям опять не хватило вина -
 Красной целительной влаги.
Так и закончили русичи пир.
Выпили сами - сватов напоили.
Сами легли во всю степь, на весь мир,
Русскую землю прикрыли.

Никнет от жалости, шепчет трава.
Дерево с горя живое едва.
ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА. Ой ты, сокол, залетел далеко!
Тех дружин уже не воскресить.
Боги Желя с Карною высоко
Стали пламя по земле носить.
Уж мужей нам - добрых, милых лад
Никакие мысли не измыслят,
Никакие сны не оживят,
Никакие думы не возвысят,
Никакие силы не взбодрят.

МУЖСКИЕ ГОЛОСА. Князи, вы сами крамолу ковали,
Сами к такому вели.
Дань половчане с тех пор собирали
С данников Русской земли.

ХОР. А в большой палате - гриднице Святослава,
Во Киеве, - венецианцы и немцы
Поют хвалу Святославу великому,
Корить же князя Игоря не ленятся.

КНЯЗЬ ИГОРЬ (*у шатра на камне*).
Я знаю, ругают меня, клянут
Последними словами.
Мол, потопил богатство на дне Каялы,
Сыпал - сыпал, мол, русское золотце
В горло ненасытное реки чужой, окаянной.
Мол, пересел князь из седла молодца
В седле рабское, седло страшное.
И приуныли города и веси –
Житье брашное.

И настало насилие резко
От земли Половецкой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ. НОЧЬ ВТОРАЯ

Ночь. Тот же шатер князя Игоря, та же мелодия песни «Темная ночь».

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Ну, князь Игорь, уж солнце померкло,
Не к добру древо сбросило лист.
По Суле и по Роси, видать нас, как в зеркале,
Города делить всюду взялись.
А мой полк уже не воскреснет!
Кличет Дон тебя, Игорь, в ночи,
И зовет рать князей Велесовых,
И спешат сюда Ольговичи...

Ярослав Осмысл, князь Галицкий!
Высоко ты сидишь на престоле.
Глянeshь ввысь на тебя - шапка валится,
Как подпер собой горы. Тем более,
Затворил ворота Дунаю,
Отворяешь ворота Киеву.
Так стреляй, господин, в Кончака!
Поднимай людей заново!

ХОР. За стежку стоптанную, узкую,
За землю Русскую!
За раны Игоревы,
Игоря Святославича!

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Вы, Ингварь и Всеволод,
И все три Мстиславича!
Где шлемы золотые ваши,
Где копья?
Где польские ваши щиты?
Закройте ворота вы Дикому полю,
А стрелы удержат мосты.

ХОР. За стежку стоптанную, узкую,
За землю Русскую!

За раны Игоревы,
Игоря Святославича!
КНЯЗЬ ИГОРЬ. Изяслав, Васильков сын,
Воин храбрый с храбрыми, право,
Позвенел мечом о литовский тын,
Прибил славу там деда Всеслава.

Брата не было тут Брячислава,
Не испил с нами хмельного зелья.
Изронилась жемчужная слава
Из золотого его ожерелья.

ХОР. Все внуки Ярослава и Всеслава!
Склоните стяги, опуститесь ниц,
Мечи сложите – иссякает слава,
Коль мы лишились дедовских границ.

Ведь это вы крамолами своими,
Вы навели поганых на себя,
На землю нашу Русскую, чье имя,
Так и живем, усобицей дробя.
И настало насилие резко –
От земли Половецкой!

КНЯЗЬ ИГОРЬ (*повторя задумчиво*).

И настало насилие резко –
От земли Половецкой!!

Слышен шорох за спиной, князь Игорь вздрагивает. Из тьмы возникает Половецкая девушка. Приближается, берет руку князя, пытается надеть перстень ему на палец.

ПОЛОВЧАНКА, Это, князь, тебе! Красавица – дочь великого хана зовет тебя в свой шатер. Полюбила с первого взгляда...

Князь Игорь неподвижен, прислушиваясь к отдаленной мелодии.

ХОР (*воздыхая, тихо*). У Немиги кровавые берега,
Берега кровавы.
Не добром засеяны те луга –
Для забавы.
А засеяны они, стежки узкие,
Костями белыми, костями русскими.
О, стонь-стони, Русская земля!

На фоне шатра возникает силуэт Ярославны – жены князя Игоря.

ХОР. До Дуная голос долетает,
Что кукушка, бедная, кукует.
ЯРОСЛАВНА. Полечу на крыльях по Дунаю,
Шелковые руки омочу я
В той реке неласковой Каяле.
Я утру ему кровавы раны
У берегов заросших, в краснотале.

Снова из ночи появляется Половецкая девушка.

ПОЛОВЧАНКА. Князь! Вот тебе от Кончаковны - шапка
самого Кончака! Будешь сидеть высоко, с Великим ханом.

Князь Игорь отстраняет руку Половчанки.

Снова на фоне шатра возникает силуэт Ярославны, все слышнее мелодия песни «Темная ночь».

ХОР (*как бы издали*). Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая.
ЯРОСЛАВНА. О ветер-ветрило! Зачем ты дуешь иначе,
Зачем ты веешь стрелы свои, не считая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Разве мало тебе под облаками реять,
На синем море корабли лелеять?

Зачем же ты, господин, горе сея,
По ковылям моего ладу извевял?

Князь Игорь делает движение навстречу ей. Появляется Кончаковна. И буйные краски, ритмы половецких плясок перебивают мелодию «Темной ночи». И опять на ярком фоне шатра возникает силуэт Ярославны.

ХОР. Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене, причитая.

ЯРОСЛАВНА. О трижды светлое солнце!
Взойди же! Нет щедрее тебя, нет богаче.
Но зачем ты, владыко, простираешь
Лучи свои, все облучая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Зачем в июле безводном,
Жаром ты ему луки скрутило,
Колчаны стрелами, горем заткнуло?
Так помоги, помоги же, владыко, дай мне силы,
Верни ладу моего из степного топота, гула,
Эх, да моего Игоря Святославича!

Кончаковна уводит князя Игоря подальше, в степь, к шатру Кончака.

Костер. Под ритмы половецких плясок Бородина извиваются в танцах половецкие девушки. Как чурбан, сидя, застыл перед ними Кончак. Князь Игорь сидит между ханом и его дочерью, восхищен тем, что видит, слышит.

КОНЧАК (клонясь к нему). Встань под мои рамена, князь!

И степь вся станет нашей, покорясь.

Над степью будем властвовать вдвоем,

Тебе курган насыплем при моем.

Князь Игорь отворачивается, слыша со стороны все ту же свою ночную мелодию.

КНЯЗЬ ИГОРЬ (*про себя, отбивая пальцем по колену себе четкие ритмы*).

Полегли, полегли, молодцы,
А кругом, а кругом половцы.
Гей ты, кострище!
Греются тыщи.
Стелятся ковыли.
Ветрами до земли.
А в шатрах, а в шатрах - девушки,
Где вы, стены родные, вы, стenuшки?
Гей ты, кострище!
Томятся тыщи.
Спрятан в платье кинжал -
До поры полежал.
Время настанет - кровь еще грядет.
 На коней, на коней, - пленницы!
 По степи, по степи, - девицы!
 Гей ты, кострище!
 Вспыхнуло, свищет.
 Ухватила коня,
 Улетела, звеня,
 В Северу с ветром.
 Гонятся - где там.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ. НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Глубокая ночь. Тот же шатер. Отсвет далеких костров.

КНЯЗЬ ИГОРЬ (*склонил голову, сидя на камне*).

И позор упал на нашу славу,
И насилье давит на свободу.
Дивы прут на Русскую заставу,
Тяжело Велесову народу.
Девы страстно, полные огня,
Берега поют чужого моря,

Нашим русским золотцем звеня,
Воспевают Буса нам на горе
И лелеют мечь за Широкана –
Деда еще хана Кончака.
Степь глухая! Веселишься рано,
Мы еще не умерли пока.
Еще встанут, поднимутся молодцы,
Побегут, побегут еще половцы!
О брат мой Всеволод! Неужто
Твой Суздаль, всю отправив рать
Сюда, во Киев, в знак особой дружбы,
Не в силах большего сказать?
Все может он - наш князь могучий!
Веслами Волгу расплескать,
Дон выпить шеломом и тучей
Опять же берега сравнять.
Он может посуху живыми
В нас, бедных, копьями метать, –
То Глеб с сынами удалыми,
То Глеба удалая рать.

Когда б ты пал перед глазами,
Как камень с шеи,
Раба была бы по резани,
А раб – дешевле.

Появляется Облур - половчанин при князе Игоре. Молча слушает князя.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. А ты, Давыд и Рюрик буйный!
Не ваши ль воины, не вы,
Как в водах речки тихоструйной,
По горло плавали в крови?
Не ваша ль храбрая дружина,
Как тур израненный, кружила?

Но вы под саблями калеными
Себя не оскверняли стенами.

Ступите же в золотое стремя
За боль, обиду, наше время.

А я уж к вам спешу, бегу.

Мой конь стоит на берегу.

А ночь черна, и ждать невмочь.

Князь вздрагивает, чуя кого-то за спиной.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Ах, это ты, Овлур? Сюда. Будь у коня.

В ложбине жди меня.

Овлур исчезает. Со смехом в шатер входит Кончаковна.

КОНЧАКОВНА. Князь дорогой, вот видишь – я пришла!

Отцов запрет нарушила. Отец мне

Простит, когда бы я тебя смогла,

О князь, склонить к себе любовной песней.

Суров ты, хмур. И что тебя гнетет?

Что пред твоим проходит взором?

Жена твоя - славянский бледный плод,

Сосуд пустой или наполнен вздором.

Как я смугла, шелк на моем плече!

Какая шея, атласы на бедрах!

А что жена, чем похвалиться ей,

Что, кроме слез, на щеках бледных, гордых?

Я вся твоя, глянь на меня, гляди!

Коснись же, князь мой, утони в груди!

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Молчи, сова. Слова твои зачем?

Рука к руке, и обе на мече!

Мечом своим я связан по рукам.

КОНЧАКОВНА. Довольно поклоняться облакам,

Спустись на землю. Обними меня,

И вспыхнет ночь от дерзкого огня...

Ну наклонись же, ниже - ну целуй!

Дыханьем обожги мое дыханье.

Шорох в углу шатра. Кончаковна отскакивает, как кошка. В руке сверкнул кинжал.

КОНЧАКОВНА. Кто ты? Что за безумный джин?

И почему вдруг вылез... из сосуда?

Да кто же, кто такой, – скажи!

Иль крикну стражу.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Овлур. Приставлен половец отцом

Твоим - при мне быть молодцом.

ОВЛУР (*потупя взор*). Я и служу, о князь, за совесть...

КОНЧАКОВНА. Князь, я не успокоюсь.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. И у шатра глаза и уши.

КОНЧАКОВНА. Какой конец?

Про что - отец?

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Да уж не тот ли молодец,

Что дома прыток, удалец,

А тут под стражу взят, подлец!

КОНЧАКОВНА (*рассмеявшись*). Да я готова

Снять секреты.

На все пойду, все ради чар.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Но-но! Мы вои - не поэты

И не воюем по ночам.

Чтобы с рассветом твой кинжал

Мой путь побед не задержал.

КОНЧАКОВНА. Куда твой «путь»? К какой «победе»?

Ты пленник наш, ты пленник мой!

Скажу - под полог всадник въедет

И встанет меж тобой и мной.

Скажу - и, чтоб не видел солнца,

Завяжут навеки глаза.

Чтоб не упала в Дон, на донце,

Твоя ничтожная слеза.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Еще бы! За отцом ты, в силе,

Казнить ты можешь и щадить.

Но Ярославны нет красивой,
Прекраснее не может быть!
Теперь вот можешь и убить.
КОНЧАКОВНА (*хлопая в ладоши*). Ха-ха-ха-ха,
Сюда, ко мне!
Да где же ты запропастилась,
Дрянная девка!.. Мы - одне.
Князь, пей вино, вино в вине,
Оно само сюда явилось!
Не бойся, я не отравлю,
Я слишком, кажется, люблю.
Смотри - сама ведь кубок пью.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Ты - хана дочь, и с детства яду
Тебе давали, как награду.
*Кончаковна швыряет кубок и обнимает князя, другая
рука держит кинжал у его горла. Овлур бросается между
ними.*

ОВЛУР. Прочь, прочь, распутная девица!
Узнав, простит ли сам Кончак?
Вот домогаешься ты как –
Любви чужого барса, львица!
*Кончаковна делает неверные шаги. Половецкая девуш-
ка уводит ее.*

КНЯЗЬ ИГОРЬ. О ночи половецкие, о ночи!
Что ваша тьма, что в тьме заключено?
Вот лик луны, Стожары вот... Короче,
Не пей, котенок, белое вино!

О ночи половецкие, о ночи!
Когда один в другом народе,
Привыкнуть можно к несвободе.
А сколько всяческих ключей
В восточном облике ночей?

В своем губительном плену
Уж ночь не выделишь одну...
«О Русская, о Русская земля!
Ты уже за холмом!» И нету мочи
Тут быть... и голову сломя...
Овлур, молчу! Ты обмотал копыта
Коню парчой или хотя б ковром,
Чтоб не гремело, было шито-крыто?
Не жаль добра, щедрее будь с добром.
Оседлан конь ли? Нет ли под седлом
Шипов стальных, изостренных, кровавых?

ОВЛУР. Оседлан. Ржет.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Хлестни, и поделом.

Конь половецкий, хану ищет славы!
Зачем такой? Другого оседлай,
А я тут посижу. Есть время до рассвета.
Вот не застиг бы нас собачий лай.
Звезда промчалась - добрая примета.
А ты, Овлур, особо не грусти:
Хороший воин и у нас в чести.
У нас девицы любят заграницы,
Есть отчего их головам кружиться.

ОВЛУР. Я все о той, своей, какая ждет...

Я обещал и отправляюсь вот...

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Каков умелец! Если б так держали

Слова свои у нас государи.
Но хватит, все! Минуты побежали.
Последние до утренней зари.
Оставь меня! Предчувствие такое,
Что путь то ль волк заступит, то ль Кончак.
Во-он кто-то в белом машет мне рукою.
Ты ль, Ярославна? Ты! И это так.

Поднимается ветер. В свисте ветра возникает знакомая мелодия песни «Темная ночь». На фоне костра тенью колышется опять-таки Ярославна.

ХОР. Ярославна громко плачет,

В Путивле, на городской стене, причитая.

ЯРОСЛАВНА. О трижды светлое солнце!

О ветер - ветрило!

О Днепр Славутич!

Это ты пробил горы, сквозь земли Половецкие,

Ты взлелеял корабли Святославовы

До самого стана Кобяка.

Так прилелей же, господин, мне милого - малого,

Чтоб не слать ему слез моих издалека

За сине море...

Верни же ладу моего из степей...

СЦЕНА ПЯТАЯ. ПОБЕГ

ХОР. Разыгралось море. Гонит тучи

К Северу степною стороной.

Вслед за ними - да поможет случай –

Поскорей из половцев домой!

Гаснут зори. Игорь будто спит.

А не спится Игорю, вздыхает.

Мыслями до Дона уж летит,

Путь к Донцу крутому примеряет.

В полночь свистнул за рекой Овлур.

Овлур свистит в ночь, свист переходит в ветер, в буйство известной мелодии.

ОВЛУР. Вот я, князь! Веду тебе коня.

И меня бери с собой, меня.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Значит, ты решился, половчанин?

ОВЛУР. Как и ты, князь, все не сплю ночами!

Сердце бьется, отдает в плече –

Девушка стоит перед глазами...
Раз увидел - ноги идут сами...
КНЯЗЬ ИГОРЬ. Любишь, значит? Все тебе любовь,
Даже степь родную заслонила?
ОВЛУР. Мне не степь, мне родина - где я.
Где мой конь, жена моя и дети.
Вишь, шмыгнула в ковыли змея?
Всем расскажет, засекут нас плети.
Слышу, хан уж слушает змею...
Князь, пора! Бери, бери меня...
ХОР. И присвистнул за рекой Овлур.
Эх, как вспыхнул Игорь - буйный тур!
И на Север полетел, звеня.
Загремел о травы насаку,
Вежи половецкие проснулись.
Горностай метнулся к тростнику,
Гоголь с уткой в воду окунулись.
КНЯЗЬ ИГОРЬ. Князем на коне держусь я, князем.
Соскочу - стелюсь уж серым волком.
Вот излука Донца! С седел слазим!
Соколом перелечу я. Ловко
На ходу сбиваю лебедей -
К завтраку, обеду, ужину...
Все лечу поодаль от людей...
Где Овлур?
ОВЛУР. Я рядом, князь, я следом.
КНЯЗЬ ИГОРЬ. Позагнали все-таки коней,
С трав высоких стряхивая росы.
Держим путь на Север столько дней,
Плечи нам колотят медоносы,
– «О князь Игорь! - говорит Донец.
– Плену твоему, видать, конец.
Величав ты, не грустят поля.

Нас встречает Русская земля!»
– «Донец! - реке я отвечаю. –
Величав и ты. Как на волне,
Путника усталого качает,
Травы ложе устилают мне,
Холода в туманы одевают,
Гоголь волны колыхнет слегка,
Чайки поднебесье охраняют, –
Вот такая ты, моя река».

ОВЛУР. Не сороки подлые стрекочут,
Не вороны грают и клеочут.
Слышишь, князь, Гзак скачет с Кончаком –
Стелются по ковылям тайком.
Вот и дятлы стучат кулаком –
То по дереву, то по пыли.
А соловьи возвещают рассвет...
Может, и нет.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Слышу, слышу, Овлур!
Слово слышу.
Это Гзак Кончаку говорит:
«Если сокол к гнезду все выше,
Сокол к гнезду, скажу, –
Значит, стрелой ссажу».

ОВЛУР. Если сокол к гнезду летит,
Сокол летит - все так,
Пусть ему, пусть летится.
Возьмут и опутают потихоньку
Красной девицей.

КНЯЗЬ ИГОРЬ. Знаем-знаем,
Если опутают
Красной девицей,
Ясно и дураку:
Не будет у них тогда ничего –

Ни девицы, ни птицы.
И станет им нехорошо, мерзко –
В стане-то половецком!

ХОР. Как солнце на небе светится,
Как солнышко там и тут!
Поют на Дунае девицы,
А в Киеве князя ждут.

Князь Игорь во граде Киеве,
Идет по Боричеву ввысь.
Святой Пирогощей с гривной
Приди поклонись.

И грады веселы, рады поля.
Встречает князя Игоря
О Русская земля!
О Русская земля!

ЯРОСЛАВНА. О князь мой любимый, княже!
Вернулся желанный, живой!
Из Дикой степи, из вражьей
На радостный берег мой!

Я небеса упросила,
Оно услышало мольбу.
Любовь - великая сила,
Венчающая судьбу.

ХОР (*веселясь*). Подсолнух клевали небесные пташки:
В макушку, в макушку его!..

Легенда к легенде, ромашка к ромашке
Медами текут по устам.
Подальше от князя, веселые пташки,
Поближе, проказницы, к нам!

ЭПИЛОГ

ХОР. И сказали Боян и Ходына -
Песнотворцы Святославовы,
Князей Олега и Ярослава любимцы:
«Не гонись в одиночку, лбина, –
За славою.

Тяжко голове без плеч,
А без головы беда всему.
Было бы что беречь,
А найдется - кому».

БОЯН (*перебирая задумчиво струны*).

Как все хожено - перехожено
Да все играно – переиграно.
Трудно вместе нам всем, похоже,
Тяжко Русской земле –
Без Игоря!

ХОР. Нет, Боян не десять соколов
Напускал на стадо лебедей –
Возлагал персты на ливни слов,
На живые струны, чародей,
И гремела слава про князей.

БОЯН. Я на солнце светлое взглянул
И увидел тьмою круг покрытый,
И перед дружиною вздохнул,
Да и спел все в песне знаменитой.

АМИНЬ.

Леонард Золотарев
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

СЛОВО О ПОЛКУ...

Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что лицемерила потом,
А та, что, ярясь, дикая, горела
Во всем славянском облике моем.
Я небо пел, я поклонялся травам,
Врагам открыто слал: «Иду на вы!»
Моя единокровная держава
Была по мне дороже головы.
Я славил Русь, ее прямые речи,
Свой дух сверял со «Словом о полку...»
Зачем же врать, дни кратки человечьи,
А мы всего видали навеку.
А «Слово» в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.
А «Слово» с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда – польнь, пророчество из тлена,
Она висит и смертью отдает.
И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной одной.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Ты хранись в нас, о русская речь!
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь,
Русь святая себя сохранит.

Сохранит землю Русскую сын,

Сохранит сына русская мать.

Будем ей молчаливо внимать

Под гортанные скрипы осин.

Под тележный заржавленный звук,

Под кровавые просыпи рос.

Был мой дедушка великоросс,

Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь!

Русь, Россия родимая, мать!

За нее уж пришлось в землю лечь,

За нее еще будем стоять.

АПОКРИФ. СКРИПКА

Дедушка говаривал частенько:

– Не впадай от темноты в тоску.

Вот, внучок, состаришься маленько,

К Богу приведешь свою строку.

Тайны знаешь, в знаки заключая,

Как же это можно без Творца?

И дарил мне, дней не омрачая,

Скрипку, бесноватую с лица.

– Укрощай! – и хлебороб Макарыч

Нежно клал чертеж перед собой. –

Станешь звуком, музыкой, гитарой,

Мастера боится бес любой.

И когда в концерте вдох ли, Бог ли
Дал возможность просиять и мне,
Людам с Божьей помощью апокриф
Я сыграл и на одной струне.

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

«Неупиваемая чаша» -
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.
До дна, хрустальная, видна,
Живые тени на плаву.
В июне чаша холодна,
И потеплее к Покрову.
Когда наклонишься к ней чуть,
Чтоб в зазеркалье пить своё,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.
И Русь с небес отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Каков наш от богов привет!
Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский».

21 ноября 2011 г.,
Михайлов день

РЕЛИКВИЯ. ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

Привезли из Афона в Россию
Реликвию – пояс Богородицы.
Стали в очередь, под крестом просили:
– Ребеночка бы, дитя бы!.. В душу ломится:
«Помоги, помоги, Богородица!»
 Безгреховное дай, божье, детское,
 Непорочно зачатие самого Спасителя.
 А то что-то Русь стала бедствовать,
 Косят косою нас наши целители,
 Мрем, как мухи в нашей обители.
Господи! Помоги нам, Греция!
Византийству в нас, Риму Третьему.
Ока тут у нас! Как звуки меццо
Елены Образцовой. Течет певуче у Фета
Поясом Богородицы – полем и лесом,
Поперек Руси – зимою и летом.
 А не как все реки – с севера на юг,
 Как Волга, Днипро или Дон.
 Господи! Спаси нас от жадных рук.
 Очередь, очередь! На семь километров. Вдоль
 По Москве-реке и далее к устью, к Оке.
В Москву едем, стоим в мороз
Ночь напролет, падаем замертво.
А тут у нас подпоясан Окой
Вечный покой,
Русый колосс,
Слово как Бог на пергаменте.
 В очередь, очередь! Сколько к Богу,
 Душу спасая, движется к Богородице,
 Столько и к Дьяволу в очередь строится,
 Расставшись с совестью.

Господи! Спаси их.
Господи! Прости их.
Они не ведают, что творят.
Помоги, помоги им, Богородица!
Господи! Мать Богородица!
Сколько бедных вокруг, сколько сирых!
Защити и спаси нас по великой Руси
От оскудения, от вора и виры,
От ветров бездумных в ретро.
Люди! Жизнь – это диво.
Годы – из божьего круга,
Где и рублевская Троица.
В поле кланяемся! Верим друг в друга.
Любим, пока мы живы!
Пособи, Богородица!
Тебе, Родина, дух мой молится.
Опоясай нас, обхвати своим поясом!
Пособи, пособи, Богородица!

*30 ноября 2011 г.,
г Орел*

СУБЛИМАЦИЯ

Свет души, свет глаз
Радует нас в ночной тиши.
Любовь еще не ушла, сердце еще не остыло.
Жизнь прекрасна, не говори, что было,
А что есть – говори, что мило.
Спешу в свой сад,
В свои райские кущи,
Где у меня стол для друзей
Из простых и князей.
Во мне звуки, нежность, тепло,

Где и ночью светло,
А днем прохладно в жару,
Очищая всего на ветру.
Мой тенистый, любимый мой сад,
Над которым, как яблоки, звезды висят.
Как они совершенны, красивы,
Вечно живущие, живы.
Боги яблокам сок наливают своею рукой,
Миру страждущих навевают раздумья, приносят покой.

7 сентября 2011 г.,
г. Малоархангельск

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. А. С. Пушкин <i>«Песнь о полку Игореве»</i>	3
Русская жемчужина. От составителя и автора	11
Переводы и переложения	12
<i>Василий Жуковский. Слово о полку Игореве</i>	15
<i>Михаил Деларю. Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олега</i>	32
<i>Аполлон Майков. Слово о полку Игореве</i>	45
<i>Константин Бальмонт. Слово о полку Игореве</i>	67
<i>Сергей Шервинский. Слово о полку Игореве</i>	86
<i>Владимир Стеллецкий. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова</i>	112
<i>Николай Заболоцкий. Слово о полку Игореве</i>	131
<i>Александр Степанов. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега</i>	158
<i>Семен Ботвинник. Слово о полку Игоря, сына Святослава, внука Олега</i>	187
<i>Андрей Чернов. Слово о походе, войске и битве Игоря, сына Святослава, внука Олега</i>	213
<i>Игорь Шкляревский. Слово о полку Игореве</i>	246
<i>Леонард Золотарев «Слово о полку Игореве» (поэтическое переложение)</i>	268
Половецкие ночи Драма по мотивам «Слова о полку Игореве».....	297
Вместо послесловия. Стихи	
Слово о полку	326

Родная речь	327
Апокриф. Скрипка	327
Неупиваемая чаша	328
Реликвия. Пояс Богородицы	329
Сублимация	330

Чтобы Слово стрелами пропето,
Закипало, меткое, в крови,
Не жалейте сердца для поэта,
Для людей - улыбки и любви.

Леонард Золотарев.

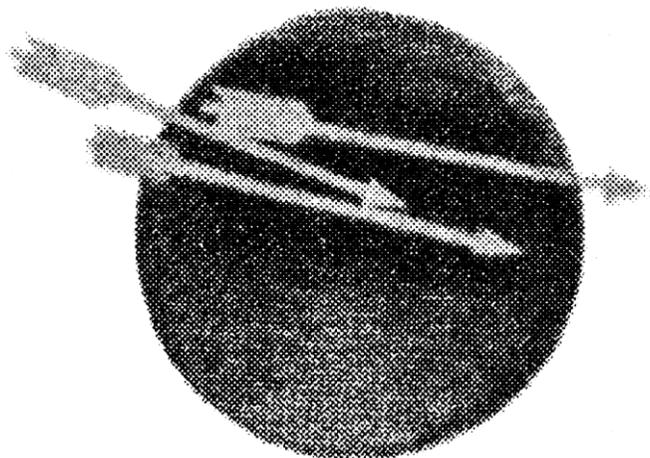
Это ежика с ежонком выходили вчера
на дорожку,
А сейчас убегают века в облака.
И каждый вечер я понемножку
Наливаю им молока.

Идём по Млечному пути
От предков наших до потомков.

«И на Солнце светлое взглянул,
И увидел тьмою круг закрытый».

« А мои куряне буйны воины,
Вскормлены с конца копья и вспоены.
Им пути неясные открыты».

Леонард Михайлович Золотарев

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Корректурa автора

Издатель: Александр Владимирович Воробьев

Издатель: Александр Воробьев

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано к печати 31.05.2012. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. Тираж 100 экз. Заказ № 747.

Отпечатано на полиграфической базе

Издателя Александра Воробьева: г. Орел, пер. Новосильский, 1

Тел. (4862) 76-17-15, 54-15-48

Ярославна громко плачет,
В Путивле, на городской стене,
причитая:
«О трижды светлое Солнце!
Нет щедрее тебя!»

«О, князь! Мой любимый, милый!
Вернулся желанный, живой!
Любовь – великая сила,
Солнце над головой!»